

Тихоненков Дмитрий Анатольевич

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
ЗА ОРГАНАМИ ВУЧК И ГПУ УССР
В 1918- нач. 1929 гг.

Харьков -2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Органы ЧК в системе Советской власти. Контроль и надзор за их деятельностью в 1918-1922 гг.

§ 1 Большевистская доктрина и террор. Создание ЧК

§ 2 Правовое регулирование деятельности чрезвычайных комиссий

§ 3 Партийный контроль за деятельностью ЧК: политические и правовые аспекты

§ 4 Контроль исполкомов советов, народных комиссариатов Госконтроля, Социалистической советской инспекции и Рабоче-крестьянской инспекции за деятельностью ЧК

§ 5 Контроль революционных трибуналов за деятельностью чрезвычайных комиссий

§ 6 Деятельность НКЮ УССР и юридических отделов исполкомов по надзору за органами ЧК

6.1. Правовое закрепление взаимоотношений органов юстиции и ЧК в РСФСР, использование российского опыта на территории Украины

6.2. Надзор за производством органами ЧК дознания и предварительного следствия и за обоснованностью выносимых ими приговоров

6.3. Надзор за законностью содержания под стражей лиц, числящихся за ЧК

6.4. Роль съездов работников юстиции в организации надзора за органами ЧК

Выводы

Глава 2. Новая экономическая политика и органы ГПУ в 1922-нач.1929 гг.

§ 1 Переход к нэпу и проблема правового регулирования.

Реорганизация ВУЧК в ГПУ УССР

§ 2 Структура органов Госполитуправления. Функции ГПУ и их эволюция

§ 3 Правовое регулирование деятельности ГПУ

Выводы

Глава 3. Прокурорский надзор за органами ГПУ и формы его осуществления в 1922 – нач. 1929 гг.

§ 1 Полномочия и деятельность 4-го подотдела прокуратуры республики по надзору за Госполитуправлением УССР

§ 2 Надзор губернских /окружных/ прокуратур за соблюдением законности в деятельности местных органов ГПУ

§ 3 Формы прокурорского надзора за органами ГПУ

3.1. Наблюдательные производства прокуратуры по делам ГПУ

3.2. Доклады следователей и уполномоченных ГПУ о ходе расследования по делам, затребование отдельных дел для личного обозрения, посещение органов ГПУ, дача письменных и устных указаний

3.3. Контроль за движением арестованных, посещение мест предварительного заключения и опрос находящихся под стражей, рассмотрение жалоб и заявлений

Выводы

Заключение

Примечания

Список использованных источников и литературы

Введение

Контрольные и надзорные учреждения и функции являются важнейшими институтами государства и присущи ему с момента зарождения. Их эффективность и "конструкция" во многом определяют стабильность и уровень оптимальности государства и гражданского общества. Большое значение функции надзора и контроля имеют в организации тех властных органов, в которых сосредоточена принудительная сила государства. В государственном механизме эти органы уже сами по себе выполняют "контрольные" функции, выискивая и устраняя опасность, угрожающую существующему строю. Но поскольку в этих органах сосредоточена особая государственная власть и деятельность их обладает специфическим /не всегда открытым/ характером, а их "работа" может иметь для общества огромные последствия, постольку за ними должен быть установлен и особо надежный контроль.

Советские органы государственной безопасности, как показывает недавняя история, были основным орудием тоталитаризма и насилия над обществом, обеспечивая господство высшей коммунистической номенклатуры. Причем все изменения в политической системе были так или иначе связаны с внутривластной борьбой и активностью ВУЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ и КГБ. "Организация, которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить, - писал в своей книге последний шеф КГБ Вадим Бакатин, - имела не только стойкую и заслуженную репутацию беспощадного карающего меча компартии, но и сама могла разрушить кого и что угодно. КГБ и его предшественники... составляли основу тоталитарного режима, без которой этот режим просто не мог существовать."¹

С распадом СССР и провозглашением независимого украинского государства проблема контроля за органами госбезопасности не снимается.

Существует опасность, что эти органы могут стать силовым инструментом уже в руках новой правящей элиты, обслуживая при этом клановые интересы, либо использоваться оппозицией для захвата власти. Можно согласиться с философом М.Восленским, который, выступая на III Международной конференции, посвященной проблемам органов госбезопасности в постсоветский период, подчеркнул необходимость "спокойно и объективно разобраться в том, что такое органы госбезопасности в тоталитарном и в демократическом государстве". И лишь затем, по его мнению, следует наметить пути их трансформации из "органов правящих структур тоталитарного общества" в "органы с весьма ограниченными законом возможностями и строго следующими закону".²

В этой связи представляется актуальным обращение к истории контроля и надзора за органами ВУЧК-ГПУ УССР в годы гражданской войны и новой экономической политики, поскольку нельзя пренебрегать опытом этого, да и всего советского периода. Следует заметить, что несмотря на очевидное различие между большевистскими и современными принципами государственного строительства, можно обозначить и схожие моменты. Сейчас, как и тогда, строится новое государство, идет смена форм собственности /у нас акцент делается на приватизацию и формирование частной собственности, у большевиков - на национализацию и огосударствление экономики/. Для достижения своих целей коммунистическое руководство сознательно шло на террор, на острие которого действовали большевистские органы безопасности в лице ЧК-ГПУ. И хотя современное украинское государство предполагается строить, используя достижения демократии, оно также будет нуждаться в органах, охраняющих его безопасность. Это объясняется тем, что мир не является единым и национальные интересы различных государств далеко не всегда совпадают.

Потребность в так называемых "спецслужбах" будет существовать в настоящем и обозримом будущем. Поэтому важно поставить их под контроль демократических институтов и включить в государственный механизм таким образом, чтобы они не теряя своих специфических функций и возможностей, стали действительными защитниками конституционного порядка и служили интересам свободного гражданского общества, а не той или иной клики. В этом плане как позитивный, так и негативный исторический опыт должен изучаться и учитываться. С другой стороны, отвергая коммунистическую доктрину и связанный с ней террор, совсем не обязательно отказываться от разумных форм и методов контроля, которые применялись в отношении чекистских органов. Тем более, что в условиях ожесточенного внутреннего и внешнего сопротивления их власть сумела выстоять и оформиться в сильное партократическое государство. Не последнюю роль в этом процессе сыграли органы безопасности и контроль за их деятельностью. Формирование же сильного демократического государства в Украине по сути только начинается.

Обращение к первому десятилетию советской власти на Украине с точки зрения истории государства и права дает возможность сопоставить организацию и смысл контроля за органами госбезопасности в двух контрастирующих ситуациях - военного коммунизма, когда ставка делалась на террор и нэпа, когда возобновление /правда недолгое/ рыночных отношений автоматически повлекло за собой потребность в правопорядке и законности.

Становление и организация контроля за ВУЧК-ГПУ УССР в 1918 – нач. 1929 гг. в историко-правовой литературе до настоящего времени не получили адекватного освещения. Начиная с конца 40-х годов было опубликовано несколько статей, в которых отмечалось, что контрольно-

надзорная функция государства до образования прокуратуры была "рассыплена среди ряда органов и учреждений".³ Наблюдение за ЧК осуществляли советы, Наркомюст и юридические отделы исполкомов. Народные комиссариаты Госконтроля и социалистической советской инспекции, Административная инспекция РКИ и др. Отрывочные сведения о контрольных полномочиях этих органов в отношении чрезвычайных комиссий содержатся в диссертациях А.Н. Долженко, Л.Н. Маймескулова, В.Г. Розумного, А.И. Рогожина и других историков права.⁴ О контроле революционных трибуналов за ЧК упоминается в работах Ю.П. Титова.⁵

Более обстоятельно в советской исторической науке исследована роль коммунистической партии в организации и руководстве Всеукраинской ЧК. В диссертациях В.Д. Голиченко и В.В. Сенюшкина, написанных в 60-е годы, дается положительная оценка партийного контроля и подчеркивается, что без него ЧК не могли бы "успешно" и "правильно" выполнять свои задачи.⁶ К подобным выводам, но уже на российском материале, приходит А.С. Велидов⁷, да и все другие авторы, касавшиеся в то время этой темы. Несмотря на апологетический характер, данные работы не потеряли своего значения и по сей день, так как в них поднят значительный эмпирический материал о взаимоотношениях компартии с подконтрольными ей службами госбезопасности.

Менее всего в литературе освещено становление прокурорского надзора за ГПУ. Ему отведено лишь несколько страниц в диссертациях С.И. Власенко, Д.С. Суло и Д.Т. Яковенко.⁸ В настоящее время проблема прокурорского надзора за большевистскими органами безопасности обозначилась в работах Л.Н. Маймескулова, Ю.И. Шаповала, В.И. Пристайко, В. . Золотарева, С.А. Черниченко и И.Б. Усенко. Однако, они не выделяют эту проблему в самостоятельное научное исследование.⁹ Не дают ясного представления об организации и состоянии контроля за ЧК-ГПУ и

труды, посвященные истории этих органов. Б.М. Бабий, П.П. Бачинский, В.Д. Голиченко, Л.Н. Маймескулов, А.И. Рогожин, В.В. Сташис, П.П. Михайленко, С.З. Остряков, В.П. Портнов, П.Г. Софинов, А.В. Тишков и другие авторы останавливались, главным образом, на создании чекистских органов, их деятельности и правовом положении. По мнению этих авторов, ЧК-ГПУ действовали в рамках "социалистической законности", с нарушителями которой в своих рядах боролись самым решительным образом. "Красный террор" представляется им ответной мерой на "белый террор", а исключительная компетенция ЧК-ГПУ вынужденной и временной.¹⁰

Противоположная точка зрения относительно репрессивно-карательных органов большевиков высказывается в работах постсоветского периода. Исследователи, вслед за С.П. Мельгуновым, считают, что "красный террор - система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия: апофеоз убийства, как орудия власти... Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение... Ужас красного террора именно в системе".¹¹ Истоки этой системы усматриваются в теоретических взглядах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Органы ЧК-ГПУ, в данном случае, предстают как средство реализации террора и являются безусловным порождением политической диктатуры. Разумеется, ни о каком контроле и надзоре, по мнению этой группы авторов, не может быть и речи.¹²

Цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы восполнить указанный выше пробел и раскрыть механизм контроля и надзора за органами ЧК-ГПУ, которые являлись неотъемлемой частью советской системы. При этом важно через освещение деятельности ЧК-ГПУ и надзирающих за ними органов приблизиться к решению более широкой проблемы. Сегодня назрела необходимость заново обратиться к изучению советского периода,

произвести идентификацию понятия "советская власть" и определить на каких массовых явлениях базировался этот феномен. Уяснение роли большевистских органов госбезопасности в функционировании советской системы и смысла контроля за ними можно определить как шаг на пути разработки этой комплексной темы.

Осуществление данной цели предполагает решение следующих задач:

- исследовать какое место в системе советской власти занимали чекистские органы и как обстояло дело с контролем за их деятельностью;
- определить формальный круг органов, наделенных контрольно-надзорными полномочиями в отношении ЧК-ГПУ;
- выяснить кто являлся действительным "контролером" деятельности большевистских органов госбезопасности, а также в чем был смысл и что являлось критерием контроля;
- описать нормативно-правовую базу контроля, раскрыть его формы и методы;
- показать эволюцию контрольно-надзорной функции государства в отношении ЧК-ГПУ /особое внимание уделить становлению прокурорского надзора в этой области/;
- выявить зависимость правового режима деятельности чекистских органов и системы надзора за ними от экономической политики и хозяйственного порядка.

В работе исследуется процесс становления контроля и надзора за большевистскими органами безопасности на Украине в первое десятилетие советской власти. В качестве предмета исследования выступают: организационно-правовое положение и деятельность органов, контролирующих ЧК-ГПУ; конкретные формы контроля и надзора.

Написанию работы предшествовали поиск архивных материалов и создание надежной эмпирической базы. Обработка фактического материала

применительно к целям и задачам исследования потребовала обращения как к общим методам научного познания /сравнение, абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному и др./, так и к специальным методам, характерным для историко-правовой науки / конкретно-исторический, структурно-системный и сравнительно-правовой/.

Конкретно-исторический подход заключался в рассмотрении процесса становления контроля и надзора за ЧК-ГПУ не изолированно, а в связи с политическими, экономическими и другими своеобразными социальными явлениями первых десяти лет советской власти на Украине. Системный анализ позволил из всей сложной структуры государственно-правовых явлений того времени выделить основные элементы изучаемого объекта, произвести его теоретическую дифференциацию на отдельные стороны и этапы, происходящих в нем изменений, с целью раскрытия их содержания и взаимоотношений. Достижению этой цели способствовал также сравнительно-правовой метод, при помощи которого выявлялось общее и особенное на различных этапах развития контрольно-надзорной функции Советского государства применительно к ЧК-ГПУ.

Кроме того автором использовались хронологический, статистический, логико-юридический и некоторые другие частно-научные методы исследования.

Работа выполнена на основе выявления, сбора, анализа, обобщения и критического осмысления различных источников. Значительную часть ее документальной базы составляют архивные материалы, прежде всего, находящиеся в фондах Центрального государственного архива высших органов власти и управления /ЦГАВО/ Украины. В фонде 8 /НКЮ УССР/ содержатся приказы, циркуляры, инструкции и другие нормативные акты, регулирующие взаимоотношения органов юстиции и госбезопасности.

Отчеты Наркомюста, юридических отделов исполкомов /оп. 1, д. 861, 862, 864, 871, 872, 875, 877/¹³ и органов прокуратуры /д. 936, 1487, 1507-1524, 1938/ дают представление об организации надзора за ЧК-ГПУ и основных мероприятиях в этой области, а заключения консультантов контрольно-следственного отдела НКЮ УССР /д. 543, 546/ и наблюдательные производства 4-го подотдела прокуратуры республики /д. 1356-1470/ – о содержании форм и методов его надзора. В фонде 8 можно также почерпнуть статистические сведения о движении дел и заключенных, числящихся за ЧК-ГПУ /д. 40, 88, 108, 193, 303, 365, 366, 851, 932, 934, 1508, 1514, 1524/ и другую важную для исследования информацию.

Фонд 539 /Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции УССР/ ЦГАВО Украины содержит ценные материалы о деятельности Административной инспекции РКИ, о работе Центрального и местных бюро жалоб РКИ, состоящих при органах ЧК /оп. 1, д. 1, 2, 53, 222, 223/. Большой интерес для оценки состояния прокурорского надзора за ГПУ УССР представляет доклад, составленный инспекторами НК РКИ по результатам обследования прокуратуры УССР в конце 1923 – нач. 1924 гг. /оп.2, д. 241/. При написании работы широко использовались ф.1 /ВУЦИК/, ф.2 /Совнарком УССР/ и ф.5 /НКВД УССР/, включающие в себя документы по истории ЧК-ГПУ¹⁴ и контролирующих их органов. Отдельные сведения по исследуемой проблеме можно обнаружить и в других фондах ЦГАВО Украины.

Понять механизм партийного контроля за органами безопасности помогают сохранившиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций /ЦГАОО/ Украины протоколы заседаний Политбюро /ф.1. оп.6, д.1, 7, 13, 29, 30, 40, 48, 49, 58, 59, 85, 86, 121, 122, 142, 143/ и Организационного бюро /ф.1, оп.7, д. 1,5, 10, 17, 20, 28, 31, 37, 40, 47, 50, 58, 59, 60, 61/ ЦК КП/б/у. Особый интерес представляют

спецсводки Госполитуправления УССР в ЦК коммунистической партии, данные о количестве сотрудников органов ГПУ, проводимых операциях, "чистках" личного состава и мобилизациях коммунистов на чекистскую работу /ф.1, оп.20, д. 404, 884, 1908,2100/.

Информацию о партийном контроле за большевистскими органами госбезопасности можно извлечь также из фондов областных партийных архивов, в частности фонда п.-1 бывшего Партийного архива Харьковского обкома компартии Украины, который в настоящее время является составной частью Государственного архива Харьковской области /ГАХО/. Материалы прокурорских фондов /р.-872, р.-873, р.-876, р.-1930, р.-1931/ ГАХО содержат отчеты органов прокуратуры о надзоре за ГПУ -в 1922-1929 гг., календарные планы работы, документы прокурорских проверок, сведения о наблюдательных производствах по делам ГПУ и т.п. Их можно также найти в ф.р.-203 /Харьковского губисполкома/, ф.р.-845 /Харьковского окрисполкома/, ф.р.-1639 /Изюмского окрисполкома/ и других фондах архива.

Значительную часть источниковой базы составляют нормативные акты, опубликованные отдельным изданием ¹⁵ или в СУ УССР, СУ РСФСР, СЗ СССР и других сборниках. ¹⁶ Ценные документы содержатся в сборниках по истории ЧК и прокуратуры. ¹⁷

В работе использовались материалы периодических изданий исследуемого периода, статьи и книги Н. Бухарина, С. Дукельского, М. Лациса, А. Луначарского, А. Малицкого, Я. Петерса и других известных чекистов и партийных деятелей. ¹⁸ К этой группе источников тесно примыкает мемуарная литература, содержащая факты, которые не отразились или отразились неполно в документах. ¹⁹ При их оценке следует делать поправку на личную заинтересованность авторов и не всегда адекватное восприятие ими происходящих событий.

В последнее время стали доступны работы политических противников большевиков²⁰, а также бежавших на Запад чекистов.²¹ Знакомство с ними позволяет более полно представить себе деятельность ЧК-ГПУ и понять смысл проводимого ими террора.

Беспристрастный анализ и критическое осмысление всех вышеуказанных источников, на наш взгляд, дают возможность объективно, на документальном уровне исследовать механизм контроля и надзора за органами ВУЧК-ГПУ УССР в 1918 - нач.1929 гг.

Работа является первым в историко-правовой литературе специальным комплексным исследованием проблемы контроля и надзора за органами госбезопасности на Украине в 1918 - нач. 1929 гг. В работе обобщены нормативные акты и архивные материалы ЦГАВО Украины. ЦГАОО Украины и ГАХО, имеющие отношение к теме исследования, значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. Наибольший интерес среди них представляют материалы, связанные с деятельностью 4-го подотдела прокуратуры УССР и органов прокурорского надзора на местах по надзору за ГПУ.

Детальное изучение частной проблемы контроля и надзора за ЧК-ГПУ расширяет наши представления о таком сложном политическом и социальном феномене мировой истории как "советская власть" и в определенной степени облегчает его идентификацию.

ГЛАВА 1

ОРГАНЫ ЧК В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В 1918-1922 гг.

§ 1 Большеви́стская доктрина и террор. Создание ЧК.

С точки зрения классического марксизма одним из направлений деятельности нового государства /диктатуры пролетариата/ должно было стать "подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов". Гражданская война и иностранная интервенция выдвинули эту функцию на первое место, вызвав к жизни целый ряд репрессивно-карательных органов. Очень быстро их действия приобрели характер массового террора, от которого страдали уже все слои населения.

Философ И.А. Ильин справедливо выводит логическое обоснование большевистского террора из экономической и нравственной противоестественности коммунистической доктрины, отрицающей частную собственность. "Коммунизм осуществим только при помощи системы террора, - пишет он, - т.е. насильственно, силою страха и крови. В основе этого лежит его противоестественность. Живой и здоровый инстинкт может принять его только как ненавистное иго, которое будет навязываться ему угрозой, унижением, мукою голода и страхом смерти. Навыки тысячелетий, порожденные самою природою, нельзя отменить простым запретом. Всемогущество государства осуществимо только там, где народ застрашен до конца. Побороть сопротивление масс и разрушить исторически данный уклад жизни - нельзя "добром", особенно если добиваться быстрого "революционного темпа". Уничтожение враждебных классов неосуществимо на словах: оно неизбежно ведет к массовому избиению людей. Таким образом, отмена частной собственности требует потоков человеческой крови и ведет к системе террора".

Однако, нельзя сводить проблем террора и насилия лишь к деятельности большевиков по реализации их политического курса. Революции и гражданской войне предшествовала война мировая, в условиях которой смерть становилась привычной, а ценность человеческой жизни принижалась. Более глубокие причины террора и насилия связаны с ослаблением религиозного чувства и правосознания у правящей элиты и народа.² Особо следует указать на нерешенность крестьянского вопроса. Так, современник И.А. Ильина Н.А. Бердяев отмечал, что "русская революция возможна была только как аграрная революция, опирающаяся прежде всего на недовольство крестьян и на старую ненависть их к дворянам-помещикам и чиновникам. В русском крестьянстве не исчезли еще воспоминания об ужасах крепостного права, об унижении человеческого достоинства крестьян. Крестьяне готовы были мстить за своих дедов и прадедов". Именно аграрный характер революции, по мнению философа, сделал возможным установление "диктатуры идеи пролетариата", которая оказалась также и "диктатурой над крестьянством".³

К. Маркс накануне отмены крепостного права предрекал, что если не будет осуществлено действительное освобождение крестьянства, "то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории ..." ⁴ Когда настал 1917 год большевики после захвата власти использовали всю силу террора для ее удержания. При этом учитывался опыт якобинской диктатуры во Франции. Еще до Октябрьского переворота Г.В. Плеханов неоднократно обвинял В.И. Ленина в бланкизме, на что тот отвечал: "Судите как угодно заговорщичество, - мы большевики, все же таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу Конвента". ⁵ Называя Конвент "диктатурой низов", В.И. Ленин настойчиво защищал те методы террора, которые использовала эта диктатура против "врагов народа".

"От подражания якобинцам 1793 года в этом...- писал он, - ни одна партия зарекаться не должна".⁶ В.И. Ленина не смущало, что в разряд "врагов народа" мог попасть практически любой француз, что наказанием во всех случаях была смертная казнь и что нередко казнили невиновных.⁷ Видимо его устраивало оправдание Ж.-Ж. Дантона: "Революцию нельзя творить в геометрических формах, революционные меры неминуемо - хотя бы временно - тяжело ложатся даже на честных граждан".⁸

Работу, аналогичную той, которую вели подотчетные Конвенту комитеты Общественного спасения и Общественной безопасности, в России и Украине после прихода большевиков к власти первое время проводили военно-революционные комитеты и другие специальные органы, создаваемые ревкоммами и советами. На местах при военно-революционных комитетах образовывались следственно-юридические отделы или штабы по борьбе с контрреволюцией, назначались комиссары, которые осуществляли борьбу с саботажем, спекуляцией и другими особоопасными преступлениями. Руководил этими органами Петроградский ВРК, деятельность которого распространялась и на территорию Украины.⁹

В условиях гражданской войны карательные функции выполняли также революционные трибуналы, председатели исполкомов и секретари губкомов, заградотряды и продовольственные отряды, специальные уполномоченные ЦК партии и ВЦИК /ВУЦИК/. Террор осуществляли Красная Армия и отряды "революционных" матросов, левые эсеры и разного рода анархисты. Большевистские отряды нередко выходили из-под контроля. В информационной сводке по Киевской губернии за период с 1-го по 15-е октября 1920 г. сообщается, что части 1-ой Конной Армии Буденного, проходя через губернию, "жгли дома, раздевали жителей на улицах, не разбираясь бедный или богатый, еврей или украинец, снимали кольца с рук, забирали деньги, насиловали девушек, разыскивали коммунистов, комиссаров, милицию, чтобы

расправиться..."¹⁰ Подобные действия допускали и белогвардейцы. Красный и белый террор сливались в единый поток насилия.¹¹

Специальным органом по борьбе с контрреволюцией¹² на Украине стала Всеукраинская ЧК. ВУЧК понадобилась большевикам не только для подавления и предупреждения любого сопротивления Советской власти, но и для экстренной борьбы с контрабандой, спекуляцией, бандитизмом и другими чисто уголовными преступлениями. Для поддержания дисциплины в быстрорастущем собственном госаппарате также требовалось своеобразное "пугало". Наконец, новое государство, как и любое другое, нуждалось в своих "спецслужбах", способных вести разведку, контрразведку и т.п.

Находясь под безраздельным контролем коммунистической партии, Всеукраинская ЧК была также подконтрольна различным государственным органам. В данной главе нам предстоит выяснить насколько реален был этот контроль, какие цели он преследовал и как вписывался в систему Советской власти.

ВУЧК была образована почти год спустя после создания ВЧК и в Украине учитывался опыт чекистских органов РСФСР, а также опыт контроля за их деятельностью. Использовались директивные и нормативные материалы ЦК РКП/б/, Совнаркома РСФСР, ВЧК и других российских органов. Всеукраинская ЧК действовала в единстве с ВЧК, в ее укомплектовании участвовали российские кадры. Полномочные представители Московской ЧК М.Я. Лацис с апреля 1919 г. и В.Н. Манцев с декабря 1919 по 1922 гг. занимали должность председателя ВУЧК.¹³ Руководство коммунистической партии, управлявшее всеми государственными органами, в том числе и ЧК, было единым для России и Украины, а вся территория, на которой была установлена Советская власть, рассматривалась им, как плацдарм для проведения мировой революции.

Украинские чрезвычайные комиссии начали создаваться в августе 1918 г. в Курской губернии и некоторых прилегающих к РСФСР местностях Украины.¹⁴

С восстановлением на территории Украины в конце 1918 г. Советской власти этот процесс пошел быстрее. 28 ноября 1918 г. Временное Рабоче-Крестьянское правительство Украины приняло постановление "Об организации власти на местах", в котором предусматривалось создание местных ЧК,¹⁵ а декретом от 3 декабря 1918 г. была образована Всеукраинская чрезвычайная комиссия.¹⁶

Этапами дальнейшего оформления организационных форм ВУЧК и ее местных органов явились следующие нормативные акты: принятое в феврале 1919 г. постановление НКВД Украины "Об организации отделов управления при исполкомах",¹⁷ положение "О Всеукраинской и местных чрезвычайных комиссиях", принятое совместным постановлением ВУЦИК, Совнаркома УССР, НКВД УССР и ВУЧК 30 мая 1919 г.,¹⁸ "Инструкция для организации губернских чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом", утвержденная 4 июля 1919 г.¹⁹ Президиумом ВУЧК.

Председатель ВУЧК и его заместитель назначались Совнаркомом. При председателе ВУЧК состояла коллегия из семи лиц, утвержденных НКВД. Председатель Всеукраинской ЧК входил в коллегию НКВД с правом решающего голоса. Центральный аппарат ВУЧК состоял из секретного, оперативного, иногороднего и инструкторского отделов, Отдела иностранного контроля, подотделов информации и связи, транспортного и комендантского, контрольно-ревизионной коллегии.²⁰

Местные чрезвычайные комиссии учреждались при соответствующих советах на правах отделов. Состав ЧК назначался исполкомами, председатели утверждались ВУЧК. Высшие органы ЧК имели право посылать в низшие своих представителей с решающим голосом, а также могли приостанавливать, отменять или изменять решения низших органов.

Нередко в состав местных ЧК попадали случайные люди, карьеристы, люди с уголовной психологией. Такие сотрудники, особенно на периферии, занимались вымогательством, грабежами и откровенным бандитизмом, терроризируя

население и дискредитируя советский режим. Именно по этой причине уездные чрезвычайные комиссии, не успев еще толком сформироваться, были упразднены вовсе декретом СНК УССР "О некоторых изменениях в организации и компетенции ЧК" от 21 мая 1919г.²¹ Их дела были переданы в губернские чрезвычайные комиссии. ЧК были оставлены лишь в Бердичеве, Черкассах, Конотопе, Кременчуге, Ромнах, Александровске, Павлограде, Проскурове и некоторых других уездах. Вместо ликвидированных уездных ЧК при отделах управления уездных исполкомов были созданы секретные подотделы, замененные затем политическими бюро при уездной милиции. В функции бюро входила, главным образом, розыскная работа по заданиям и под непосредственным руководством губернских ЧК.

Расширение сети чрезвычайных комиссий шло также путем учреждения военных и отраслевых органов ЧК. В России военные чрезвычайные комиссии начали создаваться в июле 1918 г. на Восточном, а в ноябре того же года на Южном фронтах. К концу года фронтовые, флотские и армейские ЧК сформировались почти по всей действующей армии. В дивизиях, бригадах и отдельных частях вводились должности комиссаров армейских ЧК. Руководство деятельностью данных комиссий осуществлялось созданным 29 июня 1918 г. в ВЧК при Отделе по борьбе с контрреволюцией Военным подотделом. Позднее он был реорганизован в Военный отдел ВЧК.²²

Решением ЦК РКП/б/ от 19 декабря 1918 г, военные ЧК были объединены с органами Военконтроля. В центре был образован Особый отдел, включенный в систему органов ЧК. На фронтах, флотах, в армиях и военных округах, а также при губернских ЧК формировались особые отделы. Их организация регламентировалась постановлением ВЦИК "Об особых отделах при ВЧК", опубликованном 21 февраля 1919г.²³ До весны 1919 г. по соглашению с правительством РСФСР особые отделы ВЧК действовали и на территории Украины. В марте было принято положение "Об особых отделах при

Всеукраинской чрезвычайной комиссии". В тексте положения указывалось на прерогативы ВЧК по общему руководству всеми особыми отделами через Особый отдел ВЧК.²⁴ 6 мая 1919 г. Совнаркомом Украины было принято новое положение об Особом отделе при ВУЧК, который работал под контролем Реввоенсовета Южного Фронта. Заведующим Особым отделом назначался один из членов коллегии ВУЧК по соглашению с Реввоенсоветом, которому тоже принадлежало право выдвигать на этот пост свою кандидатуру, но в таком случае она подлежала утверждению ВУЧК.²⁵ На фронте образовывались армейские особые отделы и военно-контрольные пункты, а в тылу - губернские особые отделы. В мае 1918 г. в РСФСР создаются пограничные ЧК, а в сентябре все губернские и уездные ЧК, расположенные вдоль демаркационной линии, в свою очередь переименовываются в пограничные и разделяются на окружные, участковые и пунктовые. В составе ВЧК образуется пограничный отдел. Российские пограничные ЧК действовали и на границе РСФСР с Украиной, когда территория УССР была оккупирована австро-германскими войсками. По мере освобождения территории Украины охрана границ между РСФСР и УССР становилась ненужной. Постановлением ВЧК от 12 декабря 1918 г. и постановлением правительства Украины от 27 декабря 1918 г. все пограничные ЧК из этого района были переданы в ведение УССР и были использованы при формировании фронтовых ЧК.²⁶ Для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией на железнодорожном транспорте создавались транспортные ЧК. В РСФСР они появились в 1918 г.,²⁷ а в Украине впервые были созданы в 1919 г. Они строились с учетом организации управления железными дорогами. На территории Украины были созданы три районные транспортные ЧК: Юго-Западная, Екатеринославская и Южно-Донецкая, которые подчинялись транспортному отделу Центрального управления чрезвычайных комиссий. На губчека возлагался контроль за деятельностью транспортных ЧК в пределах территории губернии.²⁸ Органы ЧК создавались также и на водном транспорте.

В августе 1919 г. в связи с тяжелым военным положением в Украине сворачивается советский государственный аппарат, в том числе и ЧК. Восстановление Советской власти в конце 1919 – нач. 1920 гг. осуществлялось в форме ревкомов. При Всеукраинском ревкоме было организовано Управление чрезвычайных комиссий и особых отделов. Постановлением ВУЦИК от 17 марта 1920 г. этот орган был преобразован в Центральное управление чрезвычайных комиссий /Цупрчрезком/ по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.²⁹ Начальник Цупрчрезкома назначался Совнаркомом УССР. Ему непосредственно подчинялись все ЧК на территории республики. Уездный аппарат ЧК в 1920 г. в основном состоял из губернских ЧК. Уездные чрезвычайные комиссии, как правило, больше не создавались, их заменили политбюро. Центральное управление чрезвычайных комиссий просуществовало недолго и 30 марта 1921 г. постановлением ВУЦИК было снова преобразовано в ВУЧК.³⁰

§ 2 Правовое регулирование деятельности чрезвычайных комиссий

Всероссийская ЧК была создана для борьбы с саботажем и контрреволюцией.³¹ Всеукраинская ЧК первоначально именовалась чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности.³² Названия этих органов несколько раз менялись,³³ что в свою очередь было связано с изменениями исторической обстановки и необходимостью усиления борьбы с определенными видами сопротивления большевистскому режиму. Соответственно на ЧК возлагались самые различные функции: дознания и следствия, привлечения к административной ответственности, судебного учреждения, непосредственного подавления выступлений против Советской власти, контрразведки.

Первоначально в задачи ЧК входило: "1/ пресечение и ликвидация всех

контрреволюционных и саботажнических попыток и действий... 2/ предание суду военно-революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка борьбы с ними; 3/ ведение предварительного расследования, поскольку это нужно для пресечения".³⁴

В соответствии с "Конструкцией отделов чрезвычайных комиссий", принятой на Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий 13 июня 1918 г. и дополненной в августе 1918 г. Иногородним отделом ВЧК, при отделах губернских и уездных ЧК создавались следственные подотделы /коллегии/. Они могли также образовываться не при отделах, а при комиссии в целом.³⁵

В "Инструкции чрезвычайным комиссиям на местах", принятой в основе на 2-ой Всероссийской конференции ЧК и окончательно проредактированной ВЧК 1 декабря 1918 г., указывалось, что руководство всем следственным делом местной ЧК возлагается на заведующего юридическим отделом чрезвычайной комиссии. Он распределял дела между следователями ЧК, которые должны были производить все следственные действия и составлять обвинительные заключения. Для вынесения окончательного постановления по делу должно было собираться общее собрание членов комиссии.³⁶

Деятельность ЧК по расследованию преступлений уже с самого начала была сопряжена с массой злоупотреблений, переходящих зачастую в откровенный и циничный произвол. Неоправданное насилие подрывало и без того слабый авторитет Советской власти и множило число ее противников. Поэтому большевистское руководство вынуждено было померить пыл чекистских органов, что нашло отражение в ряде нормативных актов. В марте 1918 г. была издана инструкция ВЧК, определяющая порядок производства неотложных следственных действий. В ней указывалось: "1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность; 2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое, никакие

нравоучения и окрики недопустимы; 3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда; 4. Угроза револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы".³⁷

11 декабря 1918 г. Советом Рабоче-Крестьянской обороны было принято постановление, предписывающее органам ЧК при аресте должностных лиц предварительно извещать руководителя соответствующего учреждения или, в крайнем случае, сообщать ему в течение 48 часов с момента ареста.³⁸ А в записке Ф.Э. Дзержинского от 25 апреля 1919г. И.А. Пятницкому указывалось на необходимость в обязательном порядке формулировать обвинение арестованным не позднее пяти дней со дня ареста.³⁹

15 мая 1919 г. была издана инструкция транспортным ЧК по производству обысков, которые должны были осуществляться при наличии обоснованных на то данных, подтверждаемых документами или установленных наблюдением. Инструкция указывала, что "при обыске отбирать следует бумаги, только относящиеся к делу, вся же остальная переписка, не относящаяся к делу, оставляется владельцу. В случае спешности обыска, не дающего возможности на месте пересмотреть переписку, таковая заносится в протокол. По пересмотре следователем ненужная переписка немедленно возвращается владельцу, содержание таковой разглашать строго воспрещается". При обыске было обязательно присутствие хозяина квартиры. Если он уклонялся, то это не приостанавливало обыска, а в протоколе делалась отметка, подтвержденная понятыми.⁴⁰

Особые отделы тоже имели право производить следствие и все связанные с ним действия; обыски, выемки, аресты, а также конфискации, которые производились по особым ордерам.⁴¹

Следственные комиссии существовали и при революционных трибуналах, куда после проведения профилактической, розыскной и дознавательной работы чекистские органы в соответствии с постановлениями СНК РСФСР от 21

декабря 1917г. и от 31 января 1918г. обязаны были передавать разработанные материалы.⁴² Если предварительное следствие велось непосредственно ЧК, то оно должно было быть закончено в течение одного месяца, а затем передано в народный суд, либо в трибунал для вынесения приговора.⁴³

Уже в начале 1918 г. ЧК получили право рассматривать законченные расследованием дела и выносить по ним постановления о применении меры наказания, вплоть до расстрела. Данная функция была зафиксирована 21 февраля в декрете-воззвании СНК РСФСР к трудящемуся населению всей России по поводу наступления Германии и 22 февраля - в объявлении ВЧК о расстреле на месте преступления врагов Советской власти.⁴⁴ Постановлением от 5 сентября 1913 г. "О Красном терроре" ВЧК предоставлялось право изолировать классовых врагов в исправительно-трудовые лагеря и расстреливать всех лиц, принадлежащих к белогвардейским организациям.⁴⁵

Получив право внесудебного решения дел, ВЧК могла применять расстрел в двух случаях: 1/ при наличии вооруженных выступлений - контрреволюционных, бандитских и т.п.; 2/ в местностях, объявленных на военном положении, - за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения. Особый интерес представляет п.37 уже упоминавшейся "Инструкции чрезвычайным комиссиям на местах", где подчеркивалось, что "Чрезвычайные Комиссии, являясь органом борьбы в острые моменты революции, накладывают в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке, но не в судебном, штрафы, высылки, расстрелы и т.п."⁴⁶ Та же мысль подчеркивалась в секретной "Инструкции юридическому отделу": "В задачи комиссии не входит судить раскрытых преступников - это дело суда, наша задача морально воздействовать и тем самым предотвратить повторение уже совершенных преступлений. Нам не нужно улики виновности против эксплуататора чужого труда или контрреволюционера, а достаточно выяснить

его социальное обеспечение или политическую физиономию, чтобы применить к нему административные меры, как к классовому врагу пролетариата и коммунизма".⁴⁷ Применение расстрела как административной меры фиксировалось в постановлениях ВЦИК "О правах ВЧК и Революционных трибуналов" от 17 февраля 1919 г.⁴⁸ и "Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении" от 20 июня 1919 г.⁴⁹

17 января 1920 г. был издан декрет СНК РСФСР, отменяющий смертную казнь, в том числе по приговорам ЧК.⁵⁰ В УССР эта мера наказания продолжала сохраняться. Невозможность отказа от нее обосновывалась в постановлении Всеукраинского ревкома "О применении высшей меры наказания - расстрела к активным контрреволюционерам на Украине" от 2 февраля 1920 г.⁵¹

Однако и в РСФСР передышка была недолгой. 12 мая 1920 г. в ряде губерний было введено военное положение,⁵² а 28 мая ВЧК были предоставлены права революционных военных трибуналов.⁵³ Постановление "О революционных военных трибуналах" от 4 мая 1920 г. в свою очередь предусматривало возможность применения расстрела по приговору трибунала.⁵⁴ Следовательно, с 28 мая это право принадлежало и чекистским органам. Статья 10 декрета ВЦИК и СТО "О местностях, объявленных на военном положении" от 4 ноября 1920 г. также оставляло за чрезвычайными комиссиями право непосредственного приговора вплоть до расстрела включительно, но с доведением о каждом случае до сведения НКЮ РСФСР и ВЧК.⁵⁵ Таким образом, за органами ЧК закреплялась судебная функция.

Кроме того, органы ВЧК имели право за различные преступления заключать виновных лиц в исправительно-трудовые лагеря,⁵⁶ могли в административном порядке конфисковывать имущество⁵⁷ и т.п. По постановлению ВЧК иностранные граждане, деятельность и поведение которых признавались несовместимыми с принципами и укладом Советского государства, могли быть высланы за пределы страны.⁵⁸

Действие многих российских нормативных актов, регулирующих правовое положение чрезвычайных комиссий, распространялось на территорию Украины. Опыт РСФСР широко использовался при определении компетенции украинских ЧК. Одновременно учитывалась местная специфика. С самого начала своей деятельности они получили достаточно широкие полномочия. Так, в соответствии с временным положением "О Народных судах и Революционных трибуналах УССР" от 20 февраля 1919 г., ЧК могли по делам особой важности, требующим безотлагательного решения, самостоятельно выносить приговоры, доводя об этом в каждом отдельном случае до сведения трибуналов.⁵⁹

Права и задачи ЧК были конкретизированы 30 мая в положении о Всеукраинской и местных чрезвычайных комиссиях. В ст. 15 указывалось, что на ЧК возлагается борьба со всеми контрреволюционными проявлениями, шпионажем и бандитизмом. А ст.16 перечисляла права чрезвычайных комиссий:

"а/ принимать меры пресечения и предупреждения в случаях всякого рода контрреволюционных выступлений, погромов черносотенных беспорядков, вплоть до применения вооруженной силы;

б/ испрашивать от исполкома, в случаях нарушения революционного порядка, усиления вооруженных сил;

в/ входить с представлением в исполком о необходимости введения в губернии и уезде чрезвычайного или военного положения;

г/ производить обыски, аресты, выемки, облавы, налагать запрещение на имущество, вести следствие в отношении частных, должностных лиц и организаций, заподозренных в контрреволюции, шпионаже и бандитизме;

д/ выносить приговоры по делам лиц, уличенных в деяниях, указанных в ст.15, при условии, когда эти дела по своему характеру представляются особо важными и требующими безотлагательного решения;

е/ с особого разрешения местного исполкома производить следствие и

выносить приговоры и по иным делам, кроме обозначенных в ст.15;

ж/ иметь войсковые части, объединенные в особом корпусе при ВУЧК;

з/ подвергать аресту ответственных сотрудников советских учреждений каждый раз с ведома исполкома, а в экстренных случаях только председателя исполкома. Аресты ответственных сотрудников народных комиссариатов производятся с ведома наркома или его заместителей".⁶⁰

Таким образом, согласно постановления от 30 мая 1919 г. Всеукраинская и местные ЧК должны были действовать как органы дознания суда и следствия, могущие при необходимости применять вооруженную силу. Важно отметить, что с разрешения исполнительной власти чрезвычайные комиссии могли вести предварительное следствие практически по любой категории дел, а по делам о контрреволюции, шпионаже и бандитизме выносить приговоры.

Расследования, также как и в РСФСР, производили юридические отделы комиссий. Для этой цели в составе юридических отделов ВУЧК и губчека создавались следственные части. Инструкция, утвержденная Президиумом ВУЧК 4 июля 1919 г. требовала, чтобы в течение трех дней с момента поступления дела в отдел обвиняемому предъявлялось сформулированное обвинение. Все следствие, как правило, надо было закончить в десятидневный срок. В своем заключении следователь обязан был обосновать виновность обвиняемых и предложить меру наказания.⁶¹

20 августа 1920 г. Совнарком Украины принял постановление, регулирующее взаимоотношения Цупрчрезкома с наркоматами Юстиции и Внутренних дел, а также губернских ЧК с революционными трибуналами и местными отделами юстиции и управления. Постановление подтверждало право чрезвычайных комиссий на самостоятельное вынесение приговоров по делам о контрреволюции, шпионаже и бандитизме. Кроме того, ЧК получали право разрешать, дела о должностных преступлениях, вплоть до расстрела. В последнем случае требовалось подтверждение начальника Цупрчрезкома.⁶² Все

остальные дела органы ЧК обязаны были направлять по подсудности в месячный срок со дня возникновения дела в революционные трибуналы и народные суды.⁶³

Из всего вышесказанного видно, что красный террор, институт заложничества и т.п. были санкционированы Советской властью и получили закрепление в различных декретах, постановлениях и инструкциях. Поэтому нельзя сказать, что деятельность ЧК выпадала из сферы правового регулирования. На связь между социалистической законностью и чрезвычайными мерами указывал, к примеру, А.Я. Вышинский, когда писал, что "чрезвычайные меры имеют своим источником закон и поэтому являются вполне законными".⁶⁴ Тогда встает другой вопрос: насколько было легитимно само советское право и вся советская система, в рамках которой допускались массовые нарушения естественных прав человека.⁶⁵

Нередко чрезвычайные комиссии выходили за пределы определенной для них компетенции, и Советская власть узаконивала действия ЧК задним числом.⁶⁶ Правовые пробелы восполнялись также революционным правосознанием и целесообразностью классовой борьбы. Характерной в этом смысле является статья М.Я. Лациса, напечатанная в № 1 журнала "Красный террор" где проводилась мысль о том, что не следует искать обвинительных улик против отдельных представителей буржуазии, т.к. виноват "весь класс". "У арестованного, - писал М.Я. Лацис, - надо спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить его судьбу".⁶⁷ Это писал человек, которому в скором времени предстояло возглавить Всеукраинскую ЧК.

В.И. Ленин выступил с критикой статьи М.Я. Лациса, признав ее ошибочной. Однако, уже само появление такой статьи указывает на характер правосознания части работников ЧК. Исключительные привелегии и почти неограниченные полномочия нередко привлекали в органы ЧК отъявленных

негодяев. Примером такого рода могут служить материалы уголовного дела по обвинению в должностных преступлениях сотрудников Белоцерковской уездной ЧК Рябова З.М., Модалевского П.А., Будко П.П., Тученко Ф.С., Рябова В.М. и Олейника А.М. Так, начальнику секретно-оперативной части комиссии Рябову Зиновию Михайловичу инкриминировались следующие деяния: "1/ неоднократное избиение заключенных при допросах; 2/ растрачивание казенных денег и продуктов на пьянство и другие личные нужды; 3/ голосование, как члена судебной тройки, за постановление о конфискации вещей гр. Лещинского, заведомо зная, что постановление это незаконно; 4/ дача распоряжений о производстве незаконных арестов и обысков; 5/ способствование в провокации взятки следователю Будко по делу гр. Матушанского; 6/ производил незаконную выдачу продуктов и конфискованных у подсудимых вещей; 7/ преступно-небрежное отношение к служебным обязанностям вообще, в результате чего возглавляемая им Секретно-Оперативная Часть БУЧК оказалась в запущенном состоянии; 8/ не принял никаких мер в отношении подчиненных ему сотрудников, замеченных в преступных деяниях и систематически пьянствовал и употреблял кокаин, появляясь нередко в пьяном виде при исполнении служебных обязанностей".⁶⁸

В своем заявлении на имя Всеукраинского съезда КП/б/У Рябов З.М. оправдывался тем, что "такова система и под нее подходят многие".⁶⁹ В принципе он был прав. Даже в одном из приказов Президиума ВЧК, составленном Ф.Э. Дзержинским и М.Я. Лацисом признавалось: "Есть три вопроса, в которых почти все чекисты грешны... Это заложники, специалисты и арестованные вообще..."⁷⁰ Следовательно, большевики допускали "грехи", совершенные ради укрепления их власти. Но были злоупотребления иного рода, когда незаконные аресты, заведомо неправомерные приговоры и т.п. производились чекистами исключительно из корыстных побуждений. Нередко в ЧК попадали лица с явно садистскими наклонностями, терроризирующие

население и дискредитирующие советский режим. Неслучайно в письме от 4 июня 1919 г. председателю ВУЧК В.И. Ленин отмечал, что "на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впусив в себя массу примазавшихся" и предлагал провести чистку личного состава.⁷¹ М.Я. Лацис отвечал: "... Я пошел на очень большие уступки, чтобы улучшить состав чрезвычайных комиссий и избавиться от постоянных нареканий и погромов: упразднил уездные чека и выбросил мелкую спекуляцию. Еще с первого дня мною запрещено забирать при арестах что-либо кроме вещественных доказательств... Сейчас послана инспекционная комиссия по всем губерниям в числе 6 человек специалистов по всем отраслям. Как видите, делаем, что можем..."⁷²

Таким образом, уже первый опыт деятельности ЧК на Украине обнаружил острую потребность в организации эффективного контроля за ними. Контроль должен был удерживать чекистские органы в рамках коммунистической доктрины и способствовать поддержанию их работоспособности. Кроме того, нужно было пресекать все те безобразия, которые перехлестывали даже большевистские установки и наносили невосполнимый ущерб авторитету Советской власти.

Контрольные полномочия в отношении ЧК получили различные государственные органы, но определяющее значение имел партийный контроль.

§ 3 Партийный контроль за деятельностью ЧК: политические и правовые аспекты

Все государственные органы в структуре Советской власти действовали в соответствии с политической программой большевиков. В силу этого партийное руководство являлось высшим законом в работе любого государственного органа, тем более в деятельности ЧК.

В письме ЦК РКП/б/ к коммунистам - работникам чрезвычайных комиссий - подчеркивалось, что "ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем".⁷³ В июле 1919 г. Ф.Э. Дзержинский писал М.Я. Лацису: "Я думаю, что ЧК на Украине, как в свое время у нас в Великороссии ЧК губернские, - должны быть органом центра и задачей ВУЧК было быть проводником политики ЦК РКП на Украине".⁷⁴

Так и получилось. Деятельность чрезвычайных комиссий Украины направлялась ЦК РКП/б/, ЦК КП/б/У, губернскими и уездными партийными комитетами. Государственному контролю и надзору за ЧК предшествовал контроль партийный. Его следует рассматривать, прежде всего, как один из механизмов проведения в жизнь политики правящей партии.

До июля 1918 г. определенную роль в организации и работе ЧК играла также партия левых эсеров. Ее члены занимали ряд ответственных постов в ВЧК. В этой связи представляет интерес работа А.М. Рыбакова.⁷⁵ Автор на широкой источниковой базе показывает, что у левых эсеров были свои представления о путях выхода страны из кризиса, особое отношение к террору, смертной казни и роли чрезвычайных органов. Став большевистскими, ЧК начали проводить в жизнь исключительно политику ЦК РКП/б/ и даже использоваться в борьбе с оппозицией внутри самой партии.⁷⁶ Именно тогда была заложена традиция контроля высшей коммунистической номенклатуры за деятельностью органов государственной безопасности. Одновременно складывалась практика, когда "вождь" партии лично распоряжался органами репрессии и с их помощью контролировал "свою" партию. Множество подтверждений этому можно найти в упоминавшемся выше сборнике

документов "В.И. Ленин и ВЧК". Отдавая не раз органам ЧК обязательные для исполнения указания, В.И. Ленин вряд ли сам задумывался в качестве кого /председателя Совнаркома или партийного лидера/ он это делает.

Партийное руководство чрезвычайными комиссиями и контроль за ними были возможны, прежде всего, благодаря целенаправленной кадровой политике. Украинские ЧК формировались как органы КП/б/У и на работу в них направлялись, главным образом коммунисты. Несмотря на неоднократные требования различных партий Украины допустить их членов в чрезвычайные комиссии, ЦК КП/б/У категорически отверг эти притязания.⁷⁷

Первым председателем Всеукраинской ЧК стал член ЦК КП/б/У И.И. Шварц. Сменивший его на этом посту член партии большевиков с 1905 г. М.Я. Лацис указывал, что "в чрезвычайных комиссиях должны работать только коммунисты и преданные делу революции рабочие и крестьяне".⁷⁸ Такой же позиции придерживался коммунист В.Н. Манцев, посланный в конце 1919 г. ЦК РКП/б/ на Украину и возглавивший Цупрчрезком, а впоследствии ВУЧК. Будущий председатель ГПУ СССР, член партии с 1902 г. В.Р. Менжинский входил в состав коллегии ВУЧК. Не только центральный, но и губернские аппараты чекистских органов в большинстве своем были укомплектованы коммунистами. Рядовой состав органов безопасности также формировался в соответствии с принципом партийности.

Подбор и расстановка чекистских кадров осуществлялись непосредственно высшими партийными органами и через парткомы на местах. Об этом свидетельствует, например, директивное письмо ЦК РКП/б/ от 24 декабря 1919 г. ко всем губернским и уездным комитетам партии "О направлении на работу в чрезвычайные комиссии проверенных и стойких коммунистов" и множество других документов, помещенных в сборниках по истории ВЧК и ВУЧК.⁷⁹ Коллегии ВЧК, ВУЧК, губернских и уездных ЧК создавались партийными комитетами исключительно из коммунистов. Партком имел право

отзывать из состава коллегии того или иного коммуниста, посылать другого, распускать коллегию и избирать другую. В каждом таком случае партийный орган сносился с вышестоящей инстанцией, либо давал мотивированное заключение в вышестоящий партийный и чекистский орган. Ни одно заседание коллегии губчека не проходило без участия члена партийного комитета, ни одно мероприятие не проводилось в жизнь без предварительного согласия губкома партии. Однако, в первые годы большевистского правления коммунистов было не так много, как в последующий советский период. "Все наше несчастье в том, - сетовал летом 1919 г. М.Я. Лацис, - что не из чего строить... Парткомы ничего не могут дать. Сравнить с другими учреждениями, так у нас все-таки втрое больший процент коммунистов".⁸⁰

Этот процент в украинских ЧК увеличивался благодаря тому, что Советская Россия регулярно снабжала их партийными кадрами, часто уже с опытом чекистской работы. Сам Ф.Э. Дзержинский несколько раз посещал Украину и непосредственно руководил деятельностью ВУЧК.⁸¹ Кроме того, работающие в ЧК члены партии освобождались от различного рода мобилизаций. Специальные курсы ВЧК и несколько чекистских школ на Украине обучали направляемых туда парткомами коммунистов, которые затем пополняли чрезвычайные комиссии. Например, в Одесской губчека в марте 1920 г. было 60 членов партии, к середине года насчитывалось 108, а к концу года – 320. Во всех органах ЧК Украины коммунисты к концу 1920 г. составляли 40 %.⁸²

Кадровая политика большевиков в органах ЧК выражалась также в периодических чистках и аттестациях личного состава. При этом учитывалась не только профессиональная пригодность чекистов, но и их политическая благонадежность.

Первое время на работу в ЧК привлекалось много молодежи из числа комсомольцев. В Белоцерковской ЧК помощнику председателя Черноморцу в

мае 1919 г. не исполнилось еще и 17 лет.⁸³ Однако, 15 июля 1921 г. ЦК КП/б/У, ЦК ЛКСМУ и коллегия ВУЧК обратились с циркулярным письмом ко всем губкомам партии, губкомам комсомола и всем губчекам о нежелательности заполнения чекистских органов исключительно молодыми сотрудниками. В письме отмечалось, что у молодых работников, в том числе комсомольцев, еще неустановившиеся, несформированные взгляды. "Они не успели окрепнуть идейно и обладают податливой психологией". Поэтому предлагалось уволить из ЧК всех членов комсомола, не достигших 18 лет. Вопрос о работе комсомольцев старшего возраста в каждом конкретном случае должен был рассматриваться персонально губкомом партии совместно с губкомом комсомола и коллегией ВУЧК.⁸⁴

Психика у молодежи действительно была неустойчивой, ведь молодым людям приходилось расстреливать, брать заложников, участвовать в допросах, при которых нередко применялись пытки и т.п.⁸⁵ Так, по словам очевидцев, в Киеве молодой помощник коменданта ВУЧК Извоицкий "всегда находился в состоянии нервного волнения... порой трясся от страха, а все-таки убивал. Получал золотые часы, новый костюм или другую какую-нибудь добычу и был доволен". Именно он решил судьбу 29 юристов.⁸⁶

Не выдерживали и старые чекисты. Нервное напряжение, как правило, снималось алкоголем и кокаином. Например, в Белой Церкви весь личный состав местной ЧК регулярно употреблял наркотики и беспорядочно пьянствовал, совершая попутно массу преступлений.⁸⁷ Неслучайно в феврале 1920 г. ЦК КП/б/У предложил всем партийным организациям начать постепенную планомерную смену давно работающих чекистов. По словам Дзержинского, служить в органах ЧК могут лишь святые или подлецы. "Но святые покидают меня, остаются одни подлецы", - отмечал Дзержинский.⁸⁸ Чекист Шкловский на замечание, что в провинции творится "вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина", отвечал о нелепости введения деятельности

ЧК в строгие юридические рамки.⁸⁹

Необходимостью "улучшения" личного состава чрезвычайных комиссий можно объяснить упразднение постановлением ВУЦИК, СНК, НКВД и ВУЧК от 21 мая 1919 г. уездных ЧК.⁹⁰ Вместо них были созданы политбюро при уездных органах милиции. Само название этих органов говорит о политической направленности их деятельности.

Нет необходимости детально останавливаться на кадровой политике партии в органах ЧК, тем более, что значительное место этому вопросу отведено в работах В.Д. Голиченко и В.В. Сенюшкина.⁹¹ Отдельно следует указать на интернациональный состав чрезвычайных комиссий. В первые годы деятельности украинских ЧК абсолютное большинство их сотрудников являлись лицами неукраинской национальности: латышами, евреями, немцами, китайцами, поляками и т.п. На данный факт обращали внимание свидетели событий тех лет Н.Жевахов, И.Бунин, А.Куприн, З.Гиппиус, А.Деникин, П.Краснов, С.Мельгунов и многие др.⁹²

Интересные факты приводят и современные исследователи. "Когда повстанцы Д.Соколовского в ночь на 9 июля уничтожили при нападении на Новгород-Волынский караульный отряд местной ЧК, - пишет В.И.Семененко, опираясь на архивные источники, - среди убитых насчитывалось 30 китайцев. Отдельная рота Ли Сюляна из особого отдела 1-й Украинской армии в апреле 1919 г. приняла активное участие в подавлении крестьянского выступления против бесчинств большевиков в пригороде Киева. Подобных примеров очень много. В Киевскую ЧК каким-то образом попал даже 21-летний японец Масакити, которого за убийство судили 29 августа 1919 г. белогвардейские власти,"⁹³ В.И. Семененко отмечает, что несмотря на срочные мобилизации коммунистов-украинцев в органы ВУЧК, многие из них отсеивались "из-за наличия психологических недостатков, прежде всего - чувства сострадания и душевной мягкости".⁹⁴

Таким образом, большинство в украинских ЧК составляли коммунисты, зачастую люди некоренной национальности. Это давало большевикам реальную возможность направлять и контролировать деятельность чрезвычайных комиссий. Более того, в условиях однопартийной системы все государственные органы строились и действовали одновременно как органы партии, следовательно, партийный контроль за ЧК представлял собой в первую очередь проверку реализации карательной политики большевиков, проводимой созданными ими чрезвычайными органами.

Проверяя выполнение партийных директив и соблюдение "социалистической законности", партийные органы могли подвергнуть проверке любые действия ЧК: основательность арестов, сроки предъявления обвинения арестованным, оформление материалов дознания и следствия, правильность и целесообразность мер наказания и т.д.

Так, Совет Обороны 14 декабря 1918 г, предоставил делегатам от парткомов право участвовать в следствии по делам арестованных, т.е. присутствовать при производстве обысков, арестов, на допросах и очных ставках. Парткомам предоставлялось право освобождать из-под ареста тех, за кого имелись поручительства членов губкомов и горкомов партии.⁹⁵ Секретари губкомов обязаны были лично присутствовать на заседаниях коллегий ЧК, когда там рассматривались дела по обвинению рабочих и крестьян. Мнение партийных органов о направлении и судебном решении по делу, по сути являлось партийной директивой для коммунистов, работающих в ЧК и других следственно-судебных учреждениях.

Партийный контроль тесно переплетался с внутриведомственным. Так, в конце 1918 г. при российских ЧК стали создаваться контрольные комиссии, куда входили представители вышестоящих органов ЧК и местных партийных комитетов. Вначале правовое положение комиссий не было четко определено. Как правило, члены комиссий участвовали в заседаниях ЧК и обладали правом

вето, т.е. могли приостанавливать исполнение решений ЧК до рассмотрения их партийными комитетами.⁹⁶

В постановлении Московского комитета РКП/б/, вышедшем в начале октября 1918 г., права контрольных комиссий были определены следующим образом: "1/ наблюдение за правильностью производства обысков и арестов, вынесением приговоров, реквизиции вещей и порядком их распределения; 2/ наложение "вето" на те или другие решения РЧК /районной ЧК / до перенесения дела в высшую инстанцию".⁹⁷ 28 сентября 1918 г. в "Известиях ВЦИК" было опубликовано сообщение ВЧК о создании при ней контрольно-ревизионной коллегии для приема жалоб от населения и проведения ревизий, а в начале 1919 г. было разработано положение о контрольно-ревизионной комиссии при ВЧК. Она состояла из трех членов, назначаемых от коллегии ВЧК. Членами комиссии могли быть исключительно коммунисты с партийным стажем не менее двух лет. В задачи комиссии входил контроль за деятельностью всех отделов ВЧК и ее сотрудников, проверка поступающих жалоб и заявлений. Комиссия отвечала за свои действия перед ВЧК. Ей предоставлялось право через Президиум ВЧК принимать меры по устранению недостатков в работе аппарата ВЧК и требовать привлечения виновных в злоупотреблениях к ответственности вплоть до предания суду. Председатель комиссии мог присутствовать с правом совещательного голоса на заседаниях Президиума и Коллегии ВЧК, на совещаниях в ее отделах. В случае несогласия контрольно-ревизионной комиссии с решениями, принятыми по конкретному делу, их реализация задерживалась до рассмотрения спорного вопроса Коллегией ВЧК. Согласно положения, при губернских ЧК также должны были организовываться контрольно-ревизионные комиссии в составе трех членов, назначенных от губчека.⁹⁸

Подобные контрольные комиссии /другое название - коллегии/ создавались и при украинских ЧК. Члены комиссий имели самые широкие

контрольные полномочия. Они в любое время могли ознакомиться с работой ЧК, проверить отдельные жалобы и заявления, доложить имеющиеся материалы губкомам или президиуму губкома, готовили на рассмотрение партийных комитетов все вопросы, связанные с деятельностью органов ЧК, давали предложения по улучшению их работы.

Так, контрольная комиссия, действовавшая в Глуховском уезде, доложила парткому, что председатель уездной ЧК на основе подложных документов производил незаконные аресты. Преступник был исключен из партии и предан суду ревтрибунала.⁹⁹ Комиссия, созданная Донецким губкомом партии, также выявила случаи бесосновательных арестов и другие нарушения законности.¹⁰⁰ Президиум Харьковского губкома в декабре 1919 г., получив материалы контрольной комиссии, признал необходимым произвести основательную чистку личного состава чрезвычайной комиссии, обязал коллегию ЧК представить на ближайшее заседание губкома список всех арестованных с точным указанием причин ареста, категорически запретил снабжение сотрудников из фондов реквизированных товаров. Особым пунктом губком потребовал от коллегии губчека, чтобы все крупные чекистские операции, все приговоры проводились в жизнь только после представления губкому партии всех материалов и согласия на то парткома.¹⁰¹

Деятельность контрольных комиссий /коллегий/ выступала как основная форма партийного контроля за чрезвычайными комиссиями. В случаях, когда было необходимо произвести глубокую и всестороннюю проверку деятельности ЧК, а члены контрольной комиссии были не в состоянии сами справиться с этой работой, партийные комитеты создавали специальные комиссии из ответственных работников-коммунистов. Возглавляли их члены губкомов или члены президиумов губкомов. Нередко ЦК КП/б/У поручал различным государственным органам производить проверку деятельности ЧК, по инициативе партии создавались межведомственные комиссии.

Контроль за деятельностью особых отделов в армии и на флоте компартия осуществляла через реввоенсоветы, являющиеся партийными органами в Красной Армии. В положении ВЦИК от 21 февраля 1919 г. указывалось, что особые отделы подконтрольны непосредственно одному из членов Реввоенсовета и выполняют все указания, исходящие от Реввоенсовета.¹⁰² Представитель особого отдела ВЧК регулярно отчитывался перед ЦК РКП/б/. Партийный контроль за работой особого корпуса войск ВУЧК осуществлялся через политотдел этого корпуса, который подчинялся ЦК КП/б/У, коллегиям ВЧК и ВУЧК. Во главе политотдела стоял заведующий, который руководил всеми политическими комиссарами войск ВУЧК, работавшими в особых батальонах при губернских ЧК. Комиссары контролировали подбор кадров и следили за правильным проведением партийной линии этими войсками.¹⁰³

Следующей формой контроля за работой ЧК была отчетность председателей и коллегий ЧК перед губкомами партии. На партийных конференциях, заседаниях парткомов и общих собраниях заслушивались отчеты и сообщения руководителей чекистских органов о положении дел в чрезвычайных комиссиях, об оперативной обстановке на местах, о результатах работы, приводились статистические данные. Так, согласно доклада о деятельности политбюро Криворожского уезда в августе 1920 г. этим органом было заведено 40 дел по контрреволюции, 21 - по бандитизму, 11 - по должностным преступлениям, 1 - по спекуляции; взято в заложники 2 человека; по постановлению полит-тройки расстреляно -3.¹⁰⁴

Нередко на местах наблюдались конфликты между ЧК и парткомами, когда отдельные руководители чекистских органов не выполняли партийных решений. В письме от 4 апреля 1921 г. ЦК РКП/б/ указал на недопустимость подобных ситуаций и обязал председателей и членов коллегий ЧК "держаться в полном курсе своей работы, делать им периодические доклады, информировать о получаемых заданиях ВЧК, строго согласовывать свою работу

с директивами ЦК РКП/б/, получаемыми губкомами, кои информируют о таких председателях губчека".¹⁰⁵ Указание ЦК РКП/б/ было принято к руководству и на Украине.

Важное значение в осуществлении контроля за деятельностью ЧК со стороны местных комитетов имели партийные аттестации. Они начали проводиться с осени 1918 г. по просьбе Всероссийской ЧК. В письме ВЧК от 6 сентября ко всем губкомам содержалась просьба "выслать справку о председателе губернской чрезвычайной комиссии, которая бы явилась аттестатом, выданным вашим комитетом".¹⁰⁶ ВЧК преследовала цель получения сведений о деловых качествах и партийной принадлежности председателей ЧК и привлечения внимания парткомов к вопросу о составе чрезвычайных комиссий.

При ВУЧК для проведения аттестации была создана Центральная аттестационная комиссия, куда входили представители ЦК КП/б/У. В губерниях аттестацию проводили коллегии ЧК и представители губкомов. На каждого чекиста собирался материал, проверялось не только его знание вопросов оперативной и следственной работы, но и преданность партии. Все протоколы заседаний коллегий ЧК, как правило, посылались для просмотра в соответствующие парткомы.

Таким образом, органы ЧК были созданы по инициативе партии и находились под ее безраздельным контролем. К концу 1921 г. контроль за чрезвычайными комиссиями сосредоточился, главным образом, в коллегиях ЧК. В состав коллегий входили с правом решающего голоса члены губкомов партии. Обычно ими были секретари партийных комитетов.

В апреле 1921 г. ЦК КП/б/У разослал всем губкомам и губернским ЧК циркуляр № 282, в котором указал, что губкомы должны обеспечить контроль и самую тесную связь между губкомом и губчека. С этой целью ЦК предложил: 1/ обязательно вводить в состав губкома с совещательным голосом председателя

губчека там, где он не является членом губкома и не имеет решающего голоса; 2/ о всех наиболее крупных делах, находящихся в производстве губчека и предполагаемых операциях председателю губчека ставить в известность секретаря губкома; 3/ на судебных заседаниях губчека обязательно присутствовать одному из членов бюро губкома. Уже в 1921 г. все председатели губернских ЧК были либо кандидатами, либо членами губкомов партии.¹⁰⁷

Секретным циркуляром ЦК РКП/б/ №216/153 С от 18 мая 1921 г. устанавливался порядок привлечения к уголовной ответственности членов компартии. Надзор за данной категорией дел вменялся в обязанность партийным организациям. Циркуляр был подтвержден приказом ВУЧК и разослан по губерниям Украины. Однако, несоблюдение данного циркуляра, поступающие в центральные органы жалобы на вмешательство парторганизаций в работу судебно-следственных учреждений вызвали к жизни еще один, теперь уже ЦК КП/б/У, циркуляр № 479, где подтверждался надзор партийных организаций за привлечением коммунистов к уголовной ответственности. Он был принят 13 октября 1921 г. и воспроизводил текст секретного циркуляра №216/153 С с небольшими изменениями.¹⁰⁸

Стоит подробнее остановиться на циркуляре ЦК КП/б/У № 479, содержание которого применительно к органам ЧК сводилось к следующему:

1. При аресте коммунистов чекисты обязаны были ставить об этом в известность соответствующие парторганы не позднее, чем через 24 часа после поступления дела в следственную часть или аресте обвиняемого. Сообщение о возбуждении конкретного дела или аресте составлялось по прилагаемой к циркуляру форме №1.¹⁰⁹

2. Органы ЧК должны были заполнять ежемесячные ведомости о движении дел коммунистов и посылать их в соответствующие парткомы.

3. Просьбы парторганов о предоставлении возможности ознакомиться с ходом следствия и материалами по делу должны были удовлетворяться.

4. Органы ЧК обязаны были освобождать коммунистов под поручительство членов партии, но лишь в том случае, если у последних имелось разрешение на взятие арестованного на поруки от парткома или парткомиссии.

5. В течение 3-х дней после того, как партком или политотдел получил сообщение о возбуждении дела против коммуниста, он был обязан вынести свое мнение о направлении дела в судебном порядке.

6. Мнение парторганов о направлении и судебном решении по делу являлось партийной директивой для работников ЧК, являющихся коммунистами.

7. В случае несогласия ЧК или особого отдела с мнением парторганизации вопрос передавался в высшую чекистскую и партийную инстанцию.

8. Данный циркуляр регулировал взаимоотношения между органами ЧК и партии в пределах одинакового территориального или армейского масштаба. Центральные чекистские органы сносились непосредственно с ЦК КП/б/У по делам гражданских коммунистов и с УКРПУРОм /Политическим управлением Реввоенсовета/ - по делам военных коммунистов.

Секретный циркуляр № 479 ЦК КП/б/У, с определенными в постановлении Оргбюро ЦК и циркуляре № 534 дополнениями, распространялся также на Коммунистический Союз Молодежи Украины.¹¹⁰

Даже при беглом просмотре сохранившихся в архивах Украины уголовных дел по обвинению комсомольцев и коммунистов бросается в глаза, что папки с этими документами более толстые, чем подобные материалы в отношении обычных граждан. Как правило, они содержат множество заявлений и жалоб в различные государственные и партийные органы. Последней инстанцией, если до этого доходит, является ЦК КП/б/У. В качестве главного аргумента в свою защиту приводились славное боевое или чекистское прошлое и "верность делу партии". Пока происходила проверка, уголовные дела задерживались окончанием, нарушались все процессуальные сроки. На

недопустимость подобной практики указывалось в циркуляре НКЮ УССР № 221/59 от 26 ноября 1921 г.¹¹¹ В документе, подписанном заместителем Народного комиссара юстиции Лебединским, заместителем председателя ВУЧК Балицким и заведующим отдела судебного контроля НКЮ Янским, говорилось, что задержка окончания дел по обвинению в различных преступлениях членов партии создает много неудобств, особенно в случаях занятия обвиняемыми ответственных должностей и вызывает много нареканий на органы следствия. Циркуляр предписывал трибуналам и ЧК строго следить за соблюдением в отношении этого рода дел месячного срока производства следствия, не останавливаясь перед привлечением виновных в замедлении к ответственности.

Большевики жестко расправлялись со своими товарищами по партии, попавшимися на слишком наглых взятках, циничных грабежах, крупных должностных преступлениях и т.д. Но, как заметил С.П. Мельгунов, обобщив многочисленные свидетельства очевидцев, "все-таки это было лишь исключением из общего правила безнаказанности, и сколько случаев можно зарегистрировать, когда присуждаемые за уголовные деяния к расстрелу выпускались из тюрьмы и получали немедленно крупные назначения".¹¹²

Бывший врач Бутырской тюрьмы /с апреля 1920 г./ писал о грабежах и взяточничестве в ЧК, как об обычном явлении: "Берут взятки кто только может взять! Берут взятки со всякого, с кого можно взять!.. произвол террора умеряется взяткой..."¹¹³ Врач отмечает, что в Бутырке коммунисты сидели отдельно от остальных заключенных и недолго /"месяц-другой"/ и снова получали должность.¹¹⁴ Об этом же свидетельствуют материалы, собранные в сборнике "Че-ка",¹¹⁵ аналогичные факты приводят Григорий Аронсон,¹¹⁶ Ольга Чернова-Колбасина¹¹⁷ и мн. др.

Большевики не разбрасывались кадрами, способными проводить в жизнь их политику, опирающуюся на террор. Компартия следила, во-первых, за реализацией своей политической линии и уже, во-вторых, чтобы деятельность

чекистских органов не выходила за рамки, определенные новым советским законодательством. Последнее направление контроля было подчинено первому, а в ряде случаев о нем вообще не приходилось говорить. Так, в Харькове в исследуемый период чекистской работой заведовали Покко, Циклис, Израилит и Маевский. Под их руководством осуществлялся весь тот правовой "беспредел", который один из очевидцев описывает следующим образом: "Деятельность следователей проявлялась... в умножении денежных средств чрезвычайных комиссий. Проще говоря следователи занимались вымоганием и обиранием. Обирались и арестованные и свидетели. Если у последних было что взять, они, в свою очередь становились арестованными и переходили в разряд обвиняемых... Исход дела зависел от размера взятки, от произвола, от личного настроения членов чрезвычайки, от случая, от чего угодно, - только не от справедливости".¹¹⁸

В Харьковских ЧК широко применялись пытки, которые состояли из ошпаривания кипятком, уколов под ногти, битья железными шомполами и т.п. Особенно отличался своей жестокостью Израилит. Пытками он добивался "признаний", результатом чего были новые аресты и пытки невиновных. Но Израилиту было все же далеко до Саенко - коменданта ЧК, расположенной на ул. Чайковского, 16. В.Смиренномудренский дает такой портрет коменданта: "Издерганный дегенерат, кокаинист, с браунингом в дрожащей руке, весь в пулеметных лентах, явный садист - он производил жуткое впечатление".¹¹⁹ Его имя стало нарицательным при описании ужасов большевистского террора.¹²⁰ Судаков - комендант ЧК, находившейся на ул. Сумской, 47 - ввел грязные и унижительные принудительные работы, при которых любил лично присутствовать. "Ему доставляло особое наслаждение смотреть, как почтенные люди, особенно духовного звания, занимались очисткой отхожих мест, выбирая нечистоты без лопаты, голыми руками".¹²¹

Харьков не был исключением. Аналогичную "работу" органов ЧК можно

было наблюдать по всей территории Украины. Допустив террор, большевики уже не могли ограничивать поле его действия. Террор часто становился неуправляемым, охватывая все сферы жизни, меняя психику людей. На данном этапе контроль партии сводился лишь к пресечению некоторых вопиющих случаев нарушения "революционной законности" в чекистских рядах.

Главное же направление контроля за ЧК - наблюдение за четким проведением политики подавления всякого сопротивления режиму - было выдержано большевиками со всей последовательностью. Решая эту задачу, компартия опиралась также на государственный контроль, проводимый народными комиссариатами Госконтроля и Социалистической советской инспекции, Административной инспекцией РКИ, исполкомами советов, а также органами Народного комиссариата юстиции.

§ 4 Контроль исполкомов советов, народных комиссариатов Госконтроля, Социалистической советской инспекции и рабоче-крестьянской инспекции за деятельностью ЧК

В положении о Всеукраинской и местных ЧК от 30 мая 1919 г. отмечалось, что ЧК организуются местными советами и являются отделами исполкомов, члены ЧК избираются и отзываются исполкомами, председатели ЧК избираются исполкомами и утверждаются ВУЧК, все сметы чекистских органов предварительно утверждаются исполкомами и все ассигнования на ЧК переводятся через исполкомы. Согласно ст.13 положения исполкомам предоставлялось право приостанавливать исполнение приговоров ЧК, направлять дела, находящиеся в производстве ЧК, судебным и следственным органам. В свою очередь ЧК в соответствии со ст.15 могли испрашивать у исполкома усиления вооруженных сил, введения в губернии и уезде чрезвычайного или военного положения, подвергать аресту ответственных сотрудников советских учреждений каждый раз с ведома исполкома, а в

экстренных случаях с разрешения председателя исполкома.¹²²

По положению председатель Всеукраинской ЧК и его заместитель назначались Совнаркомом УССР. Начальник Центрального Управления чрезвычайных комиссий Украины согласно декрета ВУЦИК от 17 марта 1920 г. также назначался правительством и непосредственно ему подчинялся.¹²³ ВУЧК и Цупрчрезком были подотчетны и подконтрольны ВУЦИК и СНК УССР.

Основные нормативные акты, определяющие правовое положение ЧК разрабатывались при участии ВУЦИК и Совнаркома. Правительство Украины неоднократно указывало коллегии ВУЧК на необходимость осторожного использования чрезвычайных прав, тщательной проверки всех материалов, служащих причиной арестов, взвешивать каждое свое действие, каждый приговор, чтобы его исполнение не подрывало, а укрепляло авторитет Советской власти. 4 мая 1919 г. председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский от имени правительства Украины разослал всем губисполкомам телеграмму, в которой потребовал от них немедленно ставить в известность ВУЦИК о всех нарушениях закона и злоупотреблениях властью со стороны любых должностных лиц.¹²⁴ 21 мая 1919 г. СНК УССР обратил внимание председателя ВУЧК М.Я. Лациса на необходимость строгого соблюдения органами ЧК законов Советской власти, чтобы ни один расстрел не был приведен в исполнение без ведома правительства.¹²⁵

Важную роль в постановке контроля и надзора за чрезвычайными комиссиями играли нормативные акты исполкомов. Так, Донецкий исполком в приказе № 96 от 23 июля 1921 г. предписывал всем уездным исполкомам осуществлять "строжайший надзор" за тем, чтобы никакие административные органы, в том числе и ЧК, не вмешивались в судебную-следственную работу народных судов, следователей и др.¹²⁶ Иногда исполкомы создавали специальные контрольные органы. Например, постановлением Президиума Харьковского исполкома в конце января 1919 г. была создана Центральная

контрольная комиссия по наблюдению за ЧК. В нее входили представители исполкома, партийных и профсоюзных органов.¹²⁷

Исполкомы осуществляли функцию контроля за ЧК как непосредственно, так и через свои отделы управления и юстиции. По мнению большинства авторов двойное подчинение отделов юстиции Наркомюсту и исполкомам отрицательно сказывалось на надзоре за законностью.¹²⁸ Однако, в тех условиях, когда еще шел поиск организационных форм, в этом были и свои плюсы. Когда между органами юстиции и ЧК возникали трения по поводу передачи дел судебным и следственным властям, то вопрос разрешался соответствующим исполкомом или Совнаркомом Украины.¹²⁹ Жалобы и телеграммы о неправомерных действиях работников ЧК обсуждались на заседаниях Президиума ВУЦИК, а еще чаще переправлялись в Наркомюст для рассмотрения в порядке надзора.¹³⁰ Вопросы, связанные с контролем и надзором за органами ЧК не раз поднимались на Всеукраинских и Всероссийских съездах Советов.

Определенное место в системе контроля за ЧК занимали народные комиссариаты Госконтроля и Социалистической советской инспекции Украины /НК ССИ УССР/. НК Госконтроля УССР, созданный в январе 1919 г.,¹³¹ контролировал органы ВУЧК через свой административный отдел. Народным комиссаром государственного контроля одно время был Н.А. Скрыпник, возглавлявший ранее отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Наркомат ССИ УССР был образован декретом ВУЦИК в мае 1919 г. и осуществлял политический контроль за деятельностью всех советских учреждений, в том числе и за ЧК.¹³² Заместитель наркома ССИ В.Р. Менжинский являлся членом коллегии ВУЧК.

НК ССИ УССР осуществлял контроль путем посылки на места своих инспекторов и комиссий, в которые входили представители наркомата и инспектируемых ведомств. Так, например, в связи с поступившими в НК ССИ

жалобами на злоупотребления в работе железнодорожных ЧК, расположенных по линии Киев-Ворожба, была создана специальная комиссия №4. В ее состав входили представители ВУЧК, Высшей инспекции путей сообщения и связи НК ССИ, профсоюза "Транспорт". Возглавлял комиссию представитель от Высшей административно-политической инспекции НК ССИ. Главной задачей комиссии № 4 была проверка железнодорожных ЧК, низовых органов ЧК в уездах, городах, по линиям железных дорог. Прибыв в Нежин, комиссия открыла в городе бюро жалоб и заявлений, оповестив об этом население. При проверке поступивших в бюро жалоб было вскрыто много злоупотреблений в работе Нежинской ЧК. Некоторыми сотрудниками ЧК были совершены тяжкие уголовные преступления. Комиссия отстранила от должности комиссаров Нежинской ЖЧК и передала их дела в трибунал для немедленного расследования. Неблагополучное положение дел было выявлено в Конотопской ЧК. Кроме того, комиссия проверила деятельность конотопской так называемой "красной пятерки", т.е. "комиссии красного террора". Были обследованы также места заключения и опрошены находившиеся там лица. В своем заключении комиссия предложила целый ряд мер, направленных на улучшение работы органов ЧК. Аналогичные комиссии действовали в Киевской, Полтавской, Черниговской и других губерниях.¹³³

Посылаемые на места инспектора НК ССИ действовали в тесном контакте с партийными и профсоюзными органами. Они посещали места заключения, интересовались мнением местных коммунистов о работе ЧК, присутствовали на собраниях чекистов, составляли заключения и инструктировали чрезвычайные комиссии, чтобы их деятельность соответствовала общей политике Советской власти.¹³⁴

НК Госконтроля и НК ССИ к концу 1919 г. прекратили свою деятельность. Их опыт был использован при создании Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции и определении его задач. Созданный в феврале

1920 г. и возглавляемый Н.А. Скрыпником, НК РКИ УССР осуществлял контроль за органами ЧК через свой Административный отдел и Бюро жалоб при ЧК Украины.¹³⁵ Являясь органом НК РКИ, Бюро жалоб находилось в его полном подчинении и действовало на основе специального положения, выработанного НК РКИ совместно с ВУЧК. В задачи этого органа входили прием и разрешение жалоб на действия ЧК.¹³⁶

Центральное бюро жалоб РКИ обслуживало ВУЧК /Цупрчрезком/ и Харьковскую губчека. Бюро жалоб имелись также при губернских ЧК. Они состояли из заведующего и контролеров, которые подбирались с особой тщательностью и, как правило, из коммунистов.¹³⁷

Важную роль в налаживании взаимоотношений между бюро жалоб и ЧК играли нормативные акты НК РКИ и ВУЧК. Так, в приказе Наркома РКИ Н.А. Скрыпника от 10 июня 1920 г. отмечалось, что бюро жалоб при ЧК вначале неправильно поняли свои задачи. Они требовали от коллегии ЧК на предварительный просмотр все дела, по которым должны были выноситься приговоры. Нарком обратил внимание на то, что бюро жалоб не могут затребовать дела, находящиеся в стадии предварительного следствия. Это право предоставляется им лишь в отношении законченных дел, на которые поступили жалобы и из них видно, что органами ЧК допущены нарушения закона. Работники РКИ, не являвшиеся сотрудниками бюро жалоб, могли наводить справки лишь по особым мандатам и только через бюро жалоб. Жалобы, рассмотренные бюро и переданные для принятия решения в органы ЧК, должны были разрешаться последними немедленно. Все заключения бюро жалоб и принятые по ним решения ЧК вывешивались на видном месте.¹³⁸

В июле 1921 г. был издан другой приказ НК РКИ УССР, требующий наведения порядка в работе с жалобами. Приказ предписывал местным бюро жалоб при ЧК наладить на должном уровне учет, регистрацию жалоб и их движение.¹³⁹

В сентябре 1921 г. до губернских ЧК и местных органов РКИ был доведен приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии № 294, действие которого распространялось и на Украину. В приказе ВЧК указывалось, что все губернские ЧК обязаны при производстве ревизий и конфискации, при которых обязательно присутствие представителя РКИ, а также при производстве следствия или экспертизы, где по ходу дела необходимо содействие РКИ, ставить в известность последнюю о назначении комиссии не менее как за 24 часа до проверки. Органам РКИ по получении соответствующего отношения в тот же день следовало делать распоряжение о назначении тех или иных лиц и ставить в известность ЧК о состоявшемся распоряжении.¹⁴⁰

Указанные выше и другие нормативные акты НК РКИ и ВУЧК способствовали выработке рациональных форм контроля, который помимо бюро жалоб при ЧК осуществлялся непосредственно Административным отделом НК РКИ УССР. Так, 26 сентября 1920 г. приказом Наркома РКИ всем губернским инспекциям было предписано совместно с губпарткомами немедленно приступить к обследованию лагерей для заключенных. Для постоянного контроля в лагеря назначались специальные контролеры.¹⁴¹ 30 сентября НК РКИ предложил комиссарам следственных тюрем при губернских ЧК ежедневно сообщать в Административный отдел сводки о движении арестованных.¹⁴² В сведениях, поступающих каждые сутки в Административный отдел НК РКИ из тюремного подотдела Харьковской губчека, указывалось сколько прибыло, убыло и состоит на данное число месяца заключенных, за каким органом они числятся, их пол, возраст и род деятельности.¹⁴³

Для согласования инспекционно-контрольной деятельности РКИ с административно-карательной деятельностью ЧК и судебно-карательной деятельностью органов юстиции, для восполнения инспекционных методов РКИ методами розыскными и следственными и для единства и ускорения

борьбы с волокитой и преступлениями по должности 9 апреля 1921 г. при НК РКИ было образовано Межведомственное Совещание из представителей РКИ, ВУЧК и НКЮ. В его задачи входило:

"а/ рассмотрение вносимых РКИ ревизионных дел и разрешение вопроса о направлении их на решение ЧК, или для разбора в судебные органы, или окончательное решение в самой комиссии;

б/ вынесение постановлений о производстве вытекающих из ревизионных дел РКИ необходимых действий органов ЧК и органов судебно-следственных, а равно вынесение постановлений о производстве РКИ инспекционно-контрольных действий, необходимость которых вытекает из работы ЧК и судебных органов;

в/ вынесение постановлений об объявлении выговоров и замечаний, постановке на вид, предупреждений, краткосрочных до 2-х недельного срока административных арестов и других взысканий за волокиту и злоупотребления по должности по принятым комиссией к своему разрешению инспекционным делам РКИ;

г/ рассмотрение планов одновременно и согласованно проводимых операций... и общее руководство совместными операциями..." ¹⁴⁴

Накопленный опыт работы по контролю за правоохранительными органами был обобщен на 2-й Всеукраинской конференции РКИ. Конференция приняла "Инструкцию о порядке ревизий Губчека и о взаимоотношениях с ними Губинспекций", согласованную с Цупрчрезкомом Украины. Инструкция устанавливала следующие правила: "Финансовая и материальная части ЧК ревизовались на общих основаниях. В случае конфликта вопрос решал Президиум губисполкома. Когда по ходу ревизии надо было приостановить то или иное распоряжение или действие Президиума губернской ЧК или его членов, это можно было сделать не иначе как с согласия Президиума Исполкома или Губпарткома. Сотрудники губернских РКИ имели право

посещать тюрьмы, концентрационные лагеря, проверять в местах заключения порядок содержания арестованных, длительность их пребывания там, обращение с заключенными, органы РКИ имели право организовывать совместно с ЧК и органами юстиции комиссии по разгрузке мест заключения. Вся секретно-оперативная работа ЧК не подлежала контролю Губинспекции. В коллегию ЧК входил с совещательным голосом представитель Губинспекции. Во всех спорных случаях и конфликтах высшей инстанцией для РКИ и ЧК являлись партийные органы".¹⁴⁵

§ 5 Контроль революционных трибуналов за деятельностью чрезвычайных комиссий

В тесном контакте с органами ЧК работали революционные трибуналы. Они отсылали поступавшие к ним заявления в чрезвычайные комиссии для расследования и рассматривали дела, направляемые к ним из ЧК. Между чрезвычайными комиссиями и трибуналами существовала также организационная связь. Во все звенья ревтрибуналов входили представители ЧК. В свою очередь революционные трибуналы были наделены определенными полномочиями в области контроля за органами ЧК. Трибуналы проверяли законность проведения следственных действий по всем уже поступившим к ним делам и находящимся еще в производстве ЧК. Члены ревтрибунала имели право посещать места заключения и проверять законность содержания арестованных по постановлениям ЧК лиц.

В РСФСР контрольные функции революционных трибуналов в отношении ЧК были сформулированы на Всероссийском съезде председателей ревтрибуналов в ноябре 1918 г. В постановлении съезда указывалось, что на "все ЧК распространяется право судебного контроля, предоставленное трибуналам и их следственным комиссиям, и никакими особыми гарантиями и привилегиями ЧК в этом отношении не пользуются".¹⁴⁶ 17 февраля 1919 г.

ВЦИК принял постановление "О правах ВЧК и ревтрибуналов", по которому трибуналам предоставлялось право проверки следственных действий органов ЧК /п.5/ и законности содержания арестованных /п.6/.¹⁴⁷ По мнению Н.В. Крыленко "оба эти пункта остались недетализированными и, как и следовало ожидать, фактически в жизнь не вошли".¹⁴⁸

Указанные выше права трибуналов были подтверждены в положениях о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. /III. 8,11/¹⁴⁹ и от 18 марта 1920 г. /ст. 8,11,12/.¹⁵⁰ В положении о революционных военных трибуналах от 4 мая 1920 г. указывалось, что "революционным военным трибуналам принадлежит право проверки следственных действий по всем делам, как поступившим к ним, так и находящимся в производстве особых отделов и чрезвычайных комиссий, розыскные действия по которым закончены"/ст.13/. Члены трибуналов имели право посещения мест заключения и проверки законности содержания арестованных, сообщая через распорядительные заседания о замеченных нарушениях с предложением изменения меры пресечения тому органу ЧК, за которым числился арестованный. Особый отдел или ЧК были обязаны в семидневный срок либо освободить заключенного, либо представить исчерпывающие объяснения по возбужденному революционным трибуналом поводу.¹⁵¹

Законодательный опыт России был использован в УССР. В п.5 постановления Совнаркома Украины "О взаимоотношениях Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины с Наркоматами и местными органами" от 20 августа 1920 г. было записано: "Революционным трибуналам предоставляется право проверки следственных действий ЧК по делам, предназначенным к передаче в революционные трибуналы, и розыскные действия по которым уже закончены".¹⁵² Реализуя это право, трибуналы следили за законностью применения органами ЧК различных принудительных мер, связанных с предварительным следствием. Так, постановления об арестах,

обысках, выемках, об избрании меры пресечения и об освобождении арестованных приобретали законную силу при наличии подписи председателя трибунала. Председатель утверждал или подписывал эти постановления только по докладу члена трибунала, который вел наблюдение за производством следствия по конкретному делу. Трибуналы следили также за соблюдением установленных законодательством сроков проведения следствия.¹⁵³

Из архивных материалов усматривается, что на местах часто наблюдались трения между органами ЧК и трибуналами, причем контрольная функция последних при этом часто сводилась к нулю. Вот, к примеру, несколько выдержек из информационных докладов, сделанных 26 октября 1921 г. на совещании оснарследов Донецкого революционного трибунала. "ЧК не выдерживают критики. Поведение уполномоченного невозможно. Отношение к оснарследу пренебрежительное. Идут склоки... Для работы необходима поддержка трибуналом авторитета оснарследа" /из доклада Гайворонского/.¹⁵⁴ "Взаимоотношения с местными органами наладились со всеми, кроме ЧК, которая обижает крестьян, дебоширит". /из доклада Ивачкина/.¹⁵⁵ "С ЧК отношения неудовлетворительные. Часто передается дело, а арестованные не перечисляются ЧК. Вещественные доказательства не только не пересылаются, но не бывает даже ответа на запрос". /из доклада Зинченко/.¹⁵⁶ В резолюции по докладу совещание констатировало, что "органы чрезвычайных комиссий... сознательно не желают работать с оснарследами в контакте, зачастую своими действиями подрывая их авторитет, кроме препятствий в работе оснарследа - ничего не делаю".¹⁵⁷ Подобная ситуация отмечалась в Черниговской, Одесской и других губерниях.¹⁵⁸ Из рапорта председателя Верховного ревтрибунала Железнодорожного в Наркомюст видно, что "антогонизм" в отношениях между органами ЧК и трибуналами - обычное явление.¹⁵⁹

Право членов ревтрибуналов на посещение мест заключения и проверку законности содержания арестованных органами ЧК лиц было зафиксировано в

постановлении НКЮ УССР от 2 марта 1919 г. "О сообщении Харьковскому революционному трибуналу справок о лицах, содержащихся по стражей".¹⁶⁰ В п.6 указанного выше постановления СНК УССР от 20 августа 1920 г. отмечалось: "Революционные трибуналы имеют право делегировать своих членов для посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных".¹⁶¹ Председатель трибунала мог в любое время посетить любой дом общественных принудительных работ, расположенный в пределах губернии. При этом требовалось лишь предъявить служебное удостоверение.¹⁶² Представители трибуналов, как правило, входили во все комиссии, создаваемые из представителей различных органов с целью обследования мест заключения. Данными комиссиями было выявлено множество злоупотреблений со стороны чрезвычайных комиссий.¹⁶³

Следует также отметить, что для осуществления более тесного контакта в работе на местах органы ЧК делегировали своих представителей в состав коллегий революционных трибуналов,¹⁶⁴ а председатели трибуналов нередко являлись членами коллегий ЧК.¹⁶⁵

Контроль трибуналов за чрезвычайными комиссиями вытекал, прежде всего, из того, что им было подсудно большинство находящихся в производстве ЧК дел, в силу чего они имели возможность проверять законность действий чекистских органов. Однако, на практике контрольно-надзорная функция трибуналов была менее выражена, чем данное направление деятельности в работе органов юстиции.

§ 6 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКЮ УССР И ЮРИДИЧЕСКИХ ОТДЕЛОВ ИСПОЛКОМА ПО НАДЗОРУ ЗА ОРГАНАМИ ЧК

6.1 Правовое закрепление взаимоотношений органов юстиции и ЧК в РСФСР, использование российского опыта на территории Украины

Наркомюст УССР осуществлял надзор за ЧК через свои отделы и юридические отделы губернских, уездных и городских исполкомов. При этом использовался практический и нормативный опыт РСФСР.

19 и 21 декабря 1917 г. на заседаниях СНК Народным комиссаром юстиции левым эсером И.З. Штейнбергом дважды ставился вопрос о взаимоотношениях НКЮ с ВЧК и другими следственными комиссиями. Он пытался отстоять идею контроля НКЮ за деятельностью ВЧК и предлагал аресты, имеющие большое политическое значение производить "лишь с ведома Народного комиссариата юстиции".¹⁶⁶ Однако, Совнарком решил, что такая компетенция НКЮ может сковать действия ВЧК и лишить ее необходимой оперативной самостоятельности. Коммунисты не хотели усиления позиций партии эсеров в государственных органах. Поэтому предложение И.З. Штейнберга было отклонено, а в постановлении СНК от 21 декабря 1917 г., принятом с учетом поправок В.И. Ленина, отмечалось, что ВЧК находится в непосредственном подчинении Совнаркома, ее работа протекает "под наблюдением" народных комиссариатов Юстиции и Внутренних дел, а также Президиума Петроградского Совета /а не только Наркомюста, как предлагали левые эсеры/. Об арестах, "имеющих выдающееся политическое значение", ВЧК должна была "извещать" НКЮ и НКВД. В постановлении указывалось, что "конфликты, не разрешенные соглашением народных комиссаров Юстиции, Внутренних дел и Президиума Петроградского Совета с комиссиями, входят в окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности соответствующих комиссий".¹⁶⁷

После того, как левые эсеры вышли из состава СНК РСФСР, а руководство НКЮ перешло к большевикам, роль Наркомюста в укреплении законности, в том числе и в деятельности органов ЧК, значительно усилилась.

Согласно ст.3 положения "О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и местных чрезвычайных комиссиях..." от 2 ноября 1918 г. ВЧК, являясь органом СНК, должна была работать в тесном контакте с НКВД и НКЮ. С этой целью народные комиссариаты Внутренних дел и Юстиции делегировали в ВЧК своих представителей /ст.5/.¹⁶⁸

Форму взаимодействия коллегия Наркомюста изложила в Наказе члену коллегии НКЮ, делегированному в ВЧК. Этот Наказ, принятый 18 ноября 1918 г., содержал четкие указания на функции "делегатов", определял их права и обязанности: "1. В качестве представителя НКЮ член коллегии обязан наблюдать за законностью действий и постановлений ВЧК и ее отделов и органов. 2. Для осуществления означенной обязанности член коллегии имеет право ознакомления с деятельностью ВЧК и подведомственных ей органов во всех стадиях, для чего вправе требовать предоставления всех дел и документов с тем, однако, чтобы ознакомление это не нарушало нормального хода работы органов ВЧК. 3. В случае замеченных нарушений декретов Рабоче-Крестьянского правительства и вообще незаконных действий тех или иных органов ВЧК, член коллегии должен войти в Президиум ВЧК с представлением об отмене незаконных постановлений и аннулировании незаконных действий. 4. В случае отказа Президиума ВЧК выполнить предложение о восстановлении нарушенной законности или отмене незаконного постановления, член коллегии обязан немедленно донести об этом до сведения Народного комиссара юстиции на предмет обжалования неправильных действий ВЧК в Совете Народных Комиссаров. 5. Член коллегии обязан в срочном порядке выполнить поручение НКЮ по выяснению отдельных дел и обстоятельств, а также наводить требуемые справки. 6. О своей деятельности в ВЧК член коллегии обязан

представить отчет Народному комиссару юстиции не менее одного раза в месяц".¹⁶⁹

Основная работа по контролю за ЧК проводилась следственным отделом НКЮ. Его функции были определены 28 мая 1918 г. на коллегии НКЮ, которая вынесла решение "о возложении на следственный отдел... общего наблюдения за производством расследования следственными комиссиями и комиссиями по борьбе с контрреволюцией, а также в особо важных случаях и непосредственного производства отдельных следственных действий".¹⁷⁰

Органы юстиции РСФСР следили также за законностью содержания под стражей заключенных, числящихся за ЧК. Необходимость осуществления такого надзора именно Наркомюстом прямо вытекала из пункта "б" постановления СНК РСФСР от 7 января 1918 г.: "Поручить Народному Комиссару юстиции в кратчайший срок проверить основательность содержания в тюрьмах политических заключенных, удостовериться, формулированы ли для арестованных конкретные пункты обвинения для передачи их в следственную комиссию при революционном трибунале; всех же, кому в течение 48 часов не может быть предъявлено обвинение освободить".¹⁷¹

20 ноября 1920 г. было принято положение об отделах НКЮ РСФСР, в котором указывалось, что организация мест лишения свободы и заведование ими, осуществление карательных мероприятий возлагается на Центральный карательный отдел.¹⁷²

Указанные выше положения о контроле органов юстиции за деятельностью ЧК в порядке взаимствования опыта были распространены на Украину. Надзорная функция Наркомюста УССР и юридических отделов исполкомов была определена в положении о НКЮ от 1 марта 1919 г.,¹⁷³ конкретизирована 30 мая 1919 г. в положении о ВУЧК и местных чрезвычайных комиссиях,¹⁷⁴ уточнена в постановлении Совнаркома "О взаимоотношениях Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины с Наркоматами и местными органами" от 20

августа 1920 г.,¹⁷⁵ развита в ряде инструкций, циркуляров и других нормативных актах.

По положению "О Народном комиссариате юстиции" 1919 года, в нем должно было быть 7 отделов. Надзорные функции возлагались на два отдела:

– Контрольно-следственный, созданный для "осуществления общего и текущего надзора за деятельностью судебных и следственных учреждений республики и юридических отделов местных советов";

– Тюремно-карательный, созданный "для руководства и надзора за применением наказаний".¹⁷⁶

Для осуществления надзора за деятельностью всех судебных органов, в частности за правомерностью выносимых ими решений, приговоров и определений, постановлением ВУЦИК от 17 апреля 1919 г. в составе НКЮ был образован отдел Верховного судебного контроля.¹⁷⁷ Контроль за следствием по-прежнему оставался в ведении Контрольно-следственного отдела.

На местах надзор за органами ЧК по линии НКЮ был сосредоточен соответственно в контрольно-следственных и тюремно-карательных подотделах юридических отделов исполкомов. Надзор за ЧК осуществлялся также отраслевыми /судебно-следственным и центрально-карательным/ отделами НКЮ.

Структура НКЮ в рассматриваемый период не была стабильной и, как показывает анализ архивных источников,¹⁷⁸ подвергалась частым изменениям, что вызывало путаницу даже среди самих работников юстиции.¹⁷⁹ Это было вызвано обстановкой гражданской войны, острой нехваткой квалифицированных кадров, недостатком опыта государственного строительства и поиском наиболее эффективных организационных форм.

6.2 Надзор за производством органами ЧК дознания и предварительного следствия и за обоснованностью выносимых ими приговоров

Контрольные функции были конкретизированы положением о Всеукраинской и местных чрезвычайных комиссиях от 30 мая 1919 г. По всем делам, находившимся в производстве ЧК, допускалось участие с правом совещательного голоса представителей НКЮ и юридических отделов исполкомов. Представителям НКЮ и юротделов предоставлялось право участия во всех следственных действиях ЧК и право обзора всего их делопроизводства. НКЮ мог требовать от ЧК передачи дел следственным властям. В случае несогласия ЧК с этими требованиями вопрос о дальнейшем направлении дела передавался на разрешение СНК, если требование исходило от представителя НКЮ, или местного исполкома, если такое требование предъявлялось представителями юридического отдела.¹⁸⁰

Надзор за производством дознания и предварительного следствия на местах осуществлялся контрольно-следственными подотделами юридических отделов исполкомов. Юротделы были учреждены декретом СНК "О юридических отделах губернских, уездных и городских исполкомов" от 25 февраля 1919г.¹⁸¹ В документе говорилось о надзорной функции, однако, содержание ее не уточнялось. Изданный вскоре циркуляр НКЮ "О правах и обязанностях юротделов" предписывал им надзирать за правильным и незамедлительным течением дел, следить за законностью вынесенных приговоров.¹⁸² С этой целью в составе юротделов постановлением Наркомюста от 15 апреля 1919 г. были созданы контрольно-следственные подотделы. В постановлении указывалось, что они образуются "для общего и текущего надзора за деятельностью следственных учреждений", в том числе и за ЧК. В отдельных случаях эти подотделы могли и сами проводить расследование. Для этого требовалось особое предписание Наркома юстиции или постановление юридического отдела.¹⁸³

Правовое положение контрольно-следственных подотделов определялось "Общей инструкцией следователя ЧК и Трибуналов по ведению следствия"¹⁸⁴ и

инструкцией НКЮ "К временному положению о народных судах и революционных трибуналах".¹⁸⁵ Контроль за чрезвычайными комиссиями осуществлялся путем:

- ознакомления с делами и материалами дознания и следствия;
- затребования от ЧК отчетов о количестве и движении дел, количестве арестованных, а также по определенным вопросам предварительного следствия.

Руководство деятельностью контрольно-следственных подотделов юротделов исполкомов НКЮ УССР осуществлял через контрольно-следственный /судебно-следственный¹⁸⁶/ отдел. Важную роль в этом играли циркуляры НКЮ. Например, в циркуляре № 6 "Об ускорении производства предварительного следствия" от 29 февраля 1920 г. за подписью Наркомюста Терлецкого и заведующего судебно-следственным отделом Ширвиндта указывалось, что надзор за точным исполнением сроков при производстве предварительного следствия по каждому делу "возлагается... на юротделы /по контрольно-следственным п/отделам/".¹⁸⁷ Подотделы были обязаны следить, чтобы:

- о каждом случае возбуждения уголовного дела в течение 24 часов уведомлялся соответствующий юридический отдел;
- не позднее 48 часов после возбуждения уголовного дела обвиняемому сообщалась сущность предъявляемого обвинения;
- срок предварительного следствия не превышал одного месяца с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого до передачи законченного производства в судебный орган.

Циркуляр предупреждал, что виновные в несоблюдении сроков будут подвергаться судебному и дисциплинарному преследованию. Он также предписывал юротделам входить с исчерпывающими объяснениями в судебно-следственный отдел НКЮ о каждом случае нарушения.¹⁸⁸ Несмотря на данный циркуляр и другие нормативные акты НКЮ, процессуальные сроки органами

ЧК нарушались повсеместно, о чем говорит анализ архивного материала.¹⁸⁹ Часто это было связано с объективными причинами /загруженность делами, нехватка кадров и т.п./, а нередко с нежеланием ряда работников ЧК следовать закону и стремлением действовать на свое личное усмотрение, что в свою очередь приводило к массе других /помимо несоблюдения сроков дознания и следствия/ нарушений.

Распространенным явлением было нарушение законности в вопросе о передаче в судебные и следственные органы вещественных доказательств. В связи с этим Наркомюст издал циркуляр и несколько раз обращался в Цупрчрезком с представлениями.¹⁹⁰ В представлении НКЮ от 2 октября 1920 г. за № 5378 отмечалось: "Из докладов, получаемых нами с мест, явствует, что вещественные доказательства по делам, препровожденным из подведомственных Вам органов /У.Т.Ч.К., О.Р.Т.Ч.К., Губ Ч.К., особого отдела, Политбюро и др./ в Нарсуды, Ревтрибуналы и все следственные органы не представляются. Принимая во внимание, что как правильное ведение следствия, так и приговор Суда зависит в большей мере от вещественных доказательств, прилагаемых к делу, Н.К.Ю. просит в срочном порядке отдать распоряжение по всем подведомственным Вам учреждениям о безусловном приложении к делам, под личной ответственностью начальников этих учреждений, всех вещественных доказательств, обнаруженных при обысках, арестах и пр. В противном случае НКЮ через местные органы Юстиции, вынужден будет привлекать к ответственности лиц, не предоставивших вещественных доказательств как расхитителей".¹⁹¹

В циркуляре Полтавского губотдела юстиции по контрольно-следственное подотделу, разосланном в мае 1921 г. уездным отделам юстиции, указывалось на выявленные при обозрении следственных производств следующие нарушения: "медлительность в производстве предварительных следствий, отсутствие постановлений о приступе к следствию и о передаче дел

другому следователю, несоблюдение без объяснения причин сроков для допроса обвиняемых, а иногда и применение в отношении последних меры пресечения до их допроса... сплошь и рядом отсутствие протоколов осмотра вещественных доказательств, что крайне необходимо в случае утери последних; отсутствие в протоколах дат, времени и места их совершения; отсутствие подписей следователя под протоколами допроса... свидетелей... обвиняемых, вследствие чего протоколы эти во многих случаях могут потерять всякое значение; неприобщение к делу вторых экземпляров повесток лицам, которые вызывались к следствию, но не явились, вследствие чего не видна причина неявки;.. в случае освобождения виновных из-под стражи - отсутствие справок когда, за каким номером и куда послано требование об освобождении; отсутствие предъявления следствия обвиняемым и заключенным, постановлений о направлении дела и отсутствие отметок о перечислении арестованных за тем учреждением, куда передается дело".¹⁹² Циркуляр предписывал уездным отделам юстиции осуществлять надзор за точным исполнением процессуальных норм при производстве предварительного следствия.

Нередкими были случаи совершения работниками ЧК прямых преступлений. Например, из телеграммы преуисполкома Петрушенко, посланной 24 августа 1920 г. из Конотопа в Харьков председателю ВУЦИК Петровскому, а затем переправленной для выяснения обстоятельств дела в НКЮ, явствует, что сотрудники политбюро при допросах избивали арестованных. Председатель губчека по этому поводу высказался следующим образом: "Я чекист не один год и с методом допросов знаком".¹⁹³ Избиения при допросах до полусмерти имели место и в Нежинском политбюро при полном бездействии уездного отдела юстиции.¹⁹⁴ В ноябре 1921 г. НКЮ в порядке надзора рассматривал дело о незаконном расстреле 18 марта в Гайсинской уездной ЧК четырех человек, которые попадали под амнистию 5-го съезда Советов.¹⁹⁵ Масса преступлений

была совершена работниками Белоцерковской уездной ЧК Киевской губернии, за что 17 чекистов были привлечены к уголовной ответственности.¹⁹⁶ Подобных и других примеров можно привести множество по всей Украине.

Совершаемые работниками ЧК при производстве дознания и предварительного следствия нарушения, зачастую переходящие в преступления, во многом были возможны из-за попустительства контрольно-следственных подотделов. В ряде уездов надзор полностью отсутствовал. В Донецкой губернии, согласно докладам губотдела юстиции это было вызвано "голодным существованием как ответственных, так и технических работников юстиции,.. почти полным отсутствием финансовых, личных и материальных средств, а также неполучением из Центра соответствующих руководящих распоряжений, а особенно законодательного материала..."¹⁹⁷ Не лучше обстояло дело и в других губерниях. Несмотря на то, что Наркомюст стремился обеспечить юридические отделы сборниками важнейших нормативных актов, циркулярами и инструкциями НКЮ, это явно не соответствовало потребностям местных органов юстиции, которые в силу этого не всегда четко осознавали свои задачи.¹⁹⁸

Недостаток нормативной базы, а также несовершенство самого законодательства вызывали "целый ряд недоразумений и вмешательств одних органов в действия других".¹⁹⁹ Например, Донецкий губотдел юстиции в своем ответе на запрос НКЮ УССР от 29 сентября 1921 г. о взаимоотношениях губюста с другими органами сообщил, что "весьма часты /преимущественно со стороны Политбюро и Учека/ требования об изъятии и фактическое изъятие дел от нарсудов, требования об изменении меры пресечения, причем сопротивление судей часто имеет последствием арест... Политбюро и Учека почти всегда заводят в таких случаях дела по обвинению Нарсудей "в неправильных действиях".²⁰⁰

На практике органы ЧК часто игнорировали надзорные функции

юридических отделов. Некоторые работники юстиции, и даже в контрольно-следственном отделе НКЮ УССР, ошибочно полагали, что если следствие проводилось ЧК, то контролю НКЮ оно не подлежит.²⁰¹ В ряде мест работа по надзору за следствием и дознанием была парализована атмосферой страха, сложившейся вокруг деятельности ЧК.²⁰²

Работа контрольно-следственного отдела НКЮ была налажена значительно лучше. Отдел не только руководил контрольно-следственными подотделами юротделов местных исполкомов, но и сам непосредственно осуществлял надзор за органами следствия и дознания, в том числе и за ЧК. Содержание этой деятельности внешне выражалось в заключениях консультантов отдела.

Заключение давалось в письменной форме после ознакомления консультанта с материалами конкретного уголовного дела. В самом начале данного документа указывалось когда, каким консультантом /фамилия/ и материалы какого дела были рассмотрены, а также какой следователь ЧК и в течение какого времени вел предварительное следствие, а если по делу проводилось дознание - каким органом оно было осуществлено. Затем отмечались нарушения, допущенные при производстве. При этом консультант ориентировался на "Общую инструкцию следователя ЧК и Революционного трибунала по ведению следствия" и следил, чтобы все ее требования были выполнены. Так, например, консультант контрольно-следственного отдела НКЮ Стаховецкий 8 июня 1921 г. рассмотрел дело по обвинению гр.Сосновской в содействии расстрелу красноармейца. В своем заключении он отметил, что следствие по делу велось Мелитопольской уездной ЧК, при этом были допущены следующие нарушения "Общей инструкции...": "нет постановления о принятии дела к производству, нет предъявления следственного производства обвиняемому, нет постановления о привлечении в качестве обвиняемого".²⁰³ В заключении от 13 июня указывалось, что в

материалах дознания, проводимого с 27 ноября 1920 г. по 1 апреля 1921 г. Старобельским политбюро по делу Щербака, Плужникова и др., обвиняемых в спекуляции, даче взяток и преступлениях по должности, отсутствуют необходимые постановления, а заключительный акт не удовлетворяет требованиям "Общей инструкции..."²⁰⁴ Отступление от ст. 2, 3, 16 и 18 инструкции обнаружено при рассмотрении материалов следствия, произведенного уполномоченным секретно-оперативного отдела Волынской ЧК по делу Белкина А.Я., обвиняемого в бандитизме.²⁰⁵ Из заключений консультантов видно, что в ряде производств вообще нет ни одного постановления.²⁰⁶ Изучая конкретное дело и, главным образом, заключительное постановление, проверяя его соответствие ст.18 "Общей инструкции...", консультант давал замечания и делал выводы о достаточности собранного органом ЧК материала. Так, по мнению консультанта, в деле № 297 уполномоченным Донецкой губернской ЧК недостаточно выяснено участие обвиняемого Коржихина в ограблении кооператива,²⁰⁷ а в заключении главного секретаря контрольно-следственного отдела НКЮ по делу № 601 указаны следующие замечания: "а/ к делу следует приобщать показания и вещественные доказательства, лишь имеющие непосредственное отношение к данному делу, б/ оконченное следствием производство следует предъявлять для обозрения обвиняемым, о чем подлежит составлять соответствующий протокол... Необходимо указывать в деле причину затягивания следствия свыше месяца и причину перерыва следствия".²⁰⁸ Иногда, несмотря на обнаруженные в производстве грубые нарушения процессуальных норм, отсутствие важнейших по делу постановлений, консультанты все же делали положительный вывод о проведении дознания или предварительного следствия. В таких случаях обычно записывалось, что производство "является вполне удовлетворительным по существу в смысле выясненных данных дела, но в формальном отношении страдает отступлениями от "Общей инструкции..."²⁰⁹ Консультанты также

обращали внимание на качество оформления дел. Например, в заключении по делу № 58 записано: "...обращает на себя внимание небрежная группировка материалов... Листы дела плохо и небрежно сшиты. Не все листы пронумерованы".²¹⁰ Согласно заключению дело № 195 "содержит зачеркнутые места без соответствующих оговорок, так что смысл постановления неясен".²¹¹

Заключения консультантов просматривались заведующим контрольно-следственным отделом. Из его резолюций²¹² видно, что результаты деятельности консультантов обобщались и в органы ЧК посылались отношения и представления. Заведующий также следил, чтобы работа самого контрольно-следственного отдела была на должном уровне и при необходимости делал внушения своим подчиненным. Например, в § 3 приказа №1 от 11 июня 1921 г. он обращает внимание на то, что "консультанты, давая заключения по делам следствия, произведенным органами ЧК, совершенно не указывают дефекты предварительного следствия, ограничиваясь в своих заключениях отпиской о том, что следствие произведено ЧК и поэтому контролю не подлежит. Такое отношение к делу совершенно недопустимо. Необходимо помнить, что данные, добытые следствием, хотя бы проведенным и органами ЧК, ложатся в основу приговоров Народных Судов и Рев. Трибуналов и благодаря неправильно проведенному следствию, дела часто кассируются верховным Кассационным Трибуналом, что органы ЧК действуют также на основании декретов и распоряжений, заключающих в себе нормы процессуального права". В связи с этим заведующий просит консультантов "впредь тщательно отмечать все дефекты предварительного следствия и дознания независимо от того, кем таковые производились".²¹³

Бок о бок с контрольно-следственным отделом работал отдел Верховного судебного контроля НКЮ, следивший за правомерностью выносимых приговоров. Его надзорная деятельность распространялась и на органы ЧК. Так, 20 сентября и 18 ноября 1921 г. в ВУЧК были посланы два отношения,²¹⁴ в

которых обращалось внимание на необходимость указания в приговорах срока лишения свободы. В сообщениях Всеукраинской ЧК от 26 сентября и 24 ноября ²¹⁵ отмечалось, что подведомственные ей органы по поводу отношений отдела НКЮ поставлены в известность для принятия соответствующих мер.

Отдел Верхсудконтроля состоял из двух /гражданского и уголовного/ отделений. ²¹⁶ Копии приговоров и обвинительных актов поступали на просмотр консультантам уголовного отделения. Последние, решая вопрос об обоснованности данных документов, могли при необходимости затребовать для обозрения и другие материалы по конкретным делам. В отделе велась специальная книга, в которой отражалось:

- сколько в течение месяца поступило копий обвинительных заключений /в том числе составленных органами ЧК/ с копиями приговоров на них вынесенных ревтрибуналами;

- когда и какому консультанту даны копии приговоров и обвинительных актов на просмотр;

- когда возвращены из просмотра консультантом и с какой отметкой на приговоре;

- дальнейшее направление и распоряжения по просмотренным приговорам;

- № дела, к которому приобщалась копия приговора;

- количество рассмотренных консультантом приговоров в отчетном месяце и сколько к следующему месяцу осталось нерассмотренных. ²¹⁷

Заведующим уголовным отделением отдела Верхсудконтроля был Янский Саул Акимович. ²¹⁸ На этом посту он проявлял значительную активность. Например, 27 октября 1921 г. на заседании коллегии отдела Верховного судебного контроля им был поднят вопрос о содержании определений, составляемых консультантами по поступающим в отдел делам. Коллегия постановила, чтобы в определениях "помимо приводимых юридических

оснований и мотивов, кратко излагались обстоятельства дела".²¹⁹ В материалах фонда 8 /НКЮ УССР/ Центрального Государственного Архива высших органов власти и управления Украины можно обнаружить не один подобный пример.

Таким образом, надзор за ЧК по линии Наркомюста в центре был сосредоточен в контрольно-следственном отделе /наблюдение за следствием и дознанием/ и отделе Верховного судебного контроля /проверка обоснованности обвинительных заключений и приговоров/, а на местах проводился, главным образом, контрольно-следственными подотделами юридических отделов исполкомов. Если отделы НКЮ к 1922 г. наработали определенные формы надзора, то надзор местных органов юстиции в большинстве случаев находился на низком уровне. О его плачевном состоянии в губерниях и уездах говорят в дополнение к уже сказанному годовые, квартальные и ежемесячные доклады /отчеты/ губюстов.²²⁰ Как правило, в докладах ничего не говорится о надзоре за органами ЧК, либо он подавался вместе с данными о надзоре за всеми органами, производившими дознание и предварительное следствие.

6.3 Надзор за законностью содержания под стражей лиц, числящихся за ЧК

Арестованные чрезвычайными комиссиями лица содержались при самих органах ЧК /например, в следственной тюрьме при комендатуре/, при ревтрибуналах или допрах.²²¹ Кроме того, по постановлению органов ЧК осуществлялись заключения в лагеря принудительных работ,²²² образованные в системе ВУЧК и переданные затем в ведение НКВД.²²³ Нередки были случаи помещения в лагеря /из-за загруженности других мест/ подследственных по делам, находившимся в производстве ЧК.

Надзор за законностью содержания заключенных под стражей Наркомюст осуществлял при помощи своего тюремно-карательного отдела /ЦТКО/, созданного в соответствии с положением о НКЮ 1919 г,²²⁴ и через тюремно-

карательные подотделы местных органов юстиции. На 1-ом Всеукраинском съезде работников губернских и уездных тюремно-карательных подотделов и мест лишения свободы, состоявшемся в Киеве в июне 1919 г., было принято решение о переименовании тюремно-карательного отдела НКЮ в исправительно-карательный. 8 июля Коллегия НКЮ своим постановлением утвердила это решение.²²⁵ Однако, новая терминология не закрепились на практике, а с апреля 1920 г. ЦТКО НКЮ УССР стал именоваться Центральным карательным отделом /ЦЕКО/, а местные тюремно-карательные подотделы - губернскими и уездными карательными подотделами /губкаротами и укаротами/.²²⁶ Данные названия были зафиксированы 28 июня 1920 г. в положении НКЮ "О Центральном и местных карательных отделах НКЮ УССР".²²⁷

Осуществляя надзор, указанные выше органы руководствовались декретом СНК УССР от 1 марта 1919 г. "Об упорядочении производства дел о лицах, содержащихся под стражей". В соответствии с декретом все учреждения и должностные лица, производящие аресты, обязаны были "в течение 24 часов с момента ареста передавать дела о задержанных лицах подлежащим органам дознания и следствия", в частности ЧК, и в течение того же срока "посылать уведомление об этом местному... юридическому отделу совдепа или исполкома, с обозначением: а/ имени, отчества и фамилии арестованного; б/ № дела, по которому данное лицо подвергнуто задержанию и причины ареста; в/ места заключения". Кроме того предписывалось "без малейшего замедления давать Народному Комиссару юстиции и соответствующим юридическим отделам исчерпывающие справки по делам всех задержанных лиц". Неисполнение данных правил расценивалось как должностное преступление и влекло за собой предание виновных суду ревтрибунала.²²⁸

Декрет СНК от 1 марта 1919 г. через Бюро печати Украины был разослан для сведения на места²²⁹ и получил развитие в ряде нормативных актов НКЮ

УССР. Так, циркуляром от 2 марта 1919 г. "О наблюдении за исполнением декрета "Об упорядочении производства дел о лицах, содержащихся под стражей" предлагалось всем юротделам губисполкомов неуклонно применять правовые нормы о предании суду ревтрибунала лиц, виновных в нарушении законности при производстве арестов.²³⁰ Кроме того, при судебных подотделах губисполкомов были созданы "ревизионно-контрольные столы", которые обязаны были вести точный список всех арестованных и содержащихся под стражей. С их помощью юридические отделы исполкомов должны были следить за исполнением декрета от 1 марта 1919 г. и докладывать о случаях нарушения законности Наркомюсту.²³¹

Заведующие отделами юстиции имели право посещать все без исключения места, где находились арестованные и проводить опрос всех содержащихся под стражей, за кем бы они не числились.²³² Согласно циркуляру № 57 за 1920 г. заведующий ЦЕКО, его заместители, члены Коллегии НКЮ /по всей территории Украины/, заведующие губюстами и губернскими карательными отделами, их заместители, члены коллегий губюстов /в пределах губернии/ пользовались "правом свободного входа в допры во всякое время при предъявлении лишь одних своих служебных удостоверений", а все остальные работники юстиции "только по предъявлению письменных разрешений по установленной форме от губернских и уездных каротов, либо от ЦЕКО".²³³

Представители НКЮ и юротделов обследовали места заключения как единолично, так и в составе различных комиссий. Так, приказом Наркомюста от 10 апреля 1919 г. во всех губерниях были созданы комиссии из представителей губюротдела, тюремно-карательного отдела, особого следователя и представителя губкома партии.²³⁴ Приказ НКЮ № 10 от 3 апреля 1920 г. предписывал всем губюротделам образовывать комиссии по проверке мест заключения.²³⁵ Циркуляром №2 от 29 января 1922 г. на губюсты возлагалась

обязанность ежемесячных обследований мест заключения между 1 и 7 числом каждого месяца с обязательным представлением актов этих обследований в НКЮ. Для этого предписывалось организовывать комиссии из представителей различных ведомств.²³⁶

О выявленных на местах нарушениях сообщалось в Центральный карательный отдел НКЮ, который принимал соответствующие меры. Так, в отношении от 9 мая 1921 г. № 123/797 в ВУЧК указывалось, что особыми отделами, губернскими и уездными ЧК при помещении подследственных в дома принудительных работ /допры/ даются словесные запрещения о привлечении данной категории заключенных к хозяйственной работе. В связи с этим ЦЕКО НКЮ просит ВУЧК сделать распоряжение подведомственным органам, чтобы они при направлении заключенных в допры в своих постановлениях обязательно делали указания, что к такому-то заключенному должен быть применен особый тюремный режим.²³⁷

Частые случаи избиения работниками ЧК подследственных и другие нарушения вызвали к жизни ряд нормативных актов. В циркулярах НКЮ № 2 от 9 апреля 1919 г. и №1 от 24 марта 1920 г. обращалось внимание на недопустимость побоев, взяточничества, брани и прочих злоупотреблений. Виновные в противозаконных деяниях согласно этим циркулярам должны были привлекаться к суду ревтрибунала.²³⁸ Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины в опубликованном в мае 1920 г. сообщении "К сведению всех граждан" доводило до общего сведения, что сотрудники ЧК в случае жестокого обращения с заключенными, хотя бы и известными преступниками, как дискредитирующие Советскую власть, будут предаваться "суду по всей строгости революционных законов с применением к ним самой суровой кары, не останавливаясь перед расстрелом" в таких защитниках Советская власть не нуждается.²³⁹

Несмотря на принимаемые меры, нарушения законности со стороны

органов ЧК носили массовый характер, причем часто это было связано с отсутствием надлежащего надзора со стороны органов юстиции. Так, со слов особого народного следователя Осипова, сотрудники Нежинского политбюро жестоко избивали подсудимых. Привлечь виновных к ответственности ему не удавалось потому, что "представители уюта боятся составлять протоколы об избиениях, посещая допры, где часто застают избитых. Страх представителей уюта перед политбюро так велик, что они даже боятся принимать заявления об избиениях заключенных".²⁴⁰

Если говорить в общем, то все сделанные выше выводы о состоянии надзора контрольно-следственных подотделов за следствием и дознанием, будут применимы и к деятельности органов юстиции по наблюдению за законностью содержания лиц под стражей. Значительно лучше обстояло дело со статистикой. В местах заключения велись списки, ведомости о числе, составе и движении заключенных.²⁴¹ Эти сведения поступали в карательные подотделы и вместе с результатами обследований отражались в отчетах, направляемых в ЦЕКО. Так, например, в кратком отчете о деятельности Одесского губернского карательного отдела сообщается, что на 1 ноября 1920 г. в Одесском доме № 1 принудительных работ находилось 950 подсудимых /из которых за ЧК числилось 705/, а в Тираспольском допре № 1 - 166 /за ЧК –152/.²⁴²

Порядок обследования мест заключения и направления сведений о заключенных подсудимых был изменен с учреждением прокуратуры.²⁴³

6.4 Роль съездов работников юстиции в организации надзора за органами ЧК

Надзор за органами ЧК обсуждался на съездах работников юстиции. Здесь происходил обмен опытом, оценивалось состояние взаимоотношений между органами юстиции и ЧК, выявлялись нарушения законности, разрабатывались меры по их устранению. Постановления губернских съездов обсуждались на

коллегиях губюротделов и если это входило в их компетенцию, коллегии принимали по ним решения, обязательные для подведомственных органов. Если вопрос выходил за пределы компетенции губернского юридического отдела, он обращался в Наркомюст. Решения губернских съездов, санкционированные НКЮ УССР, подлежали исполнению.²⁴⁴

Примером могут служить материалы 3-го губернского съезда работников юстиции Черниговщины, проходившего с 1 по 9 октября 1921г.²⁴⁵ На съезде были заслушаны доклады с мест. Так, заведующий Глуховским уездным отделом юстиции Кирия сообщил, что местное политбюро вмешивается в дела органов юстиции, не извещает отдел об арестах, держит арестованных у себя в погребе по две недели.²⁴⁶ Заведующий отделом юстиции Шостенского уезда Тарасова-Родионова отмечала, что "политбюро занимается не тем, чем ему надлежит заниматься".²⁴⁷ Докладчик по Сосницкому уезду Гершинский, характеризуя деятельность уездного политбюро, сообщил, что информатор политбюро Непомнящий, осужденный не так давно выездной сессией ревтрибунала за бандитизм, производил незаконные аресты, обыски и избиения, мстя местным гражданам, с которыми сводил счеты. Исполком постановил Непомнящего арестовать и обратился к населению с воззванием о даче сведений о незаконных действиях Непомнящего.²⁴⁸ Сообщения с мест были обобщены в докладе Мачерета "Об отношениях органов юстиции и административных органов", в котором он констатировал "безотрадную картину ненормальных отношений" с органами ЧК.²⁴⁹

Подобная ситуация складывалась и в других губерниях. Так, председатель Дебальцевского уездного отдела юстиции, выступая на съезде работников юстиции Донецкой губернии /13-14 января 1922 г./, обратил внимание на вмешательство органов ЧК в деятельность народных судов и привел пример, как органами политбюро без ведома отдела юстиции был произведен обыск в камере особой сессии, а сама камера была опечатана.²⁵⁰ Как видно из

сообщений с мест, случаи вмешательства ЧК в деятельность следственных и судебных органов носили массовый характер, несмотря на предписания ВУЧК и НКЮ УССР, в частности на циркуляр Наркомюста № 72/14 от 26 апреля 1921 г.

²⁵¹ Циркуляр распространял на территорию Украины действие приказа Всероссийской ЧК от 12 января 1921 г., в котором разъяснялось, что "органы ВЧК права контроля над нарсудами не имеют и поэтому никакое вмешательство с их стороны в ведомства нарсуда не должны иметь места. Впредь всякие вопросы о передаче в ВЧК дел, находящихся в производстве нарсуда, и высылке ЧК копий приговоров и т.п. - направлять непосредственно не в нарсуд, а в инстанции, руководящие и контролирующие нарсуд, т.е. совнарсуд, губотюст и только в крайнем случае в уездотюст..." ²⁵²

Надзор органов юстиции не мог быть эффективным во многом из-за их бедственного положения и недостатка нормативной базы. Об этом говорилось в резолюции съезда работников юстиции Донецкой губернии. Съезд постановил "требовать от Всеукраинского съезда и Наркомюста издания соответствующих декретов через ВУЦИК: 1/ действительно обеспечивающих за органами юстиции соответствующий авторитет и значение с признанием за ними полной независимости от административных органов; 2/ безусловно улучшающих материальное положение работников юстиции и их семей путем снабжения продовольствием и деньгами..; 3/ усиливающих снабжение органов юстиции как финансовыми, так и материальными средствами... 5/ об ясном, точном и вполне определенном разграничении функций между судебными органами и административными органами с судебными функциями, а также предоставление органам юстиции права действительного надзора..." Проведение этого постановления съезд считал обязательным, "т.к. в противном случае органы юстиции останутся в таком же загоне, в каком они были до сих пор, а существование в дальнейшем такого положения работников юстиции невозможно и грозит или полнейшим физическим упадком и бегством даже

ответственных работников юстиции, или развитием должностных преступлений с их стороны и полнейшим упадком авторитета Красного права".²⁵³

Накануне 1-го Всеукраинского съезда работников юстиции была разработана анкета для губернских отделов, в п.15 которой губюсты должны были изложить свои взаимоотношения с губернскими ЧК. Ответы на данный вопрос носили, как правило, негативный характер.²⁵⁴ В анкете губюсты также указывали количество домов принудительных работ и концлагерей в губернии /п.16/, количество штатных мест и заключенных /осужденных и подследственных/, сколько лиц числится за ЧК /п.17/. В качестве примера можно привести данные по Одесской губернии на 10 января 1922 г.:

Название места заключения	Кол-во штатных мест	Кол-во осужденных заключенных	Кол-во подследственных заключенных	Кол-во подследственных заключенных, числящихся за ЧК
1	2	3	4	5
Лагерь в Одессе	800	931		
1	2	3	4	5
Допры:				
1.Одесский	1049	192	569	140
2.Ананьевский	150	59	76	12
3.Балтский	150	57	107	18
4.Вознесенский	73	69	83	13
5.Первомайский	100	40	236	106
6.Тираспольский	58	87	221	102

Из таблицы видно, что места заключения были переполнены, большое число подследственных числилось за ЧК. Они содержались длительные сроки, в антисанитарных условиях.²⁵⁵

В анкетах губюсты также обязаны были указать на характер взаимоотношений органов ЧК с трибуналами /п.59/ и народными судами /п.42/, отразить состояние дел в камерах при губернских ЧК.²⁵⁶ Так, Одесский губюст сообщает, что "камеры при губчека открыты только в декабре и посему сведения о движении дел в означенных камерах пока чрезвычайно скудны. В камере № 1 разработано четыре дела, осталось неразработанным одно дело". У губревтрибунала контакта с органами ЧК нет: "наблюдается нежелание ЧК отвечать на запросы трибунала, что зачастую тормозит производство следственных действий и т.д."²⁵⁷

Данные анкет были обобщены и использованы как фактический материал в работе Всеукраинского съезда деятелей юстиции /19-21 января 1922 г./ Съезд принял решение об упразднении отделов юстиции. Надзор за органами ЧК, которые в свою очередь подлежали реорганизации, переходил к прокуратуре.²⁵⁸

Выводы

1. Деятельность большевистских органов безопасности и контроль за ними в 1918-1922 гг. осуществлялись в рамках коммунистической доктрины. Коммунисты сознательно шли на установление диктатуры пролетариата на словах, а на деле - диктатуры партии, опирающейся на насилие, необходимое для уничтожения политических противников. С этой целью была создана целая сеть чрезвычайных органов, а контроль за ними представлял собой, прежде всего, проверку реализации карательной политики правящей партии. То же самое обозначилось и в советском законодательстве, закрепившем широкие права ЧК и определившем формы контроля за ними.

2. В зависимости от ситуации на чрезвычайные комиссии возлагались различные функции; органа дознания и следствия, органа, наделенного правом привлекать к административной ответственности, судебного учреждения, боевого органа, который военной силой подавлял выступления против Советской власти. При этом ЧК всегда оставались партийными органами. Государственному контролю за ними предшествовал партийный контроль, который был возможен благодаря целенаправленной кадровой политике и

осуществлялся контрольными комиссиями /коллегиями/, создаваемыми при чекистских органах, а также в форме отчетов руководящих работников ЧК и аттестаций всего личного состава чрезвычайных комиссий. Контроль партии тесно переплетался с внутренним контролем в органах ЧК, который после ликвидации контрольных комиссий по окончании гражданской войны сосредоточился в коллегиях и инструкторских отделах ЧК.

3. ВУЧК была подотчетна и подконтрольна высшим органам Советской власти на Украине - ВУЦИК и Совнаркому УССР. Государственный контроль и надзор за деятельностью ЧК в установленном законом порядке осуществляли также Наркомюст, НКВД, народные комиссариаты Госконтроля и Социалистической советской инспекции. Административная инспекция РКИ, трибуналы. Работу особых отделов в армии и на флоте контролировали реввоенсоветы и реввоентрибуналы.

4. Центральное место среди государственных органов в вопросе надзора за ЧК занимал Народный комиссариат юстиции. По линии НКЮ надзор за чрезвычайными комиссиями в центре был сконцентрирован в контрольно-следственном отделе /наблюдение за следствием и дознанием/, тюремно-карательном отделе /надзор за законностью содержания под стражей/ и в отделе верховного судебного контроля /проверка обоснованности обвинительных заключений и приговоров/, а на местах проводился контрольно-следственными и тюремно-карательными подотделами юридических отделов исполкомов.

5. Множественность органов, осуществлявших контроль и надзор за ЧК, объясняется тем, что в условиях переходного периода от одного государственного устройства к другому, старая система контроля была разрушена, а новая еще не сложилась. Поэтому контрольная функция была распределена между различными государственными органами. Параллельно шел поиск наиболее эффективных форм обеспечения новой "социалистической"

законности, в том числе и в деятельности чрезвычайных комиссий.

6. Становление государственного контроля за ЧК сталкивалось с целым рядом трудностей. К ним относились: несовершенство нормативной базы, материальная необеспеченность контрольных органов, противодействие со стороны отдельных руководящих работников ЧК и т.д. Следует также учитывать, что в чрезвычайные комиссии, кроме людей, верящих в идею, часто попадали те, кого прельщали власть и выгоды, связанные с особыми полномочиями ЧК. Данное обстоятельство являлось питательной почвой для различных нарушений и преступлений, бороться с которыми государственные органы зачастую не успевали. Недостатки государственного контроля восполнялись контролем партии. Во всех спорных случаях и конфликтах высшей инстанцией являлись партийные органы.

7. Если в ряде мест работа по контролю была парализована из-за страха перед ЧК и сведена к нулю, то в центре она проводилась регулярно и к концу исследуемого периода там были наработаны устойчивые формы контроля и надзора. Некоторые из них в измененном виде в дальнейшем были взяты на вооружение 4-м подотделом Прокуратуры УССР при надзоре за Госполитуправлением. Так, заключения консультантов Контрольно-следственного отдела Наркомюста явились прообразом наблюдательных производств, а опыт тюремно-карательного отдела НКЮ по учету заключенных был использован при ведении контрольных книг, в которых отражалось движение арестованных, числящихся за ГПУ и т.д.

ГЛАВА 2

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОРГАНЫ ГПУ В 1922-нач.1929 гг.

§ 1 Переход к нэпу и проблемы правового регулирования.Реорганизация ВУЧК в ГПУ УССР

В советской исторической науке долгое время преобладал взгляд, что, в отличие от вынужденной политики "военного коммунизма", нэп явился закономерным этапом в развитии теории и практики социализма, а пути подхода к новой экономической политике были разработаны В.И. Лениным еще в 1918 г. В некоторых исследованиях последних лет высказывается противоположная точка зрения. Так, Л.П. Рассказов, исследуя эволюцию взглядов большевистского руководства, приходит к следующим выводам: "1. Ленин никогда не отрекался от марксистского варианта социализма и нэп рассматривал как временное отступление. 2. Процесс осознания перехода от штурмового метода "введения социализма" к новой экономической политике был нелегким для Ленина. И во многом нэп был введен не благодаря Ленину, а вопреки ему".¹

Действительно, нэп не был "гениальным изобретением" В.И Ленина или Л.Д. Троцкого. Кронштадт и Тамбов, неухающая крестьянская война на Украине против "военного коммунизма" и политического насилия заставили большевиков пойти на уступки, ввести начала экономической свободы и законности. Сам В.И. Ленин по утверждению его секретарей Гляссер и Фотиевой в частной беседе говорил: "Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по шучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой

экономике, к капитализму как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили ли бы мы власть в этой всероссийской мясорубке".²

В виду наметившегося движения к рыночному обществу становилась очевидной бессмысленность гражданской войны; надо было возвращаться к тому, ради ликвидации чего были убиты миллионы людей, разорена страна, изгнана или истреблена интеллигенция. Все эти жертвы еще можно было бы "признать" неизбежной платой за свержение царизма и ликвидацию феодального аграрного строя, если бы не одно обстоятельство: за время с 1917 по 1921 гг. в стране сформировался особый социальный феномен - аппарат военно-политической и хозяйственной диктатуры, огромный монстр числом свыше 10 миллионов партийных и государственных чиновников, существование которых могло оправдываться только господством государственной собственности и агрессивным политическим курсом на "мировую революцию".

Существование этого бюрократического Левиафана противоречило принципам нэпа. Рыночное хозяйство не нуждалось в партийном диктате и громоздком государственном аппарате, для самого же аппарата устойчивые рыночные отношения были смертельны. Конфликт между нэпом и "советской" политической системой был неизбежен, но он был еще впереди. Режим нуждался в передышке. Это понимали очень многие партийные и государственные деятели, которые в большинстве своем смотрели на нэп как на печальную необходимость. В этой связи представляет интерес выступление С.А. Янского на 1-ом Всеукраинском съезде работников юстиции в январе 1922 г. С.А. Янский, возглавивший позднее в 1923 г. прокурорский надзор за Госполитуправлением, призвал тогда делегатов съезда к выдержке: "В то время,

как в основных моментах партии, в ее самых элементарных истинах лежит целый ряд противоречий с теми формами, в которые выливается наша экономическая политика, мы должны набраться революционного хладнокровия, чтобы проводить иногда противоречащие нашим основным принципам положения, если это в интересах исторической роли пролетариата по его пути к социализму..."³

Шагать, даже временно, к рыночному обществу было невозможно без ограничения карательной и усиления контрольной функции государства. Применительно к органам госбезопасности эта потребность выражалась: 1/ в изменении структуры и сокращении штата этих органов; 2/ в ограничении их деятельности только борьбой с политическими преступлениями; 3/ в отказе от внесудебной репрессии; 4/ в организации эффективного контроля за их деятельностью. Старая система репрессивных мер, предусматривавшая право ЧК выносить внесудебные приговоры, высылать в административном порядке подозрительных лиц, а в определенных случаях брать и расстреливать заложников и т.д., шла бы вразрез с задачами нэпа. Функция "подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов" должна была уступить место экономическим преобразованиям.

В приказе "О карательной политике органов ЧК" от 8 января 1921 г. Ф.Э. Дзержинский отмечал: "Острый период гражданской войны закончился, но осталось тяжелое наследие - переполненные тюрьмы, где сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуи. Надо покончить с этим наследием, разгрузить тюрьмы и зорко смотреть, чтобы в них попадали только те, кто действительно опасен советской власти..."⁴ По признанию ответственного работника НКЮ УССР Фалькевича к началу 1922 г. в домах принудительных работ и концлагерях буржуазии и "белогвардейщины" практически уже не было. Там "прибывали на 98, а может быть и на все 100% рабочие и крестьяне", а "принципы нашей карательной политики до сих пор не изменились".⁵

Согласно статистическим данным Наркомюста среди осужденных ревтрибуналами в УССР в 1921 г. за бандитизм 67,2% составляли "хлебопашцы", "кулаки".⁶

Такая статистика еще раз подтверждает, что главной причиной перехода к нэпу было ожесточенное сопротивление крестьянства большевистской политике в деревне. Если в годы гражданской войны большая часть крестьян терпела продразверстку и даже поддерживала большевиков, выбирая из двух зол /"белые" и "красные"/ меньшее, то после войны ситуация изменилась. Недовольство политикой "военного коммунизма" выливалось в многочисленные крестьянские восстания, справляться с которыми репрессивно-карательная машина большевиков просто не успевала. Коммунисты были вынуждены встать на путь согласования своих задач с интересами крестьянства, совмещая "революционную законность" с потребностями экономической жизни.

Начавшиеся преобразования затронули не только сельское хозяйство, но и весь спектр экономики. Нэп предполагал: 1/ признание закона стоимости и товаро-денежных отношений, подчиненных плану /замена продразверстки продналогом, разрешение торговли, восстановление принципа оплаты по труду, хозяйственного расчета на предприятиях и т.д./; 2/ признание в определенной степени плюрализма собственности /сдача концессий по договору, госкапитализм, сдача в аренду земли, частная собственность/; 3/ допущение использования наемной рабочей силы под контролем государства; 4/ признание кооперации социалистическим укладом; 5/ возложение на государство предпринимательских и коммерческих функций и т.д.

Реализация новой экономической политики нуждалась в нормативном обеспечении в первую очередь гражданско-правовой сферы. Однако, осуществление имущественных прав граждан и юридических лиц могло быть парализовано нарушением личных неимущественных прав, действием старых

принципов судопроизводства, непродуманной карательной политикой. Необходимость согласования отраслей права, обилие нормативных актов, часто идущих вразрез с нэпом, требовали кодификации всего советского законодательства.

В качестве основы в процессе кодификационной работы на Украине использовались соответствующие кодексы РСФСР. Постановлением Всеукраинского ЦИК от 23 августа 1922 г. "О введении в действие Уголовного кодекса УССР" был принят и введен в действие с 15 сентября 1922 г. УК УССР.⁷ Аналогичным постановлением ВУЦИК от 13 сентября 1922 г. был принят и введен в действие с 20 сентября 1922 г. УПК УССР.⁸ Вслед за этим принимаются кодексы законов о народном просвещении⁹ и о труде,¹⁰ земельный¹¹ и гражданский¹² кодексы. С 1 октября 1924 г. начал действовать ГПК УССР,¹³ а 15 ноября 1925 г. на свет появился ИТК УССР.¹⁴

Кодификация, вызванная к жизни новой экономической политикой, означала, что постепенно формируется правовая система, "претендующая на законченность и полноту",¹⁵ а "революционное правосознание" перестает быть основным источником права.

Параллельно с радикальными изменениями в правовой сфере происходила реорганизация всего государственного аппарата. Нэп требовал усиления контрольной функции государства и ограничения карательно-репрессивной. В 1920 - нач.1922 гг. ревизируются все тюрьмы, производятся амнистии.¹⁶ 30 января 1922 г. СНК УССР принял постановление "Об упразднении концлагерей", часть заключенных освобождалась, а остальные - препровождались в дома принудительных работ. С этой целью в губерниях создавались особые комиссии по освобождению из концлагерей, куда входили представители различных ведомств, в том числе от губернских ЧК.¹⁷ В самих ЧК к марту 1922 г. происходит значительное сокращение штатов. Аппарат некоторых губернских ЧК /Киевской, Харьковской, Одесской, Николаевской/

был урезан с 2 000 до 400-300 человек.¹⁸

Подготовка к сокращению началась еще в декабре 1921 г., когда местным ЧК было предложено произвести тщательный пересмотр личного состава и уволить 30% сотрудников из числа наименее способных и непригодных к работе в чрезвычайных органах. В январе и феврале 1922 г. сокращение штатов продолжалось и к марту в составе Всеукраинской ЧК из 34 000 сотрудников /только "гласных"/ было оставлено 18 000 /вместе с секретными/.¹⁹

Количественные изменения в органах ЧК сочетались с пересмотром их задач. Программа деятельности чекистских органов в мирных условиях обсуждалась уже в феврале 1920 г. на IV конференции чрезвычайных комиссий. Выступая перед чекистами В.И. Ленин призвал их тогда "учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий", концентрируя внимание "на бескровном фронте труда".²⁰ В приказе ВЧК "О карательной политике органов ЧК" от 8 января 1921 г., отмечалось, что "старыми методами, массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившемся положении чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных".²¹ В одном из выступлений М.И. Калинин подчеркнул, что нэп требует новых методов обеспечения законности. По его мнению, необходимо было пересмотреть полномочия ЧК, каждый человек должен был знать, что "если он подвергается репрессии,.. то ему гарантируются определенные процессуальные формы".²² Подобные высказывания допускали партийные и государственные деятели различных уровней, а вопрос о реорганизации ЧК, корректировке их правового положения стал предметом обсуждения в периодической печати.

Предлагалось несколько вариантов реформирования чекистских органов. Современный исследователь И.Б. Усенко выделяет три основных: 1/ коллегия ВЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским, которую поддерживал Нарком юстиции

РСФСР Д.И. Курский, предлагала умеренные изменения, когда в компетенции ВЧК оставались бы дела о должностных преступлениях и крупных хищениях; 2/ заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт выступил с идеей ограничить деятельность ВЧК борьбой с контрреволюцией, но оставить старое название и карательные функции; 3/ Л.Б. Каменев внес предложение разгрузить ЧК, оставив за ними дела о политических преступлениях, шпионаже, бандитизме, охране дорог и складов, а остальное передать органам юстиции.²³

29 ноября 1921 г. В.И. Ленин в записке Л.Б. Каменеву поддержал его взгляд на будущее ЧК и предложил перенести рассмотрение вопроса в Политбюро ЦК РКП/б/.²⁴ Через день состоялось заседание Политбюро, на котором была создана комиссия в составе Д.И. Курского, Л.Б. Каменева и Ф.Э. Дзержинского для обсуждения деталей реорганизации ВЧК. В директивах комиссии значилось: "а/ сузить компетенцию ВЧК, б/ сузить право ареста, в/ назначить месячный срок для общего проведения дел, г/ суды усилить, д/ обсудить вопрос об изменении названия, е/ подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений".²⁵

На состоявшейся в декабре 1921 г. XI-ой Всероссийской конференции РКП/б/ была принята резолюция "О революционной законности", в которой говорилось, что "очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности... Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована".²⁶ В п.III резолюции 4-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции "О следствии" указывалось, что административные следственные аппараты для ведения следствия по общеуголовным делам при ЧК, а также при уголовном розыске и других административных органах должны быть ликвидированы, а их функции должны перейти к нормальным следственным органам, состоящим при суде и подчиненным надзору нового органа - прокуратуре.²⁷

23 декабря 1921 г. В.И. Ленин, выступая перед делегатами IX Всероссийского съезда Советов, предложил ограничить деятельность ЧК чисто политической сферой. 28 декабря съезд принял решение "сузить круг деятельности ВЧК и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов... на судебные органы" и поручил Президиуму ВЦИК "в кратчайший срок пересмотреть положение о ВЧК и ее органах в направлении их реорганизации, суждения их компетенции и усиления начал революционной законности".²⁹

После осуществления подготовительной работы ВЦИК декретом от 6 февраля 1922 г. упразднил ВЧК. Функции органов безопасности в измененном виде были возложены на созданное при НКВД РСФСР Государственное политическое управление /ГПУ/.³⁰

Реорганизация украинских органов госбезопасности происходила таким же образом, как и в РСФСР. Это было связано с единой партийной политикой. Все основополагающие решения, связанные с изменением государственно-правовой жизни, выработывались в ЦК РКП/б/ и его Политбюро. Они являлись обязательными для ЦК КП/б/У и партийных комитетов на местах. Принятию решения могло сопутствовать обсуждение в заинтересованных государственных структурах, а окончательная законодательная форма определялась высшими органами власти РСФСР и УССР.

19-21 февраля 1922 г. в Харькове состоялся 1-ый Всеукраинский съезд работников юстиции, на котором получило поддержку постановление IX съезда Советов "О ВЧК". Среди делегатов развернулась дискуссия / не выходящая в принципе за рамки партийных директив/ о путях реформирования украинских ЧК. Выступающий А. Малицкий обратил внимание на необходимость четкого определения компетенции ЧК, т.к. "до сих пор чека, розыск, трибуналы, нарсуды, губюсты были кучей правосудия, где никто не знал, какие имеют права и какие права других и обязанности".³¹ Ответственный работник НКЮ УССР Е.Г. Ширвиндт высказал мнение, что ЧК, оставаясь органами борьбы с

контрреволюцией, должны сохранить за собой право административного дознания относительно тех лиц, "которые не требуют в отношении к ним передачи их судебным органам, но по своему способу действий являются элементами, опасными для совреспублики".³² Он также не исключил еще на некоторое время сохранения за ЧК судебной функции, а при открытых контрреволюционных выступлениях - превращения ЧК в "боевой орган революции".³³ Итог выступлениям подвел в своем докладе С.А. Янский, предложив изъять из ЧК те преступления, которые могут быть рассмотрены в судебном порядке, а все внимание органов ЧК сосредоточить на преступлениях, непосредственно угрожающих Советской власти. Он заметил, что преимущество постановления IX съезда Советов в том, что "мы идем по линии учинения правильного, нормального правосудия" и одновременно "по линии усиления чрезвычайных расправ в других областях".³⁴ "Это не значит упразднить ЧК, - подчеркнул С.А. Янский, - это значит, что мы должны сосредоточить все внимание ЧК на... преступлениях, исключительно оговоренных в специальных постановлениях или декретах Совнаркома, контрреволюции, восстаниях с оружием в руках, шпионаже, бандитизме, который имеет для нас украинцев политическое значение... Все остальные преступления без исключения изымаются из деятельности ЧК, это значит, что ни розыск, ни следствие, ни судебное разбирательство по этому поводу в ЧК быть не смогут".

35

13 и 15 февраля 1922 г. на заседаниях Политбюро ЦК КП/б/У рассматривался вопрос о реорганизации Всеукраинской ЧК. С докладом выступил председатель ВУЧК В.Н. Манцев. Было решено разработать проект документа, взяв за основу декрет ВЦИК РСФСР от 6 февраля 1922 г.³⁶ Проект был заслушан на очередном заседании Политбюро 10 марта. В.Н. Манцеву, Н.А. Скрыпнику и М.К. Ветошкину поручили в 3-х дневный срок его доработать. Окончательный вариант декрета был одобрен 17 марта 1922 г.,³⁷ а

22 марта ВУЦИК придал ему силу закона.³⁸

Таким образом, реорганизация ЧК в ГПУ явилась частью партийной политики по ограничению карательно-репрессивной деятельности государства в условиях перехода от военных действий к мирному хозяйственному строительству. С другой стороны, перестройка экономики требовала от советского государства усиления его контрольной функции. Эта функция в первые годы существования Советской власти была рассеяна среди ряда государственных органов,³⁹ взаимоотношения между которыми часто были не определены, а все недоразумения разрешались на партийном уровне. Организация эффективного государственного надзора за соблюдением законности, в том числе и в деятельности органов госбезопасности, нуждалась в концентрации надзорной функции в едином органе. Таким органом явилась советская прокуратура. Институт прокуратуры, возникший в Российской империи 12 января 1722 г.,⁴⁰ был упразднен большевиками декретом о суде № 1 от 14 ноября 1917 г.⁴¹ /на Украине - постановлением Народного Секретариата "О введении народного суда" от 4 января 1918 г.⁴²/ и снова обрел жизнь в 1922 г. уже для защиты новых советских законов.

В конце 1921 г. по поручению СНК РСФСР Наркомюст разработал первый проект декрета об учреждении прокуратуры, который был опубликован в начале 1922 г.⁴³ Проект широко обсуждался в печати и на съездах деятелей юстиции.

21 января 1922 г. 1-й Всеукраинский съезд работников юстиции принял решение об упразднении отделов юстиции и передаче их функций судам и прокуратуре. В докладе "О прокуратуре" Е.Г. Ширвиндт подчеркнул: "...прокуратуру мы выдвигаем как способ для проведения той революционной законности, которая выходит сейчас на очередь дня".⁴⁴ А. Малицкий заметил, что несмотря на сужение компетенции ЧК, известная часть преступлений остается в руках этих органов и, следовательно, создаваемая прокуратура

должна распространять на них свой надзор, "имея при этом своей целью исправление нарушений законности, направление незаконных актов в рамки закона".⁴⁵ По мнению С. А. Янского "установление четких подсудностей ЧК и подчинение ЧК в области надзора прокуратуре является актом революционной законности на местах..."⁴⁶

Вопрос о создании прокуратуры обсуждался по докладу Н.В. Крыленко на 1V Всероссийском съезде работников юстиции, состоявшемся 26-30 января 1922 г. в Москве. Нарком юстиции Д.И. Курский, выступая на съезде сказал, что "прокуратура будет учреждена как орган непосредственно проводящий революционную законность, наблюдающий, контролирующий и, что еще важнее, как орган, концентрирующий в своих руках организацию следствия, наблюдающий за розыском... Создание такого органа поможет нам взять в свои руки следственные органы и следственное производство".⁴⁷ В этом смысле надзорная деятельность должна была распространяться и на органы безопасности, поскольку их реорганизация из ЧК в ГПУ предполагала сохранение за ними в определенных случаях функции дознания и следствия. Однако, эффективность такого надзора и даже его возможность некоторыми авторами в то время ставились под сомнение. Например, А. Эстрин в статье "Губотюст и органы борьбы с преступностью" писал, что "следствие в чека слито теснейшим образом с розыском и это, естественно, делает контроль иллюзорным", т.к. работа розыскного аппарата ЧК, в частности секретное наблюдение, "не может быть поставлена под наблюдение каких-либо органов".⁴⁸

Надзор прокуратуры за органами ГПУ был закреплен в положениях о прокурорском надзоре, которые были приняты 23 мая 1922г. в РСФСР⁴⁹ и 28 июня 1922 г. в УССР,⁵⁰ а также в уголовно-процессуальных кодексах этих республик.⁵¹ Образованный в составе НКЮ УССР Отдел прокуратуры возглавил нарком юстиции Н.А. Скрыпник. Его предыдущая деятельность

имела прямое отношение к работе органов госбезопасности /член Коллегии ВЧК и заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией, начальник Особого отдела юго-восточного фронта/ и контролю за их деятельностью / нарком Госконтроля и Рабоче-крестьянской инспекции в правительстве Украины/.⁵² Н.А. Скрыпник имел большой вес среди партийной, элиты и отличался самостоятельным подходом к политическим проблемам. Являясь идейным коммунистом, он одновременно во всех вопросах государственного строительства последовательно отстаивал интересы Украины.⁵³ Уже сам факт назначения его прокурором УССР говорит о том, какое значительное место отводило большевистское руководство прокурорскому надзору при проведении новой экономической политики. Оказавшись под надзором прокуратуры, органы госбезопасности не вышли из-под контроля коммунистической партии. Более того, можно сказать, что в силу партийности самой прокуратуры, этот контроль даже усилился. В разгар дискуссии об организации прокурорского надзора В.И. Ленин со своим письмом в ЦК РКП/б/ "О "двойном" подчинении и законности" сыграл решающую роль в подчинении прокуратуры единому центру - центральному аппарату компартии. Он писал: "В центре... мы должны найти около десяти человек, которые будут осуществлять центральную прокурорскую власть... Эти десять человек, находясь в центре, работают под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с тремя партийными учреждениями...: Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК... При таких условиях мы имеем... гарантию того, что партия создаст небольшую центральную коллегия, способную на деле... устанавливать действительно единообразное применение законности по всей республике и по всей федерации".⁵⁴

Представители госаппарата также не мыслили прокуратуру вне партийного руководства. В этой связи интересно выступление коммуниста Белоновского на съезде работников юстиции, где он поставил вопрос: "Тут

говорят, что прокурор должен быть с юридическими познаниями, но будет ли он стоять на защите интересов рабочих и крестьян?"⁵⁵ По его мнению, есть опасность, что прокуроров могут "захлестнуть законы" и, следовательно, их деятельность должна быть поставлена под контроль партии, а "революционная совесть, которая есть у каждого из нас, должна надолго оставаться" главным принципом в прокурорской работе "пока еще существует экономическая капиталистическая политика и пока соседние государства являются буржуазными".⁵⁶

Таким образом, проведение новой экономической политики потребовало создания института прокуратуры и вызвало реорганизацию ЧК в ГПУ. Концентрируя функцию надзора в одном органе, компартия не планировала выпускать Госполитуправление из под своей опеки. Тем не менее с учреждением прокуратуры обозначился качественно новый этап в истории контроля и надзора за органами государственной безопасности.

§ 2 Структура органов Госполитуправления. Функции ГПУ и их эволюция

Государственное политическое управление УССР было образовано 22 марта 1922 г. постановлением ВУЦИК "Об упразднении Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и об организации Госполитуправления."⁵⁷ При разработке этого постановления за основу был взят декрет Всероссийского ЦИК "Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов" от 6 февраля 1922 г.⁵⁸

Предполагалось, что в отличие от непредусмотренной в конституции ВУЧК,⁵⁹ носившей чрезвычайный и временный характер, новый орган госбезопасности уже на постоянной основе через НКВД УССР войдет в общую систему советской государственности. Хотя ГПУ УССР создавалось при НКВД, оно имело определенную автономию относительно этого ведомства. Было

решено, что его возглавит сам Нарком внутренних дел или его заместитель. В качестве местных органов ГПУ при губернских исполнительных комитетах учреждались политические отделы, которые действовали на основании особого положения, утвержденного Президиумом ВУЦИК. Первым председателем ГПУ УССР стал занимавший до этого должность председателя ВУЧК В.Н. Манцев. Он же с 22 марта 1922 г. был Наркомом внутренних дел республики и одновременно по соглашению с Госполитуправлением РСФСР являлся полномочным представителем его на Украине. В целях объединения руководства деятельностью всех органов ГПУ ему подчинялись ведущие борьбу с преступлениями в армии и на транспорте на территории УССР особые и транспортные отделы, а также войска ГПУ в пределах Украины.

На ГПУ УССР в соответствии со ст. 2 постановления о нем возлагались следующие задачи: "а/ подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма, и принятие необходимых мер для своевременного предупреждения таковых; б/ принятие мер охраны и борьбы со шпионажем: в/ охрана железнодорожных и водных путей сообщения; г/ политическая охрана границ республики; д/ борьба с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений; е/ выполнение специальных поручений Президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета или Совета Народных Комиссаров по охране революционного порядка".⁶⁰ Наличие последнего пункта давало возможность в зависимости от ситуации как угодно широко определять круг деятельности органов ГПУ.

Задачи и структура органов госбезопасности были уточнены в приказе председателя ГПУ УССР от 7 мая 1922 г. Во главе управления стоял Нарком внутренних дел. Ему подчинялись губернские отделы ГПУ, которые в зависимости от политического и экономического состояния губерний делились на три категории. К 1-й категории относились Киевский, Одесский, Волынский

и Подольский губотделы, ко 2-й - Харьковский, Николаевский, Екатеринославский, Донецкий и к 3-й - Полтавский, Кременчугский, Запорожский и Черниговский. Их штат состоял соответственно из 197, 152 и 117 человек.⁶¹

В 1922 г. произошли также изменения в нижнем звене структуры органов безопасности. Вместо политбюро при уездных отделениях милиции были учреждены должности уполномоченных губотделов ГПУ 1-ой и 2-ой категории, а сохранившиеся на момент реорганизации в 15 уездах чрезвычайные комиссии были переименованы в уездные отделения губернских отделов ГПУ.⁶²

Структурная перестройка коснулась и особых отделов. До реорганизации ВУЧК в ГПУ УССР они были замкнуты и независимы в своей работе от параллельно существовавших рядом с ними чекистских органов. Особому отделу ВУЧК непосредственно подчинялись Особые отделы Киевского и Харьковского военных округов с подведомственными им особыми отделениями при дивизиях и особыми пунктами при бригадах и полках. Особым отделам округов подчинялись также пограничные особые отделения, охранявшие границы. В результате реорганизации Красной Армии с упразднением округов были расформированы и их Особые отделы. Одновременно Совещанием при Коллегии ГПУ УССР в целях упрощения и сокращения аппарата была выработана новая схема организационной структуры особых отделов.

На реорганизованный аппарат особых отделов возлагались задачи всестороннего обслуживания армии и флота, выявление их нужд, настроений, устранение "вредных влияний" и т.п. Остальные же задачи /борьба со шпионажем, контрреволюцией, бандитизмом, контрабандой, незаконным переходом границы/ сосредотачивались теперь в контрразведывательных отделениях губотделов ГПУ.⁶³

В результате дальнейшего упрощения аппарата на очередь встал принцип единого чекистского органа. Особые отделения полевых частей,

расположенных на территории одной губернии, перестали существовать самостоятельно и влились в секретно-оперативные части /СОЧ/ губотделов. Пограничные отделения также были переподчинены губернским отделам ГПУ.

⁶⁴ В 1922 г. были ограничены функции транспортных ЧК, их коллегии упразднены, борьба со шпионажем передана в губотделы. ⁶⁵

В июне 1922 г. на Правобережной Украине для непосредственного руководства оперативной деятельностью органов ГПУ Киевской, Волынской, Подольской, Одесской, Николаевской и Черниговской губерний было создано в Киеве Полномочное Представительство ГПУ УССР. Его возглавил Е.Г. Евдокимов, имевший опыт работы на посту начальника Особого отдела ВУЧК. ⁶⁶

В процессе дальнейшего упрощения аппарата Харьковский губотдел ГПУ был слит с ГПУ УССР, а Киевский губотдел - с Полномочным Представительством Госполитуправления на Правобережье. В связи с расформированием трех губерний /Николаевской, Запорожской и Кременчугской/ вместо действовавших в них губотделов были созданы уездные отделения ГПУ. ⁶⁷

В целях достижения наименьшей затраты сил и средств, а также быстроты и надежности связи был организован Фельдъегерский корпус ГПУ. ⁶⁸

Количественное сокращение органов безопасности было связано не только с претворением в жизнь принципов нэпа. В большей степени оно было вызвано экономическим кризисом в Украине и, следовательно, необходимостью экономить на госаппарате. Об этом прямо говорил начальник Административно-организационной части ГПУ УССР Блатт в отчете о работе органов ГПУ в январе-ноябре 1922 г. По его мнению, именно тяжелое материальное положение, мизерная зарплата вызвали тенденцию массового ухода из органов ГПУ и способствовали росту должностных преступлений среди их работников. ⁶⁹

Еще в худшем материальном положении оказались секретные сотрудники ГПУ. Если в 1921 г. аппарат ЧК по борьбе с бандитизмом насчитывал 2 236 гласных и 12 000 секретных работников, то в 1922 г. тот же аппарат был сведен до 65 гласных и вовсе лишен секретных сотрудников. И только отпущенные Совнаркомом 87 миллиардов рублей дали возможность содержать необходимые кадры вне штата и вести работу в заданном режиме.⁷⁰

Несмотря на указанные трудности в период с января по ноябрь 1922 г. чекистам удалось раскрыть ряд крупных организаций /дела: Козачей Рады, Волынской повстанческой Армии, Ефимова, Либеревича, Шульца и др./, ликвидировать 11 организованных банд общей численностью 2 634 человека, 11 232 рядовых бандита, атаманов – 341.⁷¹

В числе "бандитов" мог оказаться любой, недовольный Советской властью, а учитывая действие институтов заложничества и ответчиков "ликвидированным" мог оказаться и совершенно невиновный человек.

Дальнейшие изменения в организации органов госбезопасности связаны с образованием СССР. Уже ст.12 Союзного Договора предусматривала с целью "объединения усилий республик в борьбе с контрреволюцией" создание при СНК СССР Объединенного Государственного политического управления /ОГПУ/,⁷² а 15 ноября 1923 г. вышло соответствующее постановление ЦИК Союза ССР.⁷³ В соответствии с ним Президиум ЦИК СССР назначал председателя ОГПУ и его заместителя. При председателе ОГПУ организовывалась коллегия, члены которой утверждались СНК СССР. В непосредственном распоряжении ОГПУ находились особые войска. ОГПУ руководило работой ГПУ союзных республик через своих уполномоченных при Совнаркомах этих республик. Задачи ОГПУ были аналогичны задачам, поставленным ранее перед Госполитуправлениями РСФСР и УССР, но применительно к масштабам СССР.

13 августа 1924 г. ВУЦИК и СНК УССР утвердили новое положение о

ГПУ УССР.⁷⁴ Оно вышло из подчинения НКВД и было непосредственно закреплено за Совнаркомом. Его председатель входил в состав правительства с правом совещательного голоса. При нем находилась коллегия, все члены которой утверждались СНК УССР. Председатель ГПУ УССР являлся одновременно уполномоченным ОГПУ СССР. Возглавляемые им органы были обязаны выполнять все поручения ВУЦИК и СНК УССР, а в своей оперативной деятельности руководствоваться директивами и распоряжениями ОГПУ СССР.

Постановление 1924 г. о ГПУ УССР сохраняло прежнюю структуру местных органов в виде губернских отделов ГПУ, особых отделов корпусов и дивизий в пределах Украинского военного округа, транспортных отделов ГПУ и органов ГПУ по охране границ республики.⁷⁵ Согласно сведениям, предоставленным Госполитуправлением в ЦК КП/б/У, в штате ГПУ УССР к 1 ноября 1924 г. официально числился 641 сотрудник, в Киевском губотделе ГПУ -115, Одесском - 100, Волынском -84, Подольском -65, Екатеринославском - 61, Черниговском -52, Донецком и Полтавском -по 55 в каждом. В дорожно-транспортных отделах управления /ДТООГПУ/ Екатеринославской, Донецкой и Южных железных дорог работало соответственно 71, 28 и 32, а в окружных дорожно-транспортных отделениях Екатеринослава и Харькова - 71 и 76 человек. Всего же к указанному сроку в ГПУ УССР и подведомственных ему органах, включая фельдегерский корпус ГПУ и особые отделы корпусов и дивизий, но без учета погранотрядов, числилось 3409 штатных единиц.⁷⁶ Все сотрудники ГПУ приравнивались к лицам, состоявшим на действительной военной службе. На них распространялись льготы, предусмотренные для военнослужащих.⁷⁷ Председателю ГПУ УССР, как полномочному представителю ОГПУ СССР, подчинялись расположенные на территории Украины войска ОГПУ СССР. Срок службы в сухопутных войсках ОГПУ длился 2 года, а в его морских частях - 4 года.⁷⁸

С начала 1924 г. руководство ОГПУ СССР стало проводить линию на

ликвидацию республиканских НКВД и подчинение под свое начало милиции и уголовного розыска. Однако, эта тенденция, встретив серьезное сопротивление со стороны ряда крупных партийных и государственных деятелей, не получила развития. Результатом межведомственной борьбы на Украине стало возобновление персонального совмещения должностей председателя Госполитуправления и Народного комиссара внутренних дел. Председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий с марта 1924 г. /его предшественник В.Н. Манцев совмещал две должности с марта 1922 г. по август 1923 г./ возглавил НКВД УССР.⁷⁹

14 февраля 1925 г. СНК УССР принял постановление "Об упразднении губерний и переходе на трехстепенную систему управления". Оно предписывало с 1 октября текущего года упразднить губернии и разделить всю территорию Украины на округа, а последние - на районы.⁸⁰ Соответственно вместо губотделов ГПУ при окрисполкомах были созданы окружные отделы ГПУ.⁸¹ К концу 1925 г. реорганизация была проведена полностью. К новым органам ГПУ перешли все права их предшественников, были сохранены принципы взаимоотношений с местными органами власти и Управления.⁸²

В 1924-1928 гг. круг деятельности органов ГПУ значительно расширяется. ГПУ активно занимается административными ссылками, высылками и заключением в концентрационные лагеря. Для этой цели в марте 1924 г. при ОГПУ СССР, а позднее при ГПУ УССР образуются Особые совещания. В апреле 1924 г. органам безопасности предоставляются особые полномочия для борьбы с "контрреволюционными организациями и фальшивомонетчиками".⁸³ В конце 1925 – начале 1926 гг. органы ГПУ включаются в борьбу со спекуляцией и "ажиотажем",⁸⁴ а постановлением ВУЦИК и СНК УССР "Об уточнении функций Государственного политического управления УССР" от 9 июня 1926 г, к компетенции ГПУ уже официально были отнесены дела о должностных и хозяйственных преступлениях, об особо крупных хищениях и причинении

значительного ущерба государственному или общественному имуществу, а также дела, связанные с подделкой денежных знаков и других ценных бумаг.⁸⁵ 10 октября 1928 г. было принято новое постановление, пополнившее сферу деятельности ГПУ борьбой с некоторыми преступлениями против порядка управления, рядом имущественных и воинских преступлений.⁸⁶

В указанный период на ГПУ был возложен контроль за соблюдением режима секретности и ведением шифровального дела, они осуществляли политическую цензуру и охрану объектов, боролись с беспорядочностью, пожарами и т.д. Представители ГПУ участвовали в самых разнообразных комиссиях от чисто репрессивных до детских.⁸⁷ Госполитуправление все чаще стало привлекаться к решению экономических вопросов, что, по мнению И.Б.Усенко, было обусловлено "высокой дееспособностью аппарата ГПУ, укоренившейся привычкой решать экономические проблемы путем административного давления, даже тем, что председатель ОГПУ СССР Ф.Э. Дзержинский был одновременно одним из главных хозяйственных руководителей страны".⁸⁸

Усиление административного вмешательства в экономику шло вразрез с принципами нэпа, а расширение деятельности органов ГПУ означало наступление на основы законности и влекло за собой ограничение прав личности. О низком правовом положении населения говорили также такие явления, как объявление ряда местностей на военном и исключительном положении,⁸⁹ административные высылки,⁹⁰ взятие заложников,⁹¹ назначение "ответчиков",⁹² введение института "десятихатников"⁹³ и "сельских исполнителей"⁹⁴ и т.п., когда административному или уголовному наказанию /даже расстрелу/ мог быть подвергнут совершенно невиновный человек.

Исследователи Л.П. Рассказов и И.Б. Усенко однозначно характеризуют ситуацию, сложившуюся в 20-е годы, как борьбу двух противоположных тенденций.⁹⁵ Такой подход представляется верным. С одной стороны, введение

рыночных начал в экономике объективно требовало правового обеспечения и укрепления законности во всех сферах жизни. С другой стороны, большевистское руководство не могло отказаться от административных методов хозяйствования и шло на реанимацию идеологии красного террора. Одним из показателей того, что вторая тенденция побеждает, как раз и была все более активная деятельность Госполитуправления. Расширение функций ГПУ сопровождалось принятием соответствующих нормативных актов и изменением правового статуса органов государственной безопасности.

§ 3 Правовое регулирование деятельности ГПУ

После опубликования постановлений о реорганизации российских и украинских органов госбезопасности от 6 февраля и 22 марта 1922 г. из их ведения были изъяты дела о спекуляции, должностных и иных общеуголовных преступлениях. Госполитуправлению и его органам на местах предоставлялось право производства обысков, выемок и ареста лишь по делам о контрреволюционных выступлениях, бандитизме, шпионаже, хищениях на железнодорожных и водных путях сообщения, контрабанде и незаконном переходе государственной границы. Указанные меры допускались не иначе как по специальному постановлению ГПУ РСФСР /УССР/ или губотдела ГПУ за подписью их председателей по особым ордерам. Исключение делалось для лиц, застигнутых на месте преступления, но и в этом случае требовалась санкция председателя органа ГПУ в течение 48 часов после принятия меры пресечения. Для предъявления обвинения устанавливался двухнедельный срок со дня ареста, а на проведение расследования отводилось два месяца. Затем арестованный подлежал освобождению или зачислялся за судебным учреждением с одновременным направлением туда законченного производства. ГПУ могло испрашивать ВЦИК /ВУЦИК/ разрешение на дальнейшую изоляцию, если того требовали особые обстоятельства дела, на срок,

определенный Президиумом.⁹⁶

Более детальный порядок производства арестов и предъявления обвинения был закреплен 4 мая 1922 г. в приказе ГПУ РСФСР № 66. Принятый к руководству на Украине приказ предписывал направлять арестованного в комендатуру. Постановление о мере пресечения и мотивированное обвинение составлялось уполномоченным ГПУ, в разработке которого находилось дело. Эти документы утверждались начальником органа ГПУ, а их копии отсылались в комендатуру. Комендант должен был прочитать обвинение арестованному, а последний расписывался в том, что его выслушал. В списке арестованных отмечалось когда предъявлено обвинение, а копия самого обвинения с распиской арестованного отправлялись обратно уполномоченному ГПУ для приобщения к делу. В случае обнаружения арестованного, в отношении которого истекал установленный для предъявления обвинения срок, комендант был обязан оповестить соответствующего уполномоченного, а также доложить начальнику губотдела ГПУ. Уполномоченным рекомендовалось составлять обвинение не дожидаясь истечения двухнедельного срока, а по мере выяснения степени виновности арестованного.⁹⁷

Введенные в действие соответственно с 1 июля и 20 сентября 1922г. УПК РСФСР и УПК УССР закрепили за Госполитуправлением статус органа дознания и не более.⁹⁸ Предварительное расследование поручалось следователям, работавшим при судебных учреждениях. Однако, практическая деятельность органов ГПУ с самого начала и в последующем выходила за рамки, определенные уголовно-процессуальными кодексами. Многие сотрудники ГПУ не могли привыкнуть, что теперь они должны ограничиваться только проведением дознания и с трудом изживали укоренившиеся в их работе методы периода "военного коммунизма". Кроме того, ряд нормативных актов Госполитуправления шел вразрез с новым законодательством об органах безопасности. В результате на местах часто возникали недоразумения и даже

конфликты между ГПУ и другими органами, в том числе прокурорского надзора.⁹⁹

Сохраняющаяся инерция "красного террора" и привычка полагаться на органы безопасности при каждом обострении политической и криминальной ситуации постоянно провоцировали расширение прав ГПУ. Механизм такого расширения был заложен еще в постановлениях о реорганизации российских и украинских ЧК. Пункт "е" ст.2 каждого из этих документов среди других задач ГПУ называл "выполнение специальных поручений", исходящих от Президиумов ВЦИК и ВУЦИК или Совнаркомов республик.¹⁰⁰

Используя указанное выше право ВУЦИК 6 декабря 1922 г. принял постановление, в соответствии с которым органы ГПУ уже могли вести предварительное следствие по делам о следующих общеуголовных преступлениях: 1/ организация банды, действия в ее составе, пособничество бандитам; 2/ разбой и 3/ квалифицированный грабеж. Для передачи таких дел ГПУ требовалось постановление губернской комиссии в составе заместителя председателя исполкома, начальника отдела ГПУ и прокурора. При наличии постановления органы милиции и уголовного розыска были обязаны в оперативном отношении подчиняться ГПУ. На проведение следственных действий отводилось трое суток.¹⁰¹

В соответствии с секретным постановлением ВУЦИК от 20 сентября 1923 г. "О взаимоотношениях ГПУ и органов прокурорского надзора" и в изъятие из УПК органы ГПУ получили право проводить следствие по делам о контрреволюционных преступлениях и военном шпионаже.¹⁰²

В разъяснение постановлений от 6 декабря 1922 г. и 20 сентября 1923 г. на местах были приняты соответствующие нормативные акты. Только в Подольской губернии 17 января, 6 августа и 12 ноября 1923 г. за подписями прокурора Яковлева, заведующего отделом управления Ракитова и начальника отдела ГПУ Заковского вышло три секретных циркуляра по данному вопросу.

Несмотря на разъяснения, на периферии среди сотрудников ГПУ наблюдалось массовое незнание законодательства и даже элементарных требований УПК.¹⁰⁴ Последнее обстоятельство побудило Южное Округное транспортное отделение ОГПУ /ЮжОкТООГПУ/ в 1924 г. выработать для своих агентов подробную инструкцию по производству следствия и дознания. В инструкции подчеркивалось, что, прежде чем приступить к работе, агенты ТООГПУ должны уяснить характер и род исследуемых ими преступлений, а именно: 1/ действуют ли они по делам, по которым органам ГПУ предоставлено право производства предварительного следствия /о контрреволюции, шпионаже и должностных преступлениях сотрудников ГПУ/; 2/ по делам, по которым предварительное следствие является обязательным /т.е. по всем делам, подсудным губсудам и трибуналам/; 3/ по всем остальным делам, предварительное следствие по которым не является обязательным. От определения статьи преступления и подсудности дела зависел весь ход дальнейших действий.¹⁰⁵

При производстве дознания по делам, требующим в обязательном порядке предварительного следствия, агенты ГПУ должны были ограничиваться самыми безотлагательными действиями. Их работа сводилась: а/ к установлению факта совершения преступления, б/ уточнению статьи УК УССР, под которую оно попадает, в/ выяснению обстоятельств его совершения, г/ определению виновных лиц, д/ сохранению следов преступления и е/ принятию мер пресечения. На все это отводился месячный срок. Весь собранный материал направлялся следователю, в районе которого было совершено преступление. По делам, по которым предварительное следствие не являлось обязательным, органы ГПУ должны были проводить дознание в полном объеме, граничащим со следствием.

Оконченные дознания поступали к прокурору: а/ при отсутствии в деле

признаков состава преступления, б/ при необнаружении виновных и в/ когда дознанием добыты данные, изобличающие кого-либо в преступлении, за которое может быть назначено наказание не ниже одного года. Прокурор прекращал производство по делу или давал ему дальнейший ход. Если уголовное преследование было возбуждено непосредственно органом ГПУ, то за ним в течение двух недель со дня начала дела или ареста оставалось право самостоятельного прекращения дела без утверждения прокурора.¹⁰⁶ Законченные следственные производства вместе с заключениями уполномоченных ГПУ также направлялись в прокуратуру для прекращения или предания суду.¹⁰⁷

В течение 1922-1924 гг. сложилась практика, когда собранные ГПУ в процессе дознания материалы признавались достаточными, и дела, минуя стадию предварительного следствия, передавались прямо в суд. А если и производились какие-либо следственные действия, то они, как правило, носили формальный характер. Следователь в соответствии со ст.111 УПК УССР /ст. 109 УПК РСФСР/ ограничивался предъявлением обвинения, допросом обвиняемого и составлением обвинительного заключения.¹⁰⁸

Такая практика укреплялась и в последующие годы. Кроме того, органы ГПУ часто превышали свои полномочия. Нарастающая активность ГПУ в области расследования преступлений, в том числе ему неподведомственных, требовала либо пресечения, либо правового обеспечения. Законодатель пошел по второму пути. Постановления ВУЦИК и СНК УССР от 9 июня 1926 г. и 10 октября 1928 г. предоставили органам ГПУ право ведения предварительного следствия в полном объеме по некоторым должностным, хозяйственным, имущественным и посягающим на порядок управления преступлениям. Значительно расширился спектр дел, по которым ГПУ имело право вести дознание. Прокурор мог признать дознание достаточно полным и в изъятие из установленных УПК правил вернуть его в орган ГПУ для производства

необходимых следственных действий.¹⁰⁹

Таким образом, в исследуемый период ГПУ выступало, главным образом, как орган дознания и предварительного следствия по ограниченному кругу преступлений. Круг этот, однако, постоянно расширялся.

Реорганизация органов безопасности 1922 г. предполагала, что расследуемые ГПУ дела будут рассматриваться исключительно в судебном порядке. Но уже 16 октября 1922 г. ВЦИК своим декретом предоставил ГПУ РСФСР право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях.¹¹⁰

Органы ГПУ УССР такого права не имели. На Украине в 1922-1923 гг. правом проведения в жизнь исключительной репрессии пользовались губернские и уездные военные совещания, созданные для борьбы с уголовным и политическим бандитизмом. К последнему причислялись крестьянские восстания и другие формы сопротивления советскому режиму.¹¹¹ Именно по линии военсовещаний был учрежден так называемый институт "ответчиков". Его сущность сводилась к чисто механической ответственности ряда лиц за любое "проявление бандитизма" в районе селения, где они проживали.¹¹² Согласно приказа № 2 Киевского губвоенсовещания "ответчики" назначались из расчета один на 20 хат, но не менее двух на выселках, где более 20 хат и не менее одного на хуторах. В случае поимки в селе главаря банды, один из ответчиков расстреливался, а при убийстве или ранении представителя Советской власти, красноармейца или члена комбеда расстреливалось два ответчика. Если тело убитого скрывалось, то кара увеличивалась вдвое. В остальных случаях в качестве меры наказания выступали штрафы и конфискация имущества ответчиков.¹¹³

В инструкциях к приказу № 2 указывалось, что главной целью создания института ответчиков "является отнюдь не немедленный разгром бандитизма

путем репрессий /что неосуществимо/, а внесением раздора и расслоения в село, создания атмосферы, когда бандит будет бояться, что его выдадут, ответчик, опасаясь репрессии, будет при случае выдавать бандитов, а затем опасаясь мести с их стороны, может быть использован как старательный осведомитель".

¹¹⁴ Вообще, рекомендовалось с помощью террора создавать такие условия, чтобы ответчики становились открытыми врагами бандитов. А через, раздачу конфискованного имущества беднейшим крестьянам предполагалось заложить в деревне крепкую основу для борьбы с бандитизмом. ¹¹⁵

Представители ГПУ оказывали активную помощь военсовещаниям, а также входили восстав различных троек. Так, в уездах Екатеринославской губернии с 12 по 15 января 1923 г. были созданы тройки по выкачке оружия, состоявшие из представителей военсовещания, милиции и ГПУ. В соответствии с инструкцией губотдела ГПУ они должны были в течение месяца изымать у населения оружие. Для каждого населенного пункта устанавливалась своя норма. Например, в Александрии предполагалось "выкачать" 7000 винтовок, 4 пулемета, 500 револьверов, 1000 бомб, 1500 шашек, 25000 патронов и 300 седел. Ради выполнения нормы они имели право производить аресты, устраивать повальные обыски, брать по указанию ГПУ заложников и т.п. ¹¹⁶ Подобные тройки с участием ГПУ организовывались по самым разнообразным вопросам.

С 1923 г. ГПУ включается в работу по административным высылкам. Эта мера репрессии состояла в удалении из района жительства с запрещением возвращения. В свое время большевики сурово осуждали применявшиеся при царизме ссылки. Но, оказавшись у власти, уже в 1918г. они начали высылать из Москвы и Петрограда меньшевиков, эсеров, анархистов, уголовников-рецидивистов и т.д. Большевистская высылка по смыслу декрета ВЦИК от 10 августа и аналогичного постановления ВУЦИК от 6 сентября 1923 г. скорее походила на ссылку. Лица, "причастные к контрреволюционным

преступлениям" по постановлениям Особой комиссии при НКВД высылались в строго определенный район на срок не свыше трех лет. Там они поступали под надзор местного органа ГПУ. Побег с места высылки или пути следования к нему карался по суду лишением свободы на срок не ниже одного года.¹¹⁷

Согласно декрета ВЦИК от 16 октября 1922 г. административная высылка распространялась на деятелей антисоветских партий и лиц, дважды судимых в прошлом за определенные уголовные преступления. Эти граждане признавались социально опасными и на месте высылки подлежали заключению в лагерь принудительных работ.¹¹⁸ В УССР данная категория лиц за отсутствием лагерей в соответствии с декретом ВУЦИК от 6 декабря 1922 г. заключалась в дома принудительных работ. Начальником губотделов ГПУ предоставлялось право через прокурора возбуждать ходатайство перед Особой комиссией при НКВД об административной высылке лиц, причастных к контрабанде. В остальных случаях это делали заведующие отделами управления. При получении данных, что высылаемое лицо желает скрыться, вышеуказанные начальники могли отдать распоряжение о его аресте. Копия соответствующего постановления должна была в течение 24 часов направляться прокурору. Последний на протяжении двух суток решал вопрос об утверждении избранной меры пресечения.¹¹⁹

Более подробно порядок административной высылки был определен в инструкции НКВД РСФСР от 3 января 1923 г. В ней указывалось, что админвысылка должна применяться к лицам, пребывание которых в определенных местностях представляется опасным "по их деятельности, прошлому и связи с преступной средой".¹²⁰ В изданной в том же году Наркомюстом УССР таблице мер социальной защиты подчеркивалось, что высылка может применяться даже без предъявления какого-либо обвинения. Такая же мысль высказывалась в "Тезисах для агитаторов", разосланных при циркуляре ЦК КП/б/У от 23 января 1923 г. за № 580.¹²¹

Говоря о правовом положении ГПУ, отдельно следует остановиться на системе чрезвычайных сессий /ЧС/. Эти специализированные судебные установления были образованы в соответствии с постановлением ВУЦИК от 17 июля 1922 г. под предлогом борьбы с бандитизмом.¹²² ЧС создавались при военных отделениях губернских ревтрибуналов. На них согласно инструкции НКЮ и НКВД от 3 августа 1922 г. рассматривались расследуемые ГПУ дела. В местностях, объявленных на положении угрожающем по бандитизму, решение о направлении дел в ЧС принимали распорядительные заседания в составе председателя губотдела ГПУ, заместителя председателя губисполкома и губернского прокурора. В остальных местностях дела направлялись в ЧС по соглашению губпрокурора и председателя губотдела ГПУ. При отсутствии такого соглашения, а равно при протесте прокурора против постановления распорядительного заседания, вопрос о передаче дела в ЧС решался соглашением НКЮ и ГПУ. Дела разбирались в обычном для трибуналов порядке. Но срок подачи прошения о помиловании или кассационной жалобы был ограничен 48 часами с момента вынесения приговора. Причем поданная в Верховный трибунал жалоба могла быть не пропущена прокурором.¹²³

В § 8 вышеуказанной инструкции отмечалось, что расследуемые Госполитуправлением дела особо важного значения, а также дела о проступках и преступлениях сотрудников ГПУ подлежат рассмотрению исключительно в ЧС военного отдела Верховного трибунала. Содержание §8 на местах было понято по-разному, что вызвало ряд недоразумений. Положение усугублялось еще и тем, что постановлением Политбюро ЦК КП/б/У от 14 апреля 1922 г. ГПУ были предоставлены особые судебно-карательные права в отношении преступлений его сотрудников. Согласно постановлению приговоры по данной категории дел должны были выносить тройки в составе начальника отдела ГПУ и двух членов по его назначению. Административные взыскания до одного месяца ареста могли быть наложены исключительно властью начальника.¹²⁴

Документ явно противоречил инструкции о ЧС. В центр пошли запросы с просьбой разъяснить порядок производства и направления дел о преступлениях работников ГПУ.¹²⁵

Прокуратурой было сообщено, что постановление от 14 апреля утрачивает силу.¹²⁶ 1 октября 1922 г. вышел приказ ГПУ УССР, раскрывающий смысл § 8 инструкции о ЧС. В нем говорилось, что степень важности дел определяются по линии ГПУ начальниками губернских, дорожно-транспортных и особых отделов. Если они признавали дело о должностном преступлении сотрудника ГПУ особо важным или если его разбор был связан с расшифровкой методов работы ГПУ, секретных агентов и т.п., то такое дело сначала разрабатывалось отделом ГПУ, затем все материалы с заключением направлялись в следственную часть ГПУ УССР, а уже оттуда законченное производством дело поступало на рассмотрение ЧС военного отделения Верховного трибунала. Все прочие дела о должностных преступлениях сотрудников и дела, не связанные с работой органов ГПУ, подлежали направлению на общих основаниях.¹²⁷

В органах ГПУ действовало предписание об изъятии из направляемых в судебные органы дел всех агентурных и информационных материалов. Вместо них к делу приобщалась сводка необходимых сведений, Любое указание об источниках информации не допускалось.¹²⁸ Именно стремление сохранить "тайны розыскной работы с контрреволюцией"¹²⁹ и желание избежать публичного рассмотрения "неудобных", компрометирующих советскую власть дел вызвали к жизни систему чрезвычайных сессий.

После упразднения военных отделений губревтрибуналов ЧС в соответствии с постановлением ВУЦИК от 25 ноября 1922 г. начали созываться непосредственно при губревтрибуналах.¹³⁰ Когда же в ходе судебной реформы трибунальская система была ликвидирована, они продолжали действовать при губернских судах. При знакомстве с деятельностью ЧС бросается в глаза их явно чекистский состав. К примеру, в октябре 1923 г. председателем выездной

ЧС Харьковского губсуда был заместитель начальника Харьковского отдела ГПУ Ромейко, а членами - начальник Сумского окротделения ГПУ Теплов и народный судья Харьковского губсуда Данилов. Подобным образом формировались и другие ЧС.¹³¹

Новое положение "О чрезвычайных сессиях губернских судов" было введено в действие с 1 декабря 1924 г. Уже первая глава документа указывала на активное участие ГПУ в этих органах. ЧС заседали в составе трех человек, два из которых, в том числе и председатель, утверждались НКЮ по представлению Госполитуправления.¹³²

Получалось, что по определенным делам ГПУ выступало одновременно как орган дознания, следствия и суда. По положению круг дел, которые могли быть переданы в ЧС для рассмотрения в чрезвычайном порядке и с применением по общему правилу чрезвычайной репрессии, был очень широк. В этой связи интересно обратиться к особому мнению замнаркомюста М. Рейхеля, которое он высказал на заседании Совнаркома 20 ноября 1924 г. при обсуждении проекта положения о ЧС губсудов. М. Рейхель заметил, что рассмотрению на ЧС подлежат "все контрреволюционные преступления, бандитизм, квалифицированное ограбление, подделка фальшивых монет и проч. Практически трудно даже придумать, какие еще дела может понадобиться передавать в Чрезсессию. Между тем положение представляет право Центральному распорядительному совещанию передавать на рассмотрение Чрезсессии сверх перечисленных по сути любое дело. Принимать, а тем более публиковать такое постановление нецелесообразно. Положение и без того слишком обнажено и включает в себе пункты о чекистском составе Чрезсессии /2 из 3/. Предоставление права... передавать в Чрезсессию любое дело только усилит антисоветскую агитацию вокруг проекта. Если фактически окажется необходимость передачи какого-либо непредусмотренного дела в Чрезсессию, это всегда можно сделать через Президиум ВУЦИКа и об этом не нужно и

писать".¹³³

Предложение М.Рейхеля было отклонено и после утверждения проекта ВУЦИК Центральное распорядительное совещание, состоящее из прокурора республики, народного комиссара РКИ и председателя ГПУ, получило право направлять в ЧС любое дело. Утвержденное совещанием обвинительное заключение сообщалось под расписку каждому из обвиняемых не позднее, чем за 24 часа до слушания дела. Предъявление следственного производства было не обязательно. Обжалованные или опротестованные приговоры рассматривались в Кассационной коллегии Верховного Суда с обязательным участием представителя ГПУ УССР.¹³⁴

Эти принципы были сохранены и в принятом 10 октября 1928 г. положении "О порядке рассмотрения дел в чрезвычайных сессиях Верховного Суда УССР, Главного Суда АМ ССР и окружных судов УССР".¹³⁵ Законодательство о ЧС как бы предполагало отказ от внесудебной репрессии. Но определяющая роль органов ГПУ при рассмотрении дел, по которым они же проводили предварительное расследование, по сути делала этот отказ формальным.

Зато общесоюзный орган госбезопасности непосредственно обладал правом применения внесудебной репрессии. В соответствии с решением Президиума ЦИК СССР от 1 апреля 1924 г. это право /вплоть до расстрела/ было дано Коллегии ОГПУ в отношении фальшивомонетчиков и контрреволюционных организаций.¹³⁶ Кроме того, на протяжении 1924-1928 гг. ОГПУ нередко обращалось к ЦИК СССР с ходатайствами о предоставлении ему права вынесения внесудебных приговоров и по другим делам. К примеру, на заседаниях Президиума ЦИК от 22 марта, 7 июля и 31 августа 1928 г. таких ходатайств было заслушано соответственно 14, 44 и 28. Все они были удовлетворены.¹³⁷ Очевидно подобная практика существовала и в отношениях ГПУ УССР с Президиумом ВУЦИК. Косвенным подтверждением тому служит

цитируемое выше особое мнение М. Рейхеля, высказанное при обсуждении проекта положения о ЧС губернских судов.

28 марта 1924 г. на заседании Президиума ЦИК СССР /протокол №8, п.4/ было утверждено секретное положение "О правах органов ГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря". Особое совещание, состоящее из трех членов Коллегии ОГПУ получило исключительное право применять указанные в названии документа административные меры в отношении лиц, причастных к различным государственным преступлениям.¹³⁸

При ГПУ УССР также было образовано Особое совещание, активно занимавшееся административными высылками. К примеру, с 1 апреля 1926 г. по 1 января 1927 г. был выслан 371 контрабандист, а за 12 месяцев 1927 г. - 696. Усиление карательных мер в отношении этой категории лиц было заложено в постановлении ЦИК СССР от 13 мая 1927 г., предоставившем ОГПУ полномочия по вынесению внесудебных приговоров и административным высылкам контрабандистов. Данные о положительных результатах применения этого постановления содержатся в докладной записке временно исполняющего обязанности председателя ВУЦИК Власенко на имя ЦИК СССР. Здесь же он просит продлить еще на год срок действия постановления, который истек 15 мая 1928 г.¹³⁹

Таким образом, к концу 20-х гг. правовой статус органов ГПУ включал в себя значительные полномочия при расследовании преступлений, наличие судебных прерогатив через участие представителей ГПУ в системе чрезвычайных сессий, а также возможности вынесения внесудебных приговоров, проведения высылки и других административных мер.

Выводы

1. Неутихающие крестьянские восстания против "военного коммунизма" и политического насилия, а также задача восстановления разрушенного хозяйства страны заставили коммунистическое руководство радикально скорректировать свой политический курс в соответствии с потребностями жизни, ввести начала экономической свободы и законности.
2. Допущение частной собственности, аренды земли, использование наемного труда и другие нововведения нэпа потребовали не только защиты имущественных прав граждан, но и привели к пересмотру всей правовой системы. Нэп по сути явился периодом советского правового ренессанса, когда за короткое время была проведена кодификация всех отраслей права. Одновременно с этим была ослаблена репрессивно-карательная функция государства, что привело в частности к реорганизации ВУЧК в ГПУ УССР.
3. В начале нэпа делались попытки поставить органы госбезопасности в конституционные рамки, закрепив за ними лишь функцию дознания по делам о контрреволюционных и т.п. преступлениях. Однако, эти рамки начали быстро раздвигаться, и уже к концу исследуемого периода деятельность Госполитуправления приобрела всепроникающий и явно репрессивный характер. Расширение компетенции органов ГПУ естественно вписывалось в политику большевистского руководства по сворачиванию нэпа. Можно сказать, что новая экономическая политика была несовместима с тоталитарным режимом. Их союз был вынужденным, а потому оказался непрочным и временным.

ГЛАВА 3

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ОРГАНАМИ ГПУ И НОРМЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В 1922 – нач. 1929 гг.

В период нэпа государственный контроль за Госполитуправлением был сосредоточен в органах прокуратуры. Контрольными полномочиями в отношении ГПУ обладали Совнарком, ВУЦИК, Административная инспекция

РКИ. Политическое, а часто и оперативное руководство, по-прежнему исходило от ЦК РКП/б/, ЦК КП/б/У и местных партийных комитетов. Поскольку контрольная деятельность этих органов была тесно связана с работой прокуратуры, представляется целесообразным рассмотреть их контроль за ГПУ не отдельно /как в 1 разд. диссертации/, а в контексте освещения прокурорского надзора.

Прокурорский надзор за деятельностью органов ГПУ - наименее изученный в историко-правовой литературе вопрос. Поэтому работа над ним была сопряжена, прежде всего, с разработкой архивных материалов.

§ 1 Полномочия и деятельность 4-го подотдела прокуратуры республики по надзору за Госполитуправлением УССР

Отдел Прокуратуры был образован в составе Наркомюста в соответствии с принятым 28 июня 1922 г. "Положением о прокурорском надзоре". Пункт "б" ст.2 положения предоставлял ему право вести наблюдение за деятельностью органов Госполитуправления.¹

Структура Отдела Прокуратуры была уточнена в ст.13 положения о НКЮ УССР от 1 августа 1923 г. Он подразделялся на четыре подотдела и имел следственную часть.² Наблюдение за ГПУ первое время осуществлял 3-й подотдел Надзора за следствием и дознанием, возглавляемый Михаилом Евгеньевичем Поповым.³ Уже из самого названия подотдела видно, что его деятельность не ограничивалась надзором за органами Госполитуправления, а распространялась значительно шире. Подотдел надзирал за соблюдением законности в работе народных следователей при следственных участках, старших следователей при губернских судах, следователей по важнейшим делам при НКЮ УССР и Верховном Суде. Он также наблюдал за милицией, уголовным розыском и другими органами дознания, перечисленными в ст. 102 УПК УССР ред. 1922 г.

Такая обширная сфера деятельности подотдела не позволяла ему сосредоточиться на надзоре за ГПУ и проводить этот надзор качественно. Подтверждением тому служат архивные источники. Из отчетов, докладов и др. документов, исходящих в 1923 г. из 3-го подотдела, практически невозможно выделить информацию, связанную с надзором за ГПУ. ⁴ ВУЦИК счел необходимым образовать самостоятельный подотдел по надзору за Госполитуправлением. Он был выделен из 3-го подотдела постановлением ЦИК Украины от 21 ноября 1923 г. "О дополнении "Положения о НКЮ" ⁵ Заведующим 4-м подотделом Надзора за органами ГПУ был назначен 27-летний С.А. Янский. ⁶ Несмотря на свою молодость он имел уже достаточный опыт руководящей работы по надзору за ВУЧК. ⁷ Помимо С.А. Янского по состоянию на 20 декабря 1923 г. в подотделе работало еще 6 человек: 2 прокурора при НКЮ - Модылевский и Заруцкий, секретарь Романов и 3 делопроизводителя - Шаргей, Абрамов и Буянов. Все, кроме делопроизводителей являлись коммунистами, высшее образование было только у С.А. Янского. ⁸

На 4-й Подотдел возлагались следующие обязанности: 1/ наблюдение за деятельностью органов ГПУ в области раскрытия преступлений, 2/ улучшение кадров следственных работников ГПУ, 3/ создание единых форм отчетности органов ГПУ, 4/ рассмотрение жалоб на незаконные действия работников ГПУ, медлительность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинений и т.п. ⁹ Эту работу 4-й подотдел должен был проводить непосредственно и через губернские /впоследствии - окружные/ прокуратуры.

Уже в самом начале перед 3-м, а затем 4-м подотделами возникли трудности, связанные с необходимостью привести деятельность органов ГПУ в соответствие с новым законодательством. Прежде всего, встала задача содействовать размежеванию административных, следственных и судебных функций Госполитуправления. По инициативе Прокуратуры УССР к концу

1923 г. было завершено полное изъятие из органов ГПУ судебных функций и передача их особо учрежденным для этого чрезвычайным сессиям. Равным образом были приняты меры к точному определению прав ГПУ, как административного органа.

Другая не менее важная задача Прокуратуры УССР заключалась в четком определении подследственности органов ГПУ, которая начиналась с мелких уголовных преступлений и кончалась крупными политическими делами. К концу 1923 г. - началу 1924 г. в законодательном порядке подследственность ГПУ была, во-первых, сужена и во-вторых, точно определена. Это дало, с одной стороны, возможность Госполитуправлению сосредоточить свое внимание на особо важных государственных преступлениях и, с другой стороны, облегчило наблюдение за законностью деятельности ГПУ.

Фактором, осложнявшим работу прокуратуры, являлся двойственный характер разработки дел в ГПУ - агентурный и следственный. Постепенно было достигнуто полное разграничение этих двух стадий разработки, причем в качестве непосредственного объекта прокурорского надзора закрепились лишь действия ГПУ по расследованию преступлений.

При осуществлении прокурорского надзора определенные трудности создавала строгая централизация органов ГПУ, как внутри отделов, так и в отношениях центра и периферии. Необходимая информация /в том числе и внутриведомственные нормативные акты ГПУ/ не всегда вовремя поступала в Прокуратуру УССР. Недоразумения разрешались путем установления личного контакта или через вмешательство высших партийных и государственных органов.

Таким образом, к началу 1924 г. были решены основные организационные вопросы, определены функции органов Госполитуправления и уточнены полномочия прокуратуры при наблюдении за ними. Законодательное выражение этот период нашел в секретном постановлении ВУЦИК "О

взаимоотношениях ГПУ и органов прокурорского надзора" от 20 сентября 1923 г.¹⁰

Этим постановлением дознание, проводимое органами ГПУ по делам о контрреволюционных преступлениях и военном шпионаже /ст. 57-73 и 213 УК УССР/, в изъятие из УПК, приравнивалось к предварительному следствию. Прокурорский надзор в отношении этих дел мог осуществляться только с момента окончания розыскной разработки и начала формального следствия. Ведущие дела сотрудники ГПУ обязывались выполнять указания прокурора о выполнении требований уголовно-процессуального законодательства при возбуждении уголовных дел, предъявлении обвинения, производстве арестов, обысков и выемок, а также в отношении соблюдения сроков ведения следствия /ст. 5 положения о ГПУ от 22 марта 1922 г. и ст. 112, 119, 131, 148, 178 и 180 УПК УССР/. При всех прочих указаниях по делам о контрреволюции и военном шпионаже действовал следующий порядок: 1/ в случае несогласия начальника отделения с указаниями соответствующего помощника прокурора вопрос переносился на рассмотрение губернского прокурора и начальника губотдела ГПУ; 2/ если вопрос не разрешался на губернском уровне, то его рассмотрением должен был заниматься центр, причем возникшее между органами прокурорского надзора и ГПУ несогласие до принятия окончательного решения действий ГПУ по данному делу не приостанавливало.¹¹

Органы ГПУ в соответствии с декретом ВУЦИК от 6 декабря 1922 г. могли вести предварительное следствие также по делам о бандитизме, разбое и грабеже, совершенном рецидивистом или группой лиц /ст. 76, 2ч. 183 и 184 УК УССР/. Постановлением от 20 сентября 1923 г. устанавливалось, что надзор за такими делами должен осуществляться прокуратурой на основаниях и в порядке, предусмотренных при наблюдении за органами дознания /ст. 104-109 УПК УССР/.¹²

Указания прокуроров 4-го подотдела Отдела Прокуратуры НКЮ

фиксируются в наблюдательных производствах, которые заводились по делам, находящимся в производстве Госполитуправления УССР.¹³ Сюда же приобщались присылаемые уполномоченными ГПУ копии постановлений о приступлении к производству по делу /ст. 112 УПК УССР/, о привлечении лица в качестве обвиняемого /ст. 131/, об избрании меры пресечения /ст. 163/, о прекращении предварительного следствия /ст. 207/ и другие важные материалы дела. К концу 1923 г. наблюдательные производства начинают заводиться и в некоторых губернских прокуратурах для надзора за местными органами ГПУ.¹⁴

Постановление от 20 сентября 1923 г. предписывало органам ГПУ соблюдать ст. 115 УПК, в соответствии с которой законченные следствием производства вместе с обвинительными заключениями должны были направляться прокурору для прекращения или предания суду. Дела о должностных преступлениях /ст. 105-118 УК УССР/ сотрудников ГПУ не ниже начальников отделений губернских органов ГПУ подлежали направлению в Центральное распорядительное совещание в составе прокурора УССР Н.А. Скрыпника и председателя Госполитуправления В.Н. Манцева. Совещание принимало решение о направлении дел к слушанию в чрезвычайную сессию, либо прекращало их. Оно также имело право возвращать дела на доследование.

15

Центральное распорядительное совещание начало регулярно проводиться с лета 1922 г. 15 августа 1922 г. на Совещании были заслушаны доклады по 28 делам о преступлениях сотрудников ГПУ /дело № 334-115 по обвинению работника СОЧ ГПУ Каплан-Моисеева И.М. в спекуляции и даче ложных сведений; дело № 821-130 о бандитизме членов особой группы ГПУ Федорова В.А., Штеймана А.К., Мартыненко В.И., Мирского Б.Я., Иванова М.В., Кобозевой-Ивановой А.К., Игнатова Н.В. и Шустко М.Е.; дело № 1029 сотрудника ОДТОГПУ ст. Дебальцево Брикмана М.Ю., обвиняемого в пьянстве и дискредитации советской власти; дело № 1068 сотрудников особого

отделения ГПУ Стахурского И.Е. и Гормах-Бутлак Я.М. - в преступлениях по должности; дело № 1075 работника особого отдела Харьковского военного округа Житомирского Я.Б. - в расшифровании сексота и др./ Почти все дела были направлены в ЧС. Госполитуправлению УССР было предложено издать циркуляр, предписывающий следователям ГПУ при докладе дел на распорядительном совещании представлять впредь мотивированные заключения, из которых было бы видно, что дела действительно подлежат передаче в ЧС.¹⁶

Работу по рассмотрению следственных производств, присылаемых из ГПУ УССР в 4-й Подотдел, выполняли два прокурора НКЮ Модылевский М.Н. и Заруцкий С.Е. В конце 1923 г. - начале 1924 г. на руках у каждого из них постоянно находилось около 6 производств. В течение 1923 года они рассмотрели 170 законченных ГПУ дел, по которым было вынесено 64 постановления о возвращении к доследованию, 15 дел были прекращены, а материалы по ним направлены в Особую комиссию по административной высылке при НКВД УССР.¹⁷

В состав вышеуказанной комиссии в качестве постоянного члена входил заведующий 4-м подотделом Надзора за органами ГПУ С.А. Янский.¹⁸ Комиссия начала функционировать с 23 ноября 1923 г. К 26 января 1924 г. было проведено 11 заседаний, протоколы которых регулярно представлялись в Отдел Прокуратуры.¹⁹

Об административных высылках уже говорилось в предыдущем разделе диссертации. Однако, в связи с освещением деятельности прокуратуры следует остановиться на отдельном эпизоде. В соответствии с секретным постановлением ЦИК СССР от 28 марта 1924 г. "О правах органов ГПУ в части административных высылки, ссылок и заключения в концентрационные лагеря" общесоюзным органом госбезопасности был составлен список местностей, пребывание в которых административно высылаемым лицам запрещалось. В

список вошли Москва, Ленинград, Харьков, Одесса, Киев, Ростов н/Дону и Крымская АССР.²⁰ В Украине такие местности были определены несколькими днями раньше - 19 марта в постановлении ВУЦИК и Совнаркома "О воспрещении социально-опасным гражданам пребывания в определенных местностях УССР". Такими местностями были объявлены: города Харьков, Киев, Одесса, Екатеринослав, Николаев, Херсон и их окрестности на расстоянии 50-ти верст; Волынская, Подольская и Донецкая губернии; Балтский, Одесский, Николаевский, Херсонский и Елисаветградский округа.²¹ ОГПУ СССР, руководствуясь постановлением от 28 марта и своим списком, стало проводить высылки в местности, перечисленные в украинском постановлении. Противоречие было устранено только после прокурорского протеста и последовавшего вслед за ним ходатайства ВУЦИК в ЦИК СССР о внесении дополнения в союзное постановление.²²

Помимо участия представителя прокуратуры в различных коллегиальных органах и ведения формального контроля /т.е. получения копий всех постановлений по возникающим в ГПУ делам/ к концу 1923 г. 4-й подотдел ввел практический надзор. Он осуществлялся посредством личных докладов уполномоченных ГПУ заведующему подотделом С.А. Янскому. Последний давал разъяснения и предложения по конкретным делам. Кроме того, он направлял в ГПУ УССР письменные указания, отмечая нарушения при производстве предварительного следствия, выявленные в процессе прокурорского надзора. В 1923 г. было дано 22 письменных разъяснения.²³

С 15 декабря 1923 г. подотделом стал проводиться надзор за движением арестованных, числящихся за Госполитуправлением.²⁴ В этом же месяце начинается инструктирование губернских прокуратур по вопросам надзора за местными органами ГПУ.²⁵ Из 63 циркуляров, изданных в 1923 г. Отделом Прокуратуры, 5 было посвящено надзору за ГПУ /о направлении дел о контрреволюционных преступлениях, об обращении в Прокуратуру республики

во всех случаях разногласия между губпрокурором и ГПУ и др./²⁶ В свою очередь ГПУ УССР стало присылать на согласование в 4-й подотдел все свои приказы об улучшении следственного производства.²⁷

Установление более тесного контакта между Отделом Прокуратуры и Госполитуправлением способствовало укреплению авторитета органов прокурорского надзора. Стремление поддержать органы прокуратуры прослеживается в ряде внутриведомственных актов ГПУ УССР. Например, приказом за № 119 от 2 июня 1923 г. был объявлен строгий выговор заместителю Экономического отдела /ЭКО/ ГПУ Александровскому. Прибыв на пожар Доброфлота, он вмешался в дознание, производившееся под руководством губпрокурора, отдавал самостоятельные противоречивые приказания. В приказе подчеркивалось, что подобные действия Александровского "свидетельствуют о недостаточном усвоении им революционной законности и надлежащего отношения сотрудников ГПУ к прокуратуре".²⁸

Организационный период в процессе становления прокурорского надзора за ГПУ совпал с ревизией Отдела Прокуратуры НКЮ УССР по линии Народного комиссариата РКИ. Обследование было произведено старшим инспектором Росток В.Я. и юрконсультком юридической части НК РКИ Заикиным Б.И. с 10 декабря 1923 г. по 25 января 1924 г.²⁹ Результаты были отражены в докладе, значительное место в котором отводилось оценке работы 4-го подотдела Надзора за органами ГПУ.³⁰

Проанализировав работу подотдела, ревизоры РКИ сделали ряд замечаний и сформулировали предложения, основной смысл которых можно свести к следующему:

- 1/ необходимо усилить инструктирование губернских прокуратур в области надзора за местными органами ГПУ;
- 2/ разработать для губернских прокуратур единую схему доклада

/посылаемого в Отдел Прокуратуры/ о работе в области надзора за местными ГПУ;

3/ разработать форму статистического отчета о движении дел, находящихся в следственном производстве ГПУ;

4/ принять меры к улучшению квалификации следственных работников ГПУ;

5/ командировать на организуемые при НКЮ юридические курсы для повышения квалификации прокурорский состав 4-го подотдела.³¹

Свои соображения по поводу замечаний комиссии НК РКИ высказала также Коллегия НКЮ на заседании 22 июля 1924 г. В частности Коллегия оспорила вывод о бессистемности надзора за местными органами ГПУ.³²

Уже в 1923 году было определено, что губпрокуроры обязаны представлять в Отдел Прокуратуры НКЮ периодические /каждые 3 месяца/ и годовые отчеты о надзоре за ГПУ с приложенной к ним статистической ведомостью.³³ Однако, в первых отчетах губернские прокуроры давали самые разнообразные сведения, умалчивая зачастую о главном и существенном.³⁴ Это обстоятельство побудило Прокурора УССР поручить Общему подотделу разработать схемы докладов прокуроров и подумать о введении ежемесячной отчетности вместо трехмесячной.³⁵ Подотдел разработал схему такой отчетности в форме "талона А",³⁶ а к концу февраля 1924 г., обобщив работу по наблюдению за ГПУ, установил основные формы надзора за органами безопасности.

После проведения организационной работы 4-й Подотдел сконцентрировал свое внимание на существе ведения дел в органах ГПУ и, прежде всего, на разграничении следствия и дознания. На протяжении всего 1924 г. прокурорам подотдела приходилось изживать следующие недостатки в работе ГПУ; а/ ведение органами ГПУ следствия по самым разнообразным делам без достаточного на то основания; б/ сосредоточение следователей и

уполномоченных ГПУ на добывании признания обвиняемого, вместо собирания объективных доказательств; в/ длительное ведение следствия; г/ необоснованное применение в качестве меры пресечения содержания обвиняемых под стражей.³⁷

Бороться с этими недостатками было довольно сложно. Прокуратура нередко сталкивалась с низкой квалификацией работников местных ГПУ, а иногда с их полной профессиональной непригодностью.³⁸ Еще труднее было преодолевать консерватизм мышления и стремление отдельных следователей и уполномоченных ГПУ действовать по правилам военного времени.³⁹ Изживая инерцию "красного террора" и наблюдая за тем, чтобы деятельность органов ГПУ соответствовала требованиям нового законодательства, 4-й подотдел согласовывал свои мероприятия с ГПУ УССР, Совместно с Госполитуправлением были изданы циркуляры о порядке ведения дел, о правах ГПУ, как органа дознания, о пересылке дел из одного органа ГПУ в другой, об избрании меры пресечения, о порядке выполнения органами ГПУ предложений лиц прокурорского надзора и др. В течение 1924 г. Отделом Прокуратуры было издано 60 циркуляров по вопросам деятельности органов ГПУ и надзору за ними.⁴⁰ Эта работа дала положительные результаты. Вместо множества конфликтов между прокуратурой и ГПУ, имевших место на периферии в 1923г. и требовавших вмешательства центра,⁴¹ в 1924 г. их было лишь 5. К тому же они носили принципиальный характер.⁴²

Особое внимание было уделено повседневному наблюдению за производством дознания и следствия в органах Госполитуправления и инспектированию по конкретным делам. Согласно неполным данным общее количество дел ГПУ в первом полугодии 1924 г. по сравнению со вторым полугодием 1923 г. уменьшилось с 7393 до 6407, т.е. на 13,5%. Сокращение было достигнуто главным образом за счет изъятия из ведения ГПУ неподследственных ему дел. В указанный период количество прекращенных

прокуратурой дел уменьшилось с 15,5% до 14%, что косвенно говорит о понижении числа необоснованно возбужденных дел. Если по состоянию на 1 января 1924 г. за Госполитуправлением числилось 10980 арестованных, то к 1 июля эта цифра упала до 6743. Последний результат был достигнут не без активного участия прокуратуры в деятельности Особой комиссии по административной высылке. В 1924 г. на заседаниях комиссии представителями прокуратуры было дано 400 заключений по отдельным делам. Работа в Центральном распорядительном совещании за год выразилась в 166 письменных заключениях.⁴³

К сказанному следует добавить, что в рассматриваемый период прокуратурой совместно с ГПУ было проведено несколько компаний по борьбе с фальшивомонетчиками, т.н. "церковной контрреволюцией", нерациональным расходованием средств, несвоевременной выплатой зарплаты и т.д. Под руководством прокуратуры происходило изъятие "контрреволюционного" и преступного элемента на транспорте, разгрузка пограничной полосы от перебежчиков.

4-й подотдел Надзора за ГПУ участвовал в работе Военного Совета и постоянных совещаниях по борьбе с бандитизмом при СНК УССР. Благодаря этому подотдел мог контролировать как работу местных военных совещаний, так и все мероприятия по борьбе с бандитизмом, проводимые органами ГПУ.⁴⁴

Деятельность самого 4-го подотдела с момента его образования находилась под контролем Совнаркома, ВУЦИК и его Президиума. Вопросы, связанные с надзором за ГПУ поднимались на Всеукраинских съездах Советов и работников юстиции.⁴⁵ Создание прокуратуры отнюдь не ослабило партийного контроля за деятельностью органов госбезопасности, но несколько изменило сам его процесс. В приказе № 34 по НКЮ определялось, что все сношения с партийными органами должны носить неформальный характер и выступать в виде "подготовительно-руководственной" работы. Высшие

должностные лица прокуратуры обязаны были в неофициальном порядке выяснять как вопросы политического характера, так и вопросы формирования личного состава органов прокурорского надзора.

Эти неформальные сношения с компартией необходимо было строго выделять из общего делопроизводства, для чего устанавливался следующий порядок:

1/ вся переписка 4-го подотдела прокуратуры с ЦК КП/б/У и др. партийными органами по вопросам надзора за ГПУ не могла проходить за подписями членов компартии, на всех документах первой должна была ставиться подпись прокурора УССР /Н.А. Скрыпника/, второй - заведующего подотделом /С.А. Янского/;

2/ заведующий 4-м подотделом должен был непосредственно вести предварительные переговоры с завучраспредом и заворгинспектором ЦК КП/б/У относительно всех назначений, перемещений и т.п. внутри подотдела;

3/ материалы, отражающие взаимоотношения с партийными органами, подлежали изъятию из следственных, судебных и прокурорских дел и должны были храниться в отдельной папке у заведующего 4-м подотделом;

4/ регистрация вышеуказанных материалов должна была проводиться через секретную регистратуру.⁴⁶

Таким образом, нельзя говорить о самостоятельности прокурорского надзора за ГПУ. Он мог осуществляться только в рамках большевистской доктрины в условиях жесткой кадровой политики партийных органов. В отчете Наркомюста 8-му Всеукраинскому съезду Советов отмечалось, что в 1924 г. личный состав прокурорского надзора почти на 100% состоял из коммунистов /127 из 129/.⁴⁷ О полном "окоммунизировании" прокурорского состава, как большом достижении, говорилось в постановлении "О деятельности Государственной Прокуратуры", принятом 19 февраля 1925 г. IV сессией ВУЦИК VIII созыва.⁴⁸

В поднадзорных органах ГПУ также наблюдался высокий процент членов компартии. Согласно данным Госполитуправления УССР, из 641 сотрудника этого ведомства к 1 ноября 1924 г. 172 являлись коммунистами. В Киевском, Одесском, Волынском, Подольском, Екатеринославском, Донецком, Полтавском и Черниговском губотделах ГПУ данное соотношение выражалось в следующих цифрах: 115-31, 100-23, 84-27, 65-15, 61-23, 55-27, 55-24, 52-19. На 3409 штатных сотрудников органов госбезопасности Украины приходилось 1366 членов КПУ. Практически все руководящие посты занимали коммунисты.

49

Можно сказать, что прокурорский надзор смешивался с партийным контролем и как бы являлся его составной частью. Взаимоотношения партии с органами ГПУ и прокуратуры определялись в различных секретных нормативных актах. Деятельность органов безопасности опиралась на партийные директивы, которыми руководствовались и прокурорские работники при осуществлении надзора. При арестах коммунистов, при возбуждении против них уголовных дел помимо прокуратуры в известность ставились партийные органы. Мнение последних часто являлось определяющим при направлении дел и судебном решении.⁵⁰

Пока компартия проводила курс новой экономической политики, возрастала и роль прокуратуры. К 1925 г. ее авторитет значительно окреп. Опираясь на поддержку партийных органов, она уже довольно эффективно осуществляла надзор за Госполитуправлением. Подтверждением тому может служить не только приведенная выше статистика /за сухостью цифр не всегда просматривается реальная картина происходящего/, но и конкретные эпизоды того времени.

Вот несколько живых примеров. По инициативе органов прокуратуры 28 января 1923 г. была ликвидирована действовавшая в Проскуровском уезде Подольской губернии тройка № 4 по "выкачке" оружия. В отношении ее членов

возбуждено уголовное дело. Следствие установило свыше 40 случаев незаконных публичных расстрелов и факты неправомερных конфискации.⁵¹ Вмешательство прокуратуры в марте 1926 г. положило конец операции дорожно-транспортного отдела ГПУ ст. Кобеляки "по раскрытию банды", а вернее по истязанию крестьян. Слухи о имевших место при арестах и допросах избиениях и самых разнообразных издевательствах дошли до окружного прокурора Онищенко. Он произвел проверку и 6 марта написал докладную записку губпрокурору Яковлеву, а тот в свою очередь перепроводил ее вместе со своим рапортом прокурору УССР. По требованию центра 13 марта губпрокурор и комиссия губкома прибыли на место для выяснения всех обстоятельств. Начальник отдела ГПУ Кутин, линейные агенты Диденко, Мороз и еще 3 сотрудника ГПУ были арестованы. Затем собран сход селян /2000 чел./, где подтвердились массовые нарушения законности. Было возбуждено уголовное дело. А чтобы окончательно успокоить крестьян было решено судебное слушание по делу провести в Кобеляках.⁵² Подобных эпизодов можно привести достаточно много. Именно из них слагался авторитет прокуратуры как органа, надзирающего за законностью и способного противостоять произвол.

Когда же наметился отход от принципов нэпа, то стали меняться и задачи прокуратуры. Теперь партийные органы, как верно подметил исследователь И.Б. Усенко, ориентировали ее не столько на контроль за деятельностью органов ГПУ, сколько на помощь им.⁵³ При этом компартия не полагалась полностью на прокуратуру, а дублировала ее действия. Два раза в месяц ГПУ УССР обязано было отправлять в ЦК КП/б/У спецсводки. В них отмечались мероприятия по борьбе с преступностью, контакты с прокуратурой, а также ситуация в промышленности и сельском хозяйстве, настроение рабочих, крестьян, студентов и т.д.⁵⁴

Нередко прокурорский надзор явно подменялся партийным контролем. Так, в течение всего 1926 г. при Политбюро ЦК КП/б/У работала комиссия по

рассмотрению дел провокаторов - бывших агентов жандармских управлений и охранных отделений. По сути комиссия решала вопросы, входящие в компетенцию прокуратуры. Она направляла дела провокаторов в чрезвычайные сессии или прекращала их. Кроме того, комиссия давала судебным органам рекомендации, а иногда и прямые предписания о том, какой приговор они должны вынести. Довольно часто в протоколах комиссии встречаются формулировки: "считать возможным применение высшей меры социальной защиты", "признать необходимым применение высшей меры", "обойтись без высшей меры, на усмотрение суда".⁵⁵ В данном случае можно говорить о наличии досудебного приговора.

Сворачивание новой экономической политики обозначилось и в постановлениях ВУЦИК и СНК УССР от 9 июня 1926г. и 10 октября 1928г., которые значительно расширили компетенцию органов Госполитуправления. Как уже отмечалось, в соответствии с этими нормативными актами ГПУ было предоставлено право вести дела о должностных, хозяйственных, имущественных и др. преступлениях. Дознание и предварительное следствие по данным делам должно было осуществляться под непосредственным надзором прокуратуры. Руководствуясь постановлением 1926 г. лица прокурорского надзора могли признавать дознания достаточно полными и, в изъятие из УПК, возвращать дела органам ГПУ, производившим эти дознания, для совершения только самых необходимых следственных действий. Следователь ГПУ мог ограничиться предъявлением обвинения, допросом обвиняемого и составлением обвинительного заключения /ст.3/. В постановлении 1928 г. законодатель пошел еще дальше, разрешив прокурорам направлять в органы Госполитуправления любое дело /ст.2/. Эти меры следует рассматривать не как расширение полномочий прокуратуры, а как стремление упростить и ускорить производство по делам.⁵⁶

Согласно постановлению 1926 г. лица прокурорского надзора, получив из

ГПУ дело, могли его прекратить, направить в судебный орган /ст.4/ или возвратить на следствие /ст.6/. Точно также должен был поступать прокурор в соответствии с постановлением 1928 г. /ст. 4, 5/. Кроме того, он мог на 1 месяц продлить срок содержания под стражей лиц, числящихся за Госполитуправлением. В случае несогласия окружного прокурора на продление срока содержания под стражей, представление органа ГПУ о продлении данной меры пресечения отсылалось в Отдел Прокуратуры НКЮ УССР на окончательное разрешение. До получения соответствующего распоряжения срок считался продленным. Продление содержания под стражей на дальнейший срок допускалось лишь с разрешения генерального прокурора УССР или его заместителя /ст. 6/. Мера пресечения, примененная к лицам, числящимся за Особым совещанием при Коллегии ГПУ УССР, могла быть изменена или отменена только самим совещанием или Отделом Прокуратуры НКЮ УССР /ст. 7/.⁵⁷

Одновременно с постановлением от 10 октября 1928 г., уточнившим функции Госполитуправления и прокуратуры по делам ГПУ, ВУЦИК и СНК УССР приняли секретное постановление "О взаимоотношениях органов ГПУ УССР, прокурорского надзора и суда".⁵⁸ Оно отменило секретное постановление от 20 сентября 1923 г.,⁵⁹ но полностью сохранило содержащиеся в нем принципы.

Тогда же было издано новое положение о чрезвычайных сессиях /ЧС/. В основу этого документа легли разработанные в Наркомюсте проекты: 1/ о ЧС Верховного суда УССР, Главного суда АМССР и окружных судов УССР и 2/ о порядке прохождения дел в ЧС этих судов.⁶⁰

По представлению органов прокурорского надзора дела поступали в распорядительные совещания, которые решали вопрос о направлении их в ЧС. Центральное распорядительное совещание состояло из генпрокурора республики, председателя ГПУ УССР и народного комиссара РКИ. Подобным

образом из руководителей соответствующего уровня формировались все остальные распорядительные совещания.

Центральное совещание имело право изымать из общей подсудности и передавать в ЧС дела о вооруженных восстаниях, террористических актах, квалифицированной контрабанде и некоторых других контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления /ст.54², 54³, 54⁴, 54⁵, 54⁷, 54⁸, 54⁹, 54¹³, 56¹⁶, 56²⁴ УК УССР ред. 1927 г./ Оно могло: 1/ направлять дела для доследования любому следственному органу; 2/ изменять квалификацию преступления; 3/ изменять меру пресечения, принятую в отношении обвиняемого и 4/ прекращать дела. К компетенции остальных распорядительных совещаний относились дела о шпионаже /ст.54⁶/, всякого рода деятельности, направленной к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений /ст.54¹¹/, пропаганде и агитации против советской власти /ст.54¹⁰/, контрреволюционном саботаже /ст.54¹⁴/, бандитизме /ст.56¹⁷/, подделке денежных знаков /ст.56²²/ и о недонесении о достоверно готовящихся или совершенных преступлениях /ст. 54¹², 56²³/.

Кроме того, по представлению органов прокурорского надзора в распорядительное совещание могли быть направлены иные дела. А в местностях, объявленных на исключительном положении, прокуроры имели право посылать указанные выше дела непосредственно в ЧС по принадлежности.

Присутствие прокурора было обязательно в тех заседаниях ЧС, в которых не была допущена защита. После вынесения приговора он мог в течение 48 часов вынести протест, а также не пропустить кассационную жалобу, составив о том мотивированное постановление. О смертном приговоре не позже как через час следовало по телеграфу сообщить генеральному прокурору с указанием точного времени вынесения приговора /числа, месяца, часов и минут/, краткой сущности обвинения со ссылкой на соответствующие статьи УК УССР, фамилии, имени, отчества, социального происхождения и

социального положения осужденного, его возраста и др. существенных по делу обстоятельств. Если в течение 48 часов не поступало распоряжение о приостановлении приговора и дело не затребовалось в порядке надзора, а кассационная жалоба не была пропущена, то приговор приводился в исполнение.⁶¹

Следует заметить, что постановление от 10 октября 1928 г. о ЧС, по сравнению с аналогичным постановлением 1924 г., не вводило никаких принципиальных новшеств, в том числе и в отношении полномочий прокуратуры. Видимо его принятие было связано с необходимостью отразить в законодательстве о ЧС изменения в административно-территориальном делении Украины и привести это законодательство в соответствие с новой редакцией УК УССР.

Таким образом, надзирая за ГПУ, 4-й подотдел Отдела Прокуратуры и органы прокурорского надзора на местах в 1928 г. обладали практически теми же правами, что и в предыдущие годы.

Однако понимание этих прав ограничивалось узкими рамками большевистской доктрины. Являясь органической частью советской партийно-государственной системы, прокуратура строила свою деятельность в зависимости от колебаний политического курса.

Становление и развитие надзорной функции прокуратуры не могло, конечно, противостоять глобальной политической прерогативе руководства компартии, которое на протяжении 20-х гг. последовательно инициировало показательные процессы против своих действительных и мнимых противников. В 1921 и 1923 гг. были соответственно организованы и проведены процессы против левых эсеров и меньшевиков. В результате лидеры этих партий были отправлены в концлагеря, а большевики избавились от политических конкурентов.⁶² 1924-1925 гг. отмечены наступлением на украинскую интеллигенцию. Тогда были сфабрикованы дела о шпионской организации "Центр

действия" и об экономическом шпионаже на "Югостали", организованы другие процессы над специалистами народного хозяйства по обвинению их в "технической контрреволюции".⁶³

В конце 20-х гг. началась замена нэпа командно-административной системой управления, обострилась социальная и внутривластная ситуация. Кризис хлебозаготовок /когда крестьяне отказывались сдавать хлеб по низким государственным ценам и т.п./ коммунистическое руководство решило преодолеть путем проведения карательных мероприятий. В мае 1928 г. на закрытом заседании Политбюро ЦК/б/У был заслушан доклад В.А. Балицкого и принято постановление, нацеливавшее органы ГПУ на применение репрессий против "антисоветских элементов в деревне".⁶⁴ Одновременно началось новое наступление на творческую интеллигенцию и "спецов". Увертюрой к массовым репрессиям стало "Шахтинское дело" /1928 г./.⁶⁵ С усилением репрессивно-карательной функции государства стали меняться и приоритеты в прокурорской работе. Центр тяжести переместился на обвинение, а надзор за Госполитуправлением стал подменяться содействием ему. По признанию В.А. Балицкого, органы прокурорского надзора имели реальную возможность влиять на характер приговора только по незначительным делам. "Правильность и суровость репрессий" по делам большого общественно-политического значения всецело зависели от директив центрального аппарата компартии.⁶⁶

Трагически сложилась судьба генерального прокурора УССР Н.А. Скрыпника. С одной стороны, он неизменно поддерживал И.В. Сталина во внутривластной борьбе с различными "оппозиционерами". С другой стороны, Н.А. Скрыпник "одним з перших в країні розгледів небезпеку, яка виходила із сталінських планів створення і принципів функціонування фактично унітарної держави, формування тоталітарного режиму..."⁶⁷ Позднее на февральском Пленуме ЦК ЦК/б/У он, будучи уже наркомом образования, отмечал: "... Методи адміністрування і окрику не можуть стати нашими. Вони не гартують

сил, не виховують і не виховують їх, а навпаки - трощать." ⁶⁸ После этого Н.А. Скрыпник был подвергнут травле и 7 июля 1933 г. покончил о собой.

§ 2 Надзор губернских /окружных/ прокуратур за соблюдением законности в деятельности местных органов ГПУ

Прежде, чем говорить о становлении надзора за ГПУ на местах, необходимо уточнить структуру органов прокуратуры. Она была определена в "Положении о прокурорском надзоре" от 28 июня и "Инструкции прокуратуре УССР" от 10 сентября 1922 г. ⁶⁹ Согласно этим нормативным актам в каждой губернии вводилась должность губернского прокурора. Назначение должно было осуществляться непосредственно прокурором УССР как из работников центра, так и из числа кандидатов, выдвигаемых руководящими местными органами.

Утвержденные 26 сентября 1922 г. Совнаркомом Украины штаты предусматривали должности 12 губернских прокуроров, 77 их помощников по губернскому центру /от 5 до 8 в каждом/ и 88 помощников по уездам, где образовывались прокурорские участки. ⁷⁰ Постановлением от 21 октября 1922 г. Николаевская, Кременчугская и Запорожская губернии были расформированы. ⁷¹ Соответственно количество губпрокуратур сократилось до девяти.

Киевскую губернскую прокуратуру возглавил Михайлик Михаил Васильевич, Харьковскую - Железнодорожный Григорий Абрамович, Черниговскую - Каминский Иосиф Иосифович, Волынскую - Блохин Виктор Яковлевич, Одесскую - Миронов Иван Федорович, Полтавскую - Сметанич Соломон Донович, Донецкую - Мухин Михаил Клементьевич, Екатеринославскую - Славин Иосиф Иеремеевич и Подольскую - Яковлев Ефим Яковлевич. ⁷² Из-за острой нехватки квалифицированных и "политически надежных" кадров в конце 1922 - начале 1923 гг. вся прокурорская работа, в том числе и по надзору за ГПУ, легла именно на их плечи.

В своем первом отчете Яковлев Е.Я. указывает, что с августа по октябрь 1922 г. прокурорский надзор в губернии состоял фактически из него одного. Поэтому ему в первую очередь пришлось заниматься подбором кадров.⁷³ Блохин В.Я. сообщает 10 ноября в центр, что прокурорская работа в Волынской губернии может быть сорвана, поскольку ни в одном уезде, кроме Изяславского до сих пор нет помпрокуроров.⁷⁴ В Екатеринославской губернии к 20 ноября прокуратура была организована только в двух уездах - Никольском и Новомосковском,⁷⁵ а в январе 1923 г. она еще отсутствовала в четырех уездах.⁷⁶ Подобным образом обстояло дело и в других губерниях. Поэтому циркуляр НКЮ УССР №13 от 23 января 1923 г. предписывал временно сохранять на периферии бюро юстиции. Последние обязывались выполнять "различные поручения губпрокуратур, однако, без прав, присвоенных уездным помпрокурорам".⁷⁷

Помощники губпрокуроров назначались прокурором УССР. Списки кандидатов составлялись прокурорами и утверждались губернскими комитетами партии. Кандидат должен был иметь партстаж не ниже, чем с 1919 г. Во всех случаях выполнить это требование не удалось, т. к. лица с необходимым стажем, как правило, уже занимали руководящие посты в других советских учреждениях. По согласованию с парткомами вакантные места занял "молодняк".⁷⁸ Нередко в органы прокуратуры попадали совершенно неподготовленные люди. Например, Донецкий губпрокурор Мухин М.К. задержку в подборе кандидатов на прокурорские должности объяснял тем, что "слишком мало в Донбасе партийных сил, хотя бы в маленькой степени знакомых с теорией и практикой красного права..."⁷⁹

Весной 1923 г. было введено новое административно-территориальное деление УССР.⁸⁰ "Вместо упраздненных 88 уездов были образованы 53 округа и 706 районов, что вызвало изменения в структуре местных органов прокурорского надзора. Стали организовываться окружные прокуратуры. К

примеру, в Черниговской и Одесской губерниях они начали действовать во всех округах в конце апреля.⁸¹ В районах намечалось создание участковых прокуратур, но из-за отсутствия кадров от этого пришлось отказаться.

По мере укомплектования штатов губпрокуроры перекладывали работу по наблюдению за ГПУ на своих помощников по административному надзору. Так, в Одесской губернии эту должность занял Турин А.Н., работавший ранее зампредом губернской ЧК.⁸² В Киевской губернии надзор за органами Госполитуправления был поручен Зорину Алексею Михайловичу, в Подольской - Лондону Даниилу Бенциановичу, в Волынской - Ольгину Якову Алексеевичу, в Екатеринославской - Васильеву Афанасию Гавриловичу и т.д.⁸³

Анализ отчетов губпрокуроров и их помощников позволяет сделать вывод о том, что все сказанное раньше о становлении прокурорского надзора за ГПУ в центре, в полной мере относится и к его организации на местах. Однако, имелись свои особенности.

Первое время на периферии остро ощущался дефицит нормативного материала. Не всегда у лиц прокурорского надзора имелись УК и УПК, не говоря уже о других источниках. Разъяснения из центра по конкретным вопросам надзора приходили с опозданием. Больше всего неясностей было в отношениях с органами Госполитуправления. Так, Екатеринославский губпрокурор Славин И.И. в докладе о деятельности за 1922 г. сообщает: "До сих пор нет намека на прояснение взаимоотношений с ГПУ..." В частности ему не понятно, продолжает ли оставаться единственным и исчерпывающим приказ ГПУ РСФСР № 66 от 4 мая 1922 г., определяющий порядок надзора и утверждения арестов, производимых ГПУ.⁸⁴ Его коллега из Волынской губернии Блохин В.Я. в отчете за 3 месяца 1923 г. также указывает на отсутствие какой-либо ясности в этом вопросе. Кроме того, он отмечает опасную тенденцию, когда органы ГПУ претендуют на руководящую роль в отношении прокуратуры, т.е. законно и незаконно охватывают большую часть

возникающих дел, на запросы прокуратуры не отвечают, требуемых дел не представляют, по вызовам следственных и судебных органов не являются, прибегают к незаконным административным высылкам и переотправкам за границу. Поэтому, по мнению Блохина В.Я., требуются более определенные законодательные нормы.⁸⁵ Об отсутствии положения, регулирующего взаимоотношения с ГПУ, говорится и в докладе Полтавского прокурора Сметанича С.Д. от 25 апреля 1923 г. Это приводит к недоразумению между уполномоченными ГПУ и лицами прокурорского надзора.⁸⁶

Недоразумения имели место также в тех случаях, когда органы ГПУ пользовались такими распоряжениями центра, которые по прокурорской линии не проходили. Первое время прокуратура не получала не только большинство циркуляров Госполитуправления УССР, но даже некоторые специальные постановления правительства, касающиеся тех областей работы ГПУ, которые поднадзорны прокуратуре. Факты, подтверждающие это, содержатся в рапорте Подольского губпрокурора Яковлева Е.Я. от 24 сентября 1923 г., в годовом отчете о деятельности Одесской губпрокуратуры и других документах.⁸⁷ Например, при проверке гласных производств в Одесском губотделе ГПУ прокурор обнаружил, что под стражей уже несколько месяцев содержатся лица, перешедшие границу и не имеющие документов. Он указал на нарушение ст.161 УПК и постановления ВУЦИК от 3 августа 1922 г., согласно которым данная мера пресечения может быть применена лишь по делам о преступных деяниях, предусматривающих наказание в виде лишения свободы. В ответ на замечание сотрудник ГПУ сослался на постановление СНК от 20 апреля 1923 г., о котором прокурор ничего не знал, хотя с момента его принятия прошло уже 3 месяца. Волынский губпрокурор Блохин В.Я. также совершенно случайно узнал о распоряжении ГПУ УССР и ЦК КЦ/б/У № 590 от 27 февраля 1923 г, о безоговорочной отправке в Харьков всех лиц, задержанных при переходе границы.⁸⁸ Еще пример. Начальник Подольского губотдела ГПУ отдал

распоряжение о сосредоточении в отделе всех возникающих в губернии дел о контрреволюции, шпионаже, контрабанде и прочих преступлениях. При том он руководствовался указаниями центра, в то время как губпрокуратура никаких разъяснений не получала.⁸⁹ Подобных примеров можно привести множество.

Стремление хоть как-то упорядочить взаимоотношения прокуратуры и ГПУ в губерниях вылилось в создание временных инструкций. Так, в Подольской губернии прокурором Яковлевым совместно с председателем губотдела ГПУ Заковским была выработана "Инструкция № 1 для помощников прокурора и сотрудников ГПУ".⁹⁰

Согласно этому документу аресты могли производиться только по мотивированному постановлению следователя ГПУ, утвержденному начальником уездотделения или уездуполномоченным ГПУ. Постановление необходимо было составить в течение суток с момента ареста. Копия утвержденного постановления о мере пресечения не позднее 24 часов направлялась помощнику прокурора. Последний, получив ее, обязан был немедленно завести отдельное наблюдательное производство, в котором должна была храниться вся переписка по делу. Помощник прокурора мог не согласиться с мерой пресечения, составив соответствующее постановление и направив его копию начальнику уездотделения ГПУ. Если тот не соглашался с помпрокурора, то вопрос подлежал рассмотрению на губернском уровне.

Инструкция давала помощнику прокурора право знакомиться с делами ГПУ и делать указания как относительно ведения дознаний, так и прекращения или направления их. Однако, органам ГПУ предоставлялась самостоятельность в ведении секретно-агентурной разработки по заданиям центра и по делам, возникающим на местах.

В инструкции подчеркивалось, что содержание обвиняемых не должно противоречить УПК. Помощник прокурора имел право следить за содержанием арестованных и давать соответствующие указания, исполнение которых было

для ГПУ обязательно. По делам, находящимся в производстве более 2-х месяцев, сотрудник ГПУ должен был составить особое постановление с объяснением причин длительности дознания и представить его помощнику прокурора. Ему же отсылались все законченные производством дела вместе с обвинением или постановлением о прекращении для заключения и дальнейшего направления. Кроме того, в обязанность ГПУ вменялось каждые две недели представлять в прокуратуру отчетность о движении дел и арестованных.

В Киевской губернии 12 октября 1922 г. также была принята "Временная инструкция для органов Госполитуправления о порядке осуществления прокурорского надзора и о направлении дел".⁹¹ Она была составлена помощником прокурора по административным делам Зорины А.М., который находился в должности с 18 сентября, обладал высокой квалификацией и являлся постоянным консультантом губпрокурора Михайлика М.В. по всем правовым вопросам.⁹²

Из текста "Временной инструкции..." видно, что при ее разработке Зорин опирался на постановление об организации Госполитуправления, положение о прокурорском надзоре и УПК УССР. Одновременно ему приходилось учитывать особый характер деятельности органов ГПУ. Так, инструкция подтверждала все, установленные ранее для ГПУ, сроки /24 часа на сообщение прокурору о принятии дел к производству и арестах, две недели со дня ареста на предъявление обвинения, не более двух месяцев на проведение дознания и следствия/ и порядок прокурорского надзора. Однако, по соглашению губпрокурора и начальника отдела ГПУ могли устанавливаться иные правила в отношении секретных дел. Органы ГПУ сами решали какое дело имеет особо секретный характер и могли требовать, чтобы ознакомление с ним осуществлялось непосредственно губпрокурором.⁹³

Приказ № 168/235 по Киевскому губотделу ГПУ от 14 октября 1922 г. предписывал уполномоченным ГПУ и их помощникам принять к руководству

указанную выше инструкцию и неуклонно исполнять ст.ст.113-118, 121, 131-150, 152-208, 210-214 УПК УССР. В ст. 125 и 151 вносились изменения, согласно которым председатель Киевского отдела ГПУ или начальник секретно-оперативной части должен был решать вопрос об отводе следователя ГПУ и об изменении меры пресечения, когда следователь и прокурор не пришли и согласию.⁹⁴

26 октября Зорин А.М. предложил губотделу ГПУ в дополнение к "Временной инструкции..." издать еще один приказ. В нем предусматривалось закрепить такой порядок, чтобы обо всех производимых Киевским отделом ГПУ дознаниях и арестах сообщалось помощнику губпрокурора по административному надзору /т.е. Зорину/. Ему же предлагалось направлять сведения о всех имеющихся делах по следующей форме: 1/ № дела, 2/ фамилии потерпевших; 3/ фамилии подозреваемых; 4/ фамилии арестованных с указанием какого числа произведен арест; 5/ какого числа было предъявлено обвинение; 6/ в какой стадии следствия находится дело; 7/ если арестованные по этому делу содержатся свыше двух месяцев, то необходимо составить мотивированное отношение прокурору по административным делам с просьбой на их дальнейшую изоляцию. Уездные отделения ГПУ обязывались отсылать аналогичные сведения уездным помощникам губпрокурора.⁹⁵

Из объяснительной записки губпрокурора Железногорского Г.А. от 20 ноября 1922 г. следует, что и в Харьковской губернии была выработана точная инструкция, разъясняющая органам ГПУ необходимость выполнения требований УПК при возбуждении производства по уголовным делам /ст. 96-100/, ведении дознания /ст. 102-105, 107, 109/ и применении меры пресечения /ст.148, 149/.⁹⁶

22-23 февраля 1923 г. состоялось совещание членов Подольской губпрокуратуры. Собравшиеся постановили: "... ввиду того, что на местах в каждой губернии вырабатываются свои инструкции о взаимоотношениях с

ГПУ, просить прокурора республики ускорить присылку общей инструкции..."
97

Таким образом, губернские прокуроры, налаживая надзор за органами Госполитуправления, первое время практически не ощущали поддержки центра. Ревизоры НК РКИ Заикин Б.И. и Росток В.Я., составившие доклад о работе Отдела Прокуратуры НКЮ УССР в 1922-1923 гг., отмечали, что инструктивная работа в области надзора за ГПУ до декабря 1923 г. "совсем не проявлялась".⁹⁸ Поэтому губпрокуроры по соглашению с начальниками губотделов ГПУ вынуждены были самостоятельно вырабатывать инструкции, регулирующие взаимоотношения органов прокуратуры и ГПУ на местах. Лишь после утверждения Всеукраинским ЦИК 20 сентября 1923 г. секретного постановления и создания в конце ноября специального 4-го подотдела Отдела Прокуратуры,⁹⁹ инструктивная работа начала оживляться. В декабре 1923 г. в губернии стали поступать разъяснения о том, как следует вести наблюдение за органами Госполитуправления.¹⁰⁰

Помимо инструкций губпрокуратуры издавали циркуляры и приказы по конкретным вопросам надзора за ГПУ. В большинстве случаев в них поясняется содержание норм уголовного и уголовно-процессуального кодексов, положения о прокурорском надзоре, отмечаются выявленные нарушения законности и даются указания. Так, Волынский губпрокурор Блохин В.Я. в циркуляре от 21 мая 1923 г. напоминает окружным прокурорам, что согласно § 11 "Инструкции прокуратуре УССР" наблюдение за ГПУ является одним из направлений прокурорского надзора. Поэтому он предлагает им неуклонно следить за соблюдением органами ГПУ сроков и гарантий, установленных действующим УПК и положением о ГПУ. В частности Блохин обращает внимание окрпрокуроров на: 1/разгрузку органов ГПУ от неподведомственных им дел; 2/ускорение направления дел, законченных следствием, по подсудности; 3/обсуждение вопроса о возможности изменения меры пресечения для лиц,

содержащихся под стражей; 4/ общее ускорение движения дел.¹⁰¹

Циркуляр Черниговской губпрокуратуры от 29 мая 1923 г. предписывал лицам прокурорского надзора на местах усилить надзор за органами Госполитуправления и, прежде всего, следить за соблюдением требований ст. 97-101, 105-108 УПК.¹⁰² Полтавский губпрокурор Сметанич С.Д. "в интересах более продуктивной работы" обязал окрпрокуроров лично, а не через помощников, вести наблюдение за проводимыми ГПУ дознаниями и следствиями.¹⁰³ За первые три месяца 1923 г. окружные прокуроры получили от него также руководящие разъяснения о направлении законченных ГПУ производств, порядке утверждения арестов и продления сроков содержания под стражей, ведении наблюдательных производств по делам ГПУ и упорядочении всего делопроизводства.¹⁰⁴

В этот же период Полтавской губпрокуратурой была издана подробная инструкция по составлению обвинительных заключений. Сотрудникам ГПУ разъяснялось, что заключение должно состоять из двух частей: "исторической" /описательной/ и резолютивной. В первой части следователь ГПУ должен был точно и сжато изложить все обстоятельства дела, установленные на предварительном следствии и важные для определения состава преступления. Эта часть должна была содержать доказательства виновности обвиняемого по существу предъявляемого ему обвинения. Работнику ГПУ предписывалось излагать все данные объективно, без своих личных предположений, в такой последовательности, чтобы само преступление и виновность обвиняемого были очевидны. Резолютивная часть должна была представлять собой логический вывод из первой. Здесь указывались сведения о личности обвиняемого и о вменяемом ему в вину преступлении, когда, где, при каких обстоятельствах и по каким мотивам оно совершено. Действия обвиняемого следовало описывать так, чтобы налицо были все признаки, образующие состав преступления и отличающие его от схожих преступных деяний.¹⁰⁵

Прокуратурой Одесской губернии была разработана обстоятельная инструкция по ведению уголовных дел и наблюдательных производств, на места разосланы бланки соответствующих форм.¹⁰⁶ Кроме того, Одесской губпрокуратурой в течение 1923 г. были изданы и направлены в ГПУ следующие циркуляры: 23.02. - об обязательном препровождении в места заключения вместе с арестованными копий постановлений об избрании меры пресечения, о составлении протоколов дознания в надлежащем порядке и аккуратности, о прикреплении к вещественным доказательствам ярлыков с указанием на них № дела; 7.05. - о порядке подтверждения арестов /ст. 106 УПК/; 10.05.- об обязательном соблюдении при направлении дознаний ст. 107 и 108 УПК; 23.08. - о толковании главы VIII УПК "О дознании"; 4.10.- о необходимости при сообщении о задержании указывать не только ст. УК, но и степень важности преступления, силу улик и вероятность уклонения обвиняемого от суда и следствия /ст. 150 и 161 УПК/.¹⁰⁷ Циркуляры подобного содержания принимались во всех губерниях.¹⁰⁸

Постановления высших партийных и государственных органов, имеющие отношения к надзору за ГПУ, также проводились через циркуляры губернских прокуратур. Например, в циркуляре Подольской губпрокуратуры № 176/С от 17 января 1923 г. всем уездным прокурорам и начальникам отделений ГПУ разъясняются принятые в 1922 г. Всеукраинским ЦИК постановления об административной высылке и о борьбе с уголовным бандитизмом и контрабандой.¹⁰⁹ В циркуляре Киевской губпрокуратуры говорится о том, что лица прокурорского надзора при направлении расследуемых ГПУ дел должны руководствоваться постановлением ВУЦИК от 17 июля и инструкцией НКЮ и НКВД от 3 августа 1922 г.¹¹⁰

Волынский губпрокурор в циркуляре от 13 июня 1923 г. сообщает о состоявшемся в мае совещании членов комиссии СНК УССР и Полномочного Представительства ГПУ на Правобережной Украине, которое разъяснило

порядок направления дел о преступлениях сотрудников Госполитуправления. Руководствуясь решением совещания, Волгубпрокурор постановил: а/ дела об ответственных работниках, занимающих должности не ниже начальника отделения, подлежат направлению в центр через Волынский губотдел ГПУ; б/ все остальные дела - в распорядительное совещание для вынесения постановления о рассмотрении их в чрезвычайной сессии губсуда.¹¹¹

Однако, несмотря на все разъяснения губпрокуроров, местные органы ГПУ с трудом привыкали к требованиям нового законодательства. Так, дознания, проводимые Одесским и Волынским губотделами ГПУ, первое время значительно отклонялись от УПК и часто возвращались прокуратурой для дополнения.¹¹² Из доклада прокурора Криворожского округа Тынока за второй квартал 1923 г. следует, что в отличие от других органов дознания, ГПУ упорно продолжает нарушать ст. 105-107 УПК.¹¹³ Согласно отчета Александрийского окрпрокурора Тимченко за тот же период, поднадзорные ему органы ГПУ ограничиваются лишь двумя статьями уголовно-процессуального кодекса: "76, под которую подводятся и легкое телесное ранение, и хранение оружия и т.п., при должностных преступлениях применяется только ст. 110 УПК".¹¹⁴ Со слов Первомайского прокурора Сахно, ГПУ неправильно направляет дела и вещественные доказательства, т.к. недостаточно знакомо с УПК.¹¹⁵

Подольский губпрокурор отмечает не только малую осведомленность сотрудников ГПУ с УПК, но "зачастую даже полную неспособность и непригодность к работе".¹¹⁶ Его коллега из Полтавской губернии объясняет слабую деятельность отделения ГПУ на периферии наличием старых неподготовленных кадров при повысившихся квалификационных требованиях.¹¹⁷ Именно по этой причине начальник Елисаветградского отделения ГПУ Гарин уволил всех прежних агентов,¹¹⁸ а председатели Киевского и Донецкого губотделов обратились к своим губернским прокурорам с просьбой прочитать полный курс материального и процессуального права по кодексам УССР.¹¹⁹

Лекционная работа была проведена во всех губерниях. Положения кодексов до работников ГПУ доводились также на совещаниях и съездах органов дознания. Например, в Балтском округе Одесской губернии в первом полугодии 1923 г. прошло совещание и были прочитаны 4 лекции по "красному праву". В Одесском и Херсонском округах состоялись съезды, участники которых прослушали доклады по основным принципам законодательства и конкретным вопросам применения норм УК и УПК.¹²⁰

В ряде случаев отмечались серьезные трения и даже прямое неподчинение ГПУ прокурорскому надзору.¹²¹ Исследователь Жак Росси вообще ставит под сомнение реальность надзора. В своем справочнике он пишет: "Формально прокуратура проверяет органы... госбезопасности. На деле же работники прокуратуры хорошо понимают, что во-первых, их личное благополучие зависит от органов госбезопасности и, во-вторых, что если органами и нарушается законность, то это, вероятно по указанию партии..."¹²² Факты, подтверждающие его позицию, встречались довольно часто. Однако, в данном случае нельзя говорить о системе, поскольку существовало достаточно и противоположных примеров. Причем именно партийные органы оказывали ощутимую помощь в становлении прокурорского надзора за ГПУ.

В ноябре 1922 г. вопрос о подчинении ГПУ законным требованиям прокуратуры разбирался на особом заседании Черниговского комитета партии. Органам Госполитуправления было предложено безоговорочно выполнять предписания губпрокуратуры.¹²³ Харьковский губернский комитет с самого начала в работу прокуратуры старался не вмешиваться. Когда же в декабре 1922 г. Сумским ГПУ был арестован помощник прокурора Шацилло, губком командировал в Сумы прокурора Топорина, предоставив ему широкие полномочия по партийной линии. В результате заведующий отделом ГПУ Гревцов, арестовавший Шацилло, был незамедлительно снят с должности.¹²⁴

Сложнее обстояло дело в Одесской губернии. В докладе прокуратуры за

1922/23 операционный год сообщается, что "губком не знает с какой педантичной последовательностью проводит административный надзор прокуратуры Республики и каковы ее требования, предъявляемые к губернской прокуратуре". Поэтому он принижает роль прокурорского надзора. В качестве характерного примера приводится инцидент с Одесским окрпрокурором Снеговым П.Л. В мае 1923 г. Снегов предпринял поездку по округу и выявил случаи незаконного раскулачивания. При полной поддержке окрисполкома нарушения стали устраняться. Между тем, вследствие давления комбеда через своих партийных членов на парторганы, вокруг деятельности Снегова создалась нездоровая обстановка. По линии ГПУ пошли информационные сводки, в которых он обвинялся в контрреволюции и открытом пособничестве кулацкому элементу. Одновременно окружной партком обратился в губернский комитет партии с ходатайством о снятии Снегова с работы. Присутствовавший на заседании бюро губкома Одесский губпрокурор Миронов И.Ф. пытался отстаивать своего подчиненного, но ему не дали слова, считая, что "взгляд прокуратуры... не может повлиять на разрешение вопроса о Снегове, который подлежит снятию с работы в Одесском округе безусловно". По мнению губпрокурора, складывается опасная ситуация, когда окружные партийные и советские органы начинают видеть в прокуратуре фигуру, которой "нечего рыпаться" со своей "революционной законностью", т.к. губком в любую минуту может эту фигуру убрать. Миронов указывает на явное нарушение директив ЦК КП/б/У, в частности циркуляра № 546 за 1922 г., предписывающего местным парткомам чутко и внимательно относиться к органам прокуратуры, оказывать им всестороннюю помощь.¹²⁵

В конце ноября 1923 г. в Донецкой губернии состоялся пленум губернского комитета партии. В принятой резолюции предлагалось усилить авторитет прокуратуры, установить с ней тесную связь путем кооптирования лиц прокурорского надзора в президиум губкома и окрпартколлегии с правом

совещательного голоса. Пленум обязал всех членов партии всемерно содействовать органам прокуратуры в борьбе с нарушениями революционной законности.¹²⁶ Когда в губернии произошел конфликт между новым губпрокурором Макаренко и прокурором Сталинского округа Лавровым, партийные органы поддержали последнего. В личном письме секретаря окрпарткома Моисеенко прокурору УССР Скрыпнику подчеркивается, что "с приездом т. Макаренко в институт прокуратуры был введен метод чрезмерного формализма и чиновничества, в результате чего и подрывался авторитет прокуратуры в целом".¹²⁷

О всех конфликтных ситуациях прокурор республики узнавал также из квартальных и годовых отчетов губернских прокуроров. В них обязательно давалась оценка взаимоотношений прокуратуры с партийными органами и ГПУ. Через прокурора УССР губпрокуроры могли в соответствии со ст. 10 "Положения о прокурорском надзоре" опротестовать в Совнарком или Президиум ВУЦИК незаконные распоряжения и постановления местных органов.¹²⁸ Однако, в большинстве случаев до этого не доходило, т.к. протест удовлетворялся соответствующим исполкомом. Например, Полтавский губисполком по представлению прокурора Сметанича отменил приказ ГПУ о регистрации амнистированных бандитов.¹²⁹

Взаимоотношения прокуратуры и ГПУ нередко зависели от способности руководителей этих органов устанавливать личный контакт. Именно благодаря ему было быстро ликвидировано упорство со стороны Криворожского и Александрийского окротделений ГПУ в признании прокурорского надзора. Окончательно все проблемы были сняты на объединенном совещании губернского прокурора, начальников милиции, уголовного розыска и ГПУ.¹³⁰ Елисаветградский окружной прокурор отмечает полное взаимопонимание с председателем отделения ГПУ и относит на его счет все достижения в области раскрытия преступлений.¹³¹

О качестве и результативности надзора за местными ГПУ можно судить по докладам прокуроров и их помощников по административным делам. Рассмотрим, к примеру, становление надзора в Волынской губернии. В докладе от 5 декабря 1922 г. губпрокурор сообщает, что органы ГПУ начинают приводить свою деятельность в соответствие с положением о прокуратуре.¹³² В докладе от 5 декабря 1923 г. он отмечает рост авторитета прокуратуры и указывает на большое число письменных запросов, с которыми сотрудники ГПУ "обращаются за указаниями по возникающим в их служебной практике затруднениям и недоразумениям".¹³³ В отчете за первые три месяца 1923 г. говорится о неполноте проводимых Волынским губотделом ГПУ дознаний, несоблюдении уполномоченными требований УПК УССР. "Эти недостатки, - считает Волгубпрокурор Блохин В.Я., - связаны с тем, что нет кадров, чтобы надзор за ГПУ поручить отдельному работнику".¹³⁴ Прогресс в организации наблюдения за органами ГПУ /как следует из отчета за 2-й квартал 1923 г./ наметился с утверждением Ольгина А.Я. в должности старшего помощника губпрокурора по админнадзору. Он стал регулярно посещать губотдел ГПУ, лично наводить справки по всем жалобам и руководить производством дознаний. Волгуботдел сразу заметно разгрузился от неподследственных дел, увеличились темпы работы. В прокуратуру начали поступать ходатайства отдела о продлении срока изоляции арестованных. В отчетный период их было 4. В остальных случаях дознания заканчивались раньше двух месяцев. Органам ГПУ были даны разъяснения о необходимости предварительного соглашения с губпрокурором арестов народных следователей и порядка направления дел для применения административной высылки.¹³⁵

Отделение административного надзора Харьковской губпрокуратуры с 21 апреля 1923 г. возглавил Пасечник. Он обнаружил, что органы ГПУ принимают к своему производству дела,

давно изъяты из их ведения. К тому же по этим делам они вели не дознания, а следствия, затягивающиеся на несколько месяцев, без санкции на то прокурора или ВУЦИК. Благодаря проделанной работе эти и другие недостатки были устранены к концу июля. За это время Пасечник затребовал в порядке надзора 52 дела, дал 21 заключение о прекращении, 27 дел направил в судебные инстанции. Им было дано 63 предложения об ускорении дел и 18 об освобождении из-под стражи. Было заведено 79 наблюдательных производств, ГПУ посещалось 13 раз.¹³⁶ В сентябре 1923 г. Харьковский губпрокурор докладывал о полном контакте с органами Госполитуправления. За 9 месяцев произошло только 2 конфликта - в Купянске и Изюме. Они были немедленно ликвидированы, заведующий Купянским отделением ГПУ отстранен от должности.¹³⁷

В Екатеринославской губернии наблюдение за ГПУ сначала осуществлял заведующий административного отделения Викторов А.В. С середины июля 1923 г. это направление надзора было усилено с назначением Васильева А.Г. прокурором при ГПУ.¹³⁸ В Подольской губернии за соблюдением законности в деятельности ГПУ следил Лондон Д.Б. и т.д.¹³⁹ Их усилия, главным образом, были сосредоточены на: 1/ точном учете дел и обвиняемых; 2/ соблюдении установленных законом сроков; 3/ закономерном и целесообразном применении мер пресечения; 4/ разгрузке ГПУ от неподследственных дел и 5/ упорядочении сношений и всего делопроизводства.¹⁴⁰

О результатах работы прокуроров, надзирающих за ГПУ, можно судить

по приводимым в отчетах цифрах. Обратимся, например, к отчету о работе Киевской губпрокуратуры в 1-ом полугодии 1923 г. Если, на 1 января наблюдательных производств по делам, находящимся в производстве ГПУ, в Шевченковском округе было заведено 2, в Черкасском -1, а в Бердичевском они вовсе отсутствовали, то уже на 1 июля производств соответственно было 77, 20 и 41. Всего в Киевской губернии число наблюдательных производств к концу отчетного периода возросло в 4 раза. В то же время число арестованных уменьшилось приблизительно во столько же раз. Органы ГПУ стали более часто применять иные меры пресечения.¹⁴¹

В отчетах приводятся данные о работе чрезвычайных сессий /ЧС/. Первое время расследуемые ГПУ дела направлялись в ЧС довольно редко. Так, 20 января 1923 Полтавский губпрокурор Сметанич докладывает прокурору УССР, что из-за отсутствия конкретных указаний центра в ЧС до сих пор рассмотрено только одно дело. 29 декабря 1922 г. сотрудник ГПУ Гулягин, обвинявшийся в изнасиловании и убийстве был приговорен к высшей мере наказания.¹⁴² После разъяснений Наркомюста число направляемых в ЧС дел увеличилось. Например, в марте 1923 г. в ЧС Подольского губернского суда поступило 49 законченных ГПУ дел. По ним было осуждено 39 человек: за шпионаж и участие в контрреволюционных выступлениях - 11, за бандитизм и разбой - 28. Из них 24 человека были приговорены к расстрелу, а 15 - к лишению свободы на разные сроки.¹⁴³ Рост числа дел, направляемых в ЧС отмечается в докладе о работе Волынской губпрокуратуры во 2-ом квартале 1923 г.¹⁴⁴

К концу 1923 г. губернские прокуратуры начинают более менее регулярно присылать вместе с докладами статистические ведомости и таблицы, отражая в них движение дел и арестованных, числящихся за ГПУ. Там также содержались данные о деятельности прокурорского надзора за органами ГПУ: количество протестов и посещений мест заключения, число прекращенных и направленных

по подсудности дел и т.д.¹⁴⁵

В рассматриваемый период было много путаницы при организации надзора за особыми и транспортными отелами ГПУ. Руководствуясь п.16 положения о прокурорском надзоре, его проводили губернские и окружные прокуратуры. Параллельно с ними надзор осуществляли военные прокуроры, состоящие при военных и военно-транспортных трибуналах. На территории Украины транспортных трибуналов было три: 1/ Южных и Донецких железных дорог в Харькове; 2/ Юго-Западной железной дороги и водного транспорта Верхнеднепровского линейного отдела Южного округа путей сообщения в Киеве и 3/ Екатеринославской железной дороги и Одесского линейного отдела в Екатеринославле. Штаты их прокуратур вместе с техническим персоналом, утвержденные 26 сентября 1922 г. Совнаркомом, включали 22 человека.¹⁴⁶

Осенью 1923 г., в связи с запросом Донецкого губпрокурора о том, состоят ли органы железнодорожного отдела ГПУ под надзором губернской прокуратуры, прокуратурой УССР на места был разослан циркуляр. Всем губпрокурорам и прокурорам военно-транспортных трибуналов разъяснялось: "С точки зрения формальной /п.16 положения о прокурорском надзоре/ общегражданской прокуратуре подчинены и органы железнодорожных отделов ГПУ. С точки же зрения целесообразности и считаясь с особым характером задач, присвоенных транспортным отделам ГПУ /§ 2, 3, 4 положения о ГПУ/ административный надзор за ними следовало бы изъять из ведения губпрокуратуры и передать прокуратуре военно-транспортных трибуналов..."¹⁴⁷

Однако это требование до конца не выдерживалось. В отчете о работе Екатеринославской губпрокуратуры за 3-ий квартал 1923г. сообщается, что из-за отдаленности прокуратуры транспортного ревтрибунала без наблюдения остаются транспортные отделы ГПУ. Поэтому надзор за ними был поручен админотделу губпрокуратуры, а на периферии - окрпрокурорам.¹⁴⁸

Аналогичное решение было принято на совещании членов Подольской губпрокуратуры.¹⁴⁹ Действующее на территории Херсонского округа водно-транспортное отделение Госполитуправления направляло дела прокурору военно-транспортного трибунала и Одесскому губпрокурору. Создавалась ненужная волокита. Это побудило губернского прокурора в годовом отчете ходатайствовать о подчинении указанного отделения ГПУ в интересах дела общему прокурорскому надзору.¹⁵⁰

На местах также возникали недоразумения в связи с осуществлением функций прокурорского надзора за особыми отделами ГПУ. Приказом Военной прокуратуры Верховного суда РСФСР, НКЮ и ГПУ УССР от 16 августа 1923 г. надзор за делами о преступлениях военнослужащих, находящихся в производстве всех без исключения особых органов Госполитуправления УССР /Особого отдела ГПУ УССР, особых отделов при губотделах ГПУ, корпусных и дивизионных особых отделениях, военных группах окротделов ГПУ/ был возложен на прокуратуру Украинского военного округа /УВО/ и корпусные прокуратуры по принадлежности.¹⁵¹

В циркуляре прокурора УССР и прокурора УВО, изданном в октябре 1923 г., разъяснялось, что в тех губерниях и округах, где нет военного прокурора или его помощника, надзор за особыми отделами ГПУ поручается губернскому прокурору или его помощнику. Причем они обязаны о всех своих действиях ставить в известность соответствующего военного прокурора или, по указанию последнего, его помощника.¹⁵²

Таким образом, к концу 1923 г. закончился организационный период в становлении прокурорского надзора за местными органами Госполитуправления. Этот процесс в губерниях шел по-разному и был сопряжен с конфликтами и недоразумениями. Нередко сотрудники ГПУ отказывались подчиняться законным требованиям прокурорского надзора. Конфликты разрешались при посредничестве партийных и советских органов.

Основную работу по утверждению надзора проводили губпрокуроры и их помощники по административным делам. За отсутствием указаний центра, губернские прокуроры вместе с начальниками губотделов ГПУ самостоятельно вырабатывали инструкции, регулирующие взаимоотношения подчиненных им органов. Реальную помощь губпрокуратуры начали ощущать с учреждением 19 ноября 1923 г. в составе прокуратуры УССР специального подотдела по наблюдению за ГПУ.

Результаты деятельности губернских прокуратур были учтены указанным выше подотделом при выработке плана работы на 1923/24 бюджетный год. Органам прокурорского надзора на местах предлагалось:

- 1/ охватить надзором все органы ГПУ;
- 2/ усилить наблюдение за их деятельностью, за детальной разработкой дел, которые в последствии должны поступать в ЧС;
- 3/ способствовать улучшению кадров следственных работников ГПУ, особенно на периферии;
- 4/ совершенствовать присылаемые в прокуратуру органами ГПУ формы отчетности;
- 5/ установить правильные и единообразные отношения органов прокурорского надзора с ГПУ;
- 6/ нацеливать органы ГПУ на более вдумчивое отношение к возбуждаемым ими делам;
- 7/ обратить внимание местных ГПУ на более быстрое разрешение дел, в которых заинтересованными лицами, либо обвиняемыми являются рабочие и крестьяне.

Действуя по указанным направлениям, органы прокурорского надзора на местах достигли реальных результатов. Почти на 100% были охвачены наблюдательными производствами дела, находящиеся в органах ГПУ. По сравнению с 1923 г. средняя длительность следственных дел сократилась с 6 до

3 месяцев. Количество арестованных, числящихся за ГПУ, уменьшилось на 30%. Стало значительно меньше конфликтных ситуаций.¹⁵⁴

Однако, качество надзора за ГПУ в округах было ниже, чем в губерниях. Губпрокуроры занялись устранением этого недостатка. Так, например, Харьковский губернский прокурор Железнодорожный, его заместитель Волков и помощник по админнадзору Топорин летом 1924 года провели обследование окружных прокуратур. Было установлено, что надзор за органами ГПУ часто ведется формально, не охватывая всех возникающих там дел. По результатам обследования был издан приказ № 81. Лицам прокурорского надзора предлагалось установить регулярную связь с ГПУ путем своевременного получения извещений по всем наружным дознаниям. Предписывалось неуклонно следить за сроками производства дел.¹⁵⁵

В объяснительной записке к плану работы НКЮ УССР и его местных органов на 1924/25 год указывалось, что в области надзора за ГПУ никаких принципиально новых задач не ставится. По-прежнему планировалось усилить наблюдение за деятельностью органов ГПУ, расположенных в округах и приграничной полосе, а также принять меры к разграничению следственной работы ГПУ от агентурно-розыскной.¹⁵⁶

В 1925 г. произошли изменения в структуре органов прокуратуры. В соответствии с постановлением ВУЦИК от 3 июня "О переходе на трехстепенную систему управления" губернии были ликвидированы, а вся территория Украины разделена на 41 округ.¹⁵⁷ Основными органами прокурорского надзора на местах стали окружные прокуратуры. 20 из них были отнесены к первой категории, 17 - ко второй, 4 - Харьковская, Киевская, Екатеринославская и Одесская - находились вне категорий. Штаты окрпрокуратур, определенные 6 июля 1925 г. Совнаркомом, включали соответственно по 18, 15 и 24 должности.¹⁵⁸

На местах были созданы ликвидационные комиссии. Харьковская

губернская прокуратура была расформирована постановлением ликвидационной комиссии от 10 июля 1926 г. Находящиеся в производстве административного отдела дела предписывалось немедленно переслать вместе со всей перепиской окрпрокурорам по принадлежности.¹⁵⁹ Так, часть наблюдательных производств была отослана Изюмскому окружному прокурору Никитину С.Г. Возглавляемая им прокуратура относилась ко 2-й категории. На примере ее деятельности рассмотрим дальнейшее становление прокурорского надзора за ГПУ на периферии.

На территории Изюмского округа находился окружной отдел Госполитуправления и три транспортных поста ГПУ на станциях Изюм, Барвенково и Балаклея. Согласно доклада окрпрокурора за 1924/25 операционный год наблюдение за этими органами велось чрезвычайно слабо, что отразилось на качестве их работы. Положение трудно было поправить из-за установившегося у сотрудников ГПУ неправильного взгляда на функции прокуратуры. К концу отчетного периода надзор все же наладить удалось.¹⁶⁰ С осени 1925 г. прокуратура стала работать по месячным планам. Например, в октябре планировались следующие мероприятия в области надзора за ГПУ:

- а/ посещение и проверка дел окружного отдела ГПУ - 2 раза;
- б/ посещение и проверка поста ТОГПУ ст. Изюм - 1 раз,
- в/ вызов уполномоченного экономического отделения окротдела ГПУ с докладом - 2 раза;
- г/ вызов уполномоченного контрреволюционного отделения окротдела ГПУ с докладом - 2 раза;
- д/ вызов начальника поста ТОГПУ ст. Изюм - 1 раз;
- е/ совещание с работниками ГПУ - 1 раз.¹⁶¹

В ноябре и декабре предполагалось провести такие же мероприятия и

посещение постов ТОГПУ на станциях Барвенково и Балаклея.¹⁶²

Из отчета прокуратуры за октябрь и ноябрь 1925 г. следует, что все

пункты месячных планов были выполнены, кроме проведения совещания. Надзирающий за ГПУ 4-й помощник окрпрокурора Бабий сосредоточил свое внимание на личном ознакомлении со всеми имеющимися в ГПУ делами и даже по ним письменных указаний. Устные указания давались во время докладов уполномоченных или при посещении органов ГПУ. Все требования прокуратуры выполнялись. По ее инициативе органы ГПУ возбудили 5 дел. В отчетном периоде прокуратурой велось 17 наблюдательных производств. 6 дел ГПУ было прекращено, 7 направлено в судебно-следственные органы, 1 возвращено на доследование. Выполняя задание центра органы прокуратуры и ГПУ активно участвовали в компаниях по пресечению ажиотажа и спекуляции, недопущению срыва государственных закупок зерна.¹⁶³

В 1927-1928 гг. надзор за органами ГПУ в Изюмском округе осуществляли помощники прокурора Мизевич и Назаров. Они также как и их предшественник Бабий работали в соответствии с календарным планом. В планах теперь указывались не только мероприятия, но и конкретные числа их проведения.¹⁶⁴ В 1927/28 операционном году количество посещений ГПУ и вызовов уполномоченных по сравнению с 1926/27 годом увеличилось в 3 раза. Органы ГПУ стали придерживаться установленных законом сроков. Но еще отмечалось недостаточное усвоение УПК УССР /ред. 1927 г./, особенно пунктами транспортного отдела ГПУ.¹⁶⁵

Подобным образом наблюдение за ГПУ велось и в других округах. Однако, имелись свои особенности. Так, из докладов Харьковской окрпрокуратуры за 1925-1928 гг. видно, что ее работа в области надзора за ГПУ проводилась более организованно и систематично, охватывала большее число органов Госполитуправления. Она надзирала за местной группой экономического отдела /ЭКО/ ГПУ УССР, окружным отделом ГПУ, транспортными отелами ГПУ Южных и Донецких железных дорог и их отделениями, а также за деятельностью чрезвычайной сессии Харьковского

окрсуда.¹⁶⁶

Согласно отчета за 1927/28 г. наблюдение осуществлялось по заранее утвержденному плану. Все органы ГПУ, расположенные в Харькове, посещались не менее одного раза в неделю, находящиеся на периферии - не реже одного раза в месяц. Во время таких посещений агентам ГПУ давались указания по упорядочению дознания и следствия, разъяснялись положения УПК и практика их применения. В соответствии с планом во второй половине отчетного года периодически просматривались дела /более 100 в месяц/ и заслушивались доклады уполномоченных ГПУ по их ходу. Были составлены акты, в которых сделаны конкретные предложения по каждому делу. За год в прокуратуру из ГПУ поступило 1387 дел. Из них 131 дело было возвращено для дополнительного дознания, 70 направлены следователям, 709 приостановлены. Большинство приостановленных дел разрабатывалась транспортными отделениями по поводу хищения грузов. Многие были начаты в предыдущий отчетный период, когда линейные агенты еще недостаточно усвоили кодексы. После разъяснений прокуратуры все необходимые процессуальные действия начали выполняться. Дела стали заводиться не по всем происшествиям, а лишь когда проведение дознания было обязательным.

В отчете за 1927/28 г. указывается, что взаимоотношения со всеми органами ГПУ установились нормальные. Было только одно принципиальное расхождение, когда окротдел ГПУ полагал "политически бесполезным" привлекать к ответственности лиц, которые поступали за взятки на Канатный завод им. Петровского. Прокуратура считала нужным довести дело до суда, в процессе которого "реально не покарать" виновных лиц, а лишь дать понять им, "чего нельзя делать в рамках Советского Государства". Еще один эпизод состоял в том, что окротдел посчитал себя оскорбленным, когда прокурор предложил передать "дело Ахтырских работников" старшему следователю окружного суда.

Определенные трудности возникали при надзоре за местной группой ЭКО ГПУ УССР. По ряду дел наблюдение вела прокуратура республики. Прокуроры при НКЮ не вмешивались в дела экономотдела, поднадзорные окружной прокуратуре. Однако, различные методы, надзора и разные требования, предъявляемые прокурорами к одним и тем же уполномоченным ЭКО, осложняли работу. Были случаи вмешательства прокурора 4-го подотдела Отдела Прокуратуры НКЮ УССР в деятельность других органов, находящихся под надзором окрпрокуратуры. К примеру, он отдал распоряжение секретарю чрезвычайной сессии Харьковского окрсуда объявить на заседании ЧС его приказ об освобождении одного заключенного. По его же указанию был освобожден главный обвиняемый по делу, находящемуся в ДТОГПУ Донецких железных дорог. Все делалось в обход окружной прокуратуры. Не оспаривая прав прокурора 4-го подотдела, окрпрокурор считал ненормальным, что о таких действиях ему не сообщается, хотя бы по телефону.¹⁶⁷

Анализ периодических и годовых отчетов Харьковского, Изюмского и других окружных прокуроров позволяет говорить о том, что несмотря на все недостатки и шероховатости в работе по наблюдению за ГПУ, была выполнена главная задача. Местные ГПУ свыклись с наличием надзирающего за ними органа и стали выполнять законные требования прокуратуры.

Выводы, сделанные при рассмотрении становления прокурорского надзора за Госполитуправлением УССР, о его связи с партийным контролем, зависимости от политического курса и т.д., в полной мере относятся к процессу утверждения надзора за местными органами ГПУ. Сложнее этот процесс проходил на периферии. Там наблюдалось большее сопротивление в подчинении надзору, острее ощущалась нехватка квалифицированных прокурорских кадров и несовершенство нормативной базы. Невзирая на указанные трудности, местные и центральные органы прокуратуры на протяжении 1922-1928 гг. сумели наработать действенные формы надзора за

ГПУ.

§ 3 Формы прокурорского надзора за органами ГПУ

Первоначально формы наблюдения за органами ГПУ не были четко определены ни в положении о прокурорском надзоре, ни в инструкции прокуратуре УССР, ни в каком-либо другом нормативном акте. Постепенно в процессе ежедневной работы по надзору за Госполитуправлением УССР и его местными органами был накоплен определенный опыт. Обобщив его, прокуратура республики сформулировала единообразные формы наблюдения для всей территории УССР. Они были перечислены в отчете Наркомюста за 1923/24 операционный год: а/ наблюдательные производства; б/ письменные указания и разъяснения по всем делам; в/ заслушивание устных докладов следователей ГПУ; г/ затребование от них письменных меморандумов; д/ затребование дел в любой стадии производства для просмотра; е/ личное посещение прокурором органов ГПУ и обозрение дел; ж/ посещение мест лишения свободы и опрос заключенных, числящихся за ГПУ и з/ ведение контрольной книги лиц, содержащихся под стражей и контроль за соблюдением требований УПК.¹⁶⁸

Эти же формы надзора, но более сжато, были обозначены в резолюции II Всеукраинского съезда работников юстиции: а/ периодические доклады следователя и уполномоченного ГПУ прокурору о ходе расследования по отдельным делам; б/ периодические посещения прокурором органов ГПУ для заслушивания докладов по всем делам, находящимся в производстве ГПУ, а также по отдельным вопросам; в/ затребование прокурором отдельных дел для личного обозрения; г/ посещение прокурором домов предварительного заключения и опрос заключенных и д/ рассмотрение жалоб и заявлений заключенных под стражу и их родственников.¹⁶²

Вышеуказанные формы были настолько взаимосвязаны, что неудобно рассматривать каждую из них в отдельности. Поэтому начнем с освещения наблюдательных производств, в которых отражалась основная деятельность прокуратуры по руководству делами и надзору за их производством. Затем разберем остальные действия прокуроров по наблюдению за органами ГПУ и остановимся на их работе по проверке законности содержания под стражей лиц, числящихся за Госполитуправлением.

3.1 Наблюдательные производства прокуратуры по делам ГПУ

Требование вести производство /наряд/ по наблюдению за каждым вновь возникшим предварительным следствием было заложено в § 39 инструкции прокуратуре УССР.¹⁷⁰ Знакомство с наблюдательными производствами по делам органов Госполитуправления говорит о том, что они заводились с момента поступления от уполномоченного ГПУ первого постановления по конкретному делу. Уполномоченные ГПУ были обязаны направлять в прокуратуру копии установленных ст. 112, 131, 163, 207 УПК УССР /ред. 1927 г./ постановлений о принятии дела к производству, привлечении в качестве обвиняемого, применении и изменении меры пресечения и другие материалы, отражающие ход уголовного дела. Все постановления фиксировались в настольном реестре, а затем приобщались к наблюдательному производству. На обложке производства указывался номер по реестру, а также время возникновения и окончания переписки по наблюдению.

Постановления, поступающие от уполномоченных ГПУ УССР в 4-й подотдел прокуратуры республики, регистрировались либо в реестре № 3- по наблюдению за ГПУ /секретно-оперативной частью, контрразведовательным отделом и др./ либо в реестре № 4 - по наблюдению за экономическим отделом ГПУ. Реестры имели следующую форму: а/ у какого уполномоченного ГПУ находится дело; б/ № дела; в/ когда поступило; г/ от кого поступило; д/ о чем; е/

обвиняемые по делу; ж/ мера пресечения; з/ движение дела; и/ окончание.¹⁷¹ Так, например, с 20 февраля по 20 октября 1923 г. по 3 и 4 реестрам было начато, соответственно, 243 и 27 наблюдательных производств, а окончено 126 и 12.¹⁷²

Кроме важнейших материалов дела в наблюдательных производствах отражались надзорная и руководящая деятельность прокурора. Анализ 115 наблюдательных производств по делам ГПУ УССР за 1923-1924 гг.¹⁷³ показывает, что эта деятельность выражалась: 1/ в запросах о ходе дела, о местонахождении дела и обвиняемого и т.п.; 2/ в отношениях в органы ГПУ о необходимости своевременно выслать копии постановлений, соблюдать сроки следствия, выполнять требования УПК; 3/ в разъяснениях, указаниях и предложениях о проведении определенных следственных действий и т.д.

В наблюдательных производствах фиксировались также заявления и жалобы лиц, находящихся под стражей и их родственников. Так, с октября 1924 г. по октябрь 1925 г. в прокуратуру поступило 407 жалоб на органы ГПУ.¹⁷⁴ Прокурор, ведущий наблюдательное производство, следил, чтобы они не оставались без ответа. Например, только в одном производстве № 129 по 3 реестру за 1923 год содержится 14 заявлений обвиняемого в должностных преступлениях и подделке документов Арбиталь-Мазутова И.Ш., в которых он указывает на длительность содержания под стражей, требует ускорить ход следствия, объявляет голодовки и т.д.¹⁷⁵ Из материалов производства видно, что по данным заявлениям принимались меры, о чем сообщалось заключенному через начальника Харьковского допра № 1.¹⁷⁶ Прокурор по надзору за ГПУ мог выдавать разрешения на свидания с арестованными для предъявления начальнику места заключения. К примеру, в наблюдательном производстве по делу Дюмона Г.К., Цибульского И.И., Буржака И.А. и др., обвиняемых в шпионаже, содержится около 10 таких разрешений, подписанных прокурором.¹⁷⁷ Кроме того, к производствам по наблюдению приобщались

сопроводительные бумаги и вообще вся относящаяся к делу переписка.

Наблюдательное производство заканчивалось после того, когда прокурор ознакомился с материалами завершенного следствием дела /в особенности с заключением уполномоченного ГПУ/, а затем выносил постановление о прекращении дела,¹⁷⁸ предании суду и направлении дела в соответствующую судебную инстанцию,¹⁷⁹ или возвращении производства к доследованию.¹⁸⁰ Так, в 1923 г. 4-м подотделом прокуратуры УССР было рассмотрено 170 законченных ГПУ дел, по которым было вынесено 64 постановления о возвращении к доследованию, 15 дел были прекращены.¹⁸¹

Наблюдательные производства велись и военной прокуратурой по делам, находящимся в органах Особого отдела ГПУ. В них также отражался ход уголовного дела и акты прокурорского реагирования. В ряде случаев, когда это было в интересах дела, надзорные материалы из военной прокуратуры передавались в отдел прокуратуры НКЮ УССР и включались в наблюдательные производства 4-го подотдела по надзору за органами ГПУ.¹⁸²

Для большей наглядности познакомимся с несколькими конкретными производствами по наблюдению за делами ГПУ. Так, в наблюдательном производстве № 2 /реестр № 3 за 1923 г./ по делу Чмеренко А.С., обвиняемого в службе у белых в контрразведке, содержится 10 листов.¹⁸³ Оно было начато 20 января заведующим 4-м подотделом Отдела Прокуратуры НКЮ Янским С.А. после получения из контрразведывательного отдела /КРО/ ГПУ УССР сообщения о предъявлении гр. Чмеренко обвинения и избрании в отношении его меры пресечения в виде содержания под стражей /л.1/ и копии соответствующего постановления /л.2/. Янский немедленно отправил телефонограмму начальнику КРО Иванову с распоряжением командировать к нему 27 января к двум часам для доклада уполномоченного КРО, ведущего дело, со всеми имеющимися материалами. На копии телефонограммы стоит пометка Янского о явке /л.3/. 15 февраля в КРО был послан запрос о состоянии

дела /л.4/. В ответе от 22 февраля сообщалось, что принятая ранее к гр. Чмеренко мера пресечения заменена подпиской о невыезде из г. Харькова /л.5/. Далее в наблюдательном производстве сделана отметка об указаниях Янского уполномоченному КРО по ведению дела: "1/ допросить указанных в показаниях гр. Синкевича и обвиняемого лиц, служивших вместе с гр. Чмеренко в контрразведке; 2/ получить характеристику гр. Чмеренко от его служебного начальства; 3/ по выполнении данных указаний доложить дело" /л.6/. 30 апреля был послан еще один запрос о положении дела /л.7/, а 4 мая получен ответ из центральной регистратуры Госполитуправления УССР, что дело по обвинению Чмеренко отправлено в Харьковский губернский суд /л.8/. В свою очередь Янский 10 мая отправил начальнику регистратуры отношение с рядом замечаний по поводу сообщения от 4 мая. В частности он отметил, что его содержание не является исчерпывающим, т.к. в нем не указано какого числа, за каким номером и в порядке какой статьи УПК направлено в суд дело Чмеренко /л.9/. 12 мая начальник центральной регистратуры ГПУ УССР Щербинский доложил, что все замечания приняты к руководству и сообщил данные по делу /л.10/.

В производстве № 54 за 1923 г. по наблюдению за делом № 1816 по обвинению в должностных преступлениях и взяточничестве сотрудников Наркомфина УССР Рыбкина, Золотарева, Заворина и Казакова ¹⁸⁴ также содержатся указания Янского по делу /л.7/, телефонограмма с вызовом помощника уполномоченного особого отдела ГПУ УССР Топильского для доклада о ходе дела /л.10/, запросы о состоянии дела /л.19, 23/, сообщение ОО ГПУ УССР о направлении законченного следствием дела прокурору Харьковского губсуда для привлечения виновных лиц к ответственности /л.24/ и другие материалы /всего 28 листов/.

В отношении, направленном 3 ноября в особый отдел, Янский отмечает: "На наш запрос от 3/Х-23г. за № 9/13634 о положении дела... последовало

отношение от ОО ГПУ УССР за № 33436 от 5/Х-с.г., в котором сообщалось, что дело... производством закончено и направлено прокурору Харьковского губсуда, между тем, как дело это в порядке ст. 107 УПК подлежало направлению мне.

На последовавший вслед затем мой запрос от 11/Х-23 г. за № 9/14280 о порядке направления Вами дел, Вы отношением за № 40150 от 30/Х сообщили, что все дела, законченные разработкой ОО /за исключением дел о военнослужащих, которые подлежат направлению прокурору УВО/ направляются Вами в порядке ст. 107 УПК в Прокуратуру Республики.

Указывая на противоречия в Ваших ответах, предлагаю в срочном порядке выяснить причины непосредственного направления дела гр.гр. Казакова, Заворина и Золотарева прокурору Харьковского губсуда и сообщить о таковых в Отдел Прокуратуры НКЮ" /л.27/.

Помимо указанных выше документов, в наблюдательных производствах попадают обвинительные заключения, реже – протоколы допросов потерпевших, свидетелей, обвиняемых и т.д.¹⁸⁵ Но в большинстве случаев материалы следствия и дознания после окончания дела из производств по наблюдению изымались и отправлялись на хранение в архив ГПУ УССР.

В 1923-1924 гг. значительная часть производств велась по делам о преступлениях работников органов ГПУ. Например, наблюдательное производство № 13 /по 4-му реестру/ было заведено по делу о получении взятки сотрудниками ГПУ УССР Прохоровым и Шварцом-Пестуном /п."а" ст. 114 УПК/. Врид. прокурора при НКЮ Романова, рассмотрев материалы дознания, пришла к выводу об отсутствии в их действиях состава преступления и своим постановлением прекратила дело.¹⁸⁶ Производства №№ 143, 145, 150, 156, 161, 178 /по наблюдению за находящимися в ГПУ УССР делами по обвинению начальника СОЧ ОДТОГПУ ст. Христиновка Немцова А.Н. и начальника политотдела этого органа ГПУ Магера С.К. в шантаже и подделке документов,

сотрудников Каменец-Подольского окротделения ГПУ Косточкина И.М. и Полякова М.В. во взяточничестве, работника Могилевского отделения ГПУ Думанского в должностных преступлениях, начальника части особого назначения ОДТОГПУ Голубовского В.К. в контрреволюционной деятельности, сотрудника разведуправления Винницкого Л.Б. в шпионаже, бывшего политрука 6-й Донецкой конвойной команды войск ГПУ Татарина А.Ф. в совершении бегства из-под стражи/ закончились направлением дел в Центральное распорядительно совещание /ЦРС/.¹⁸⁷ В таких случаях к наблюдательному производству обязательно приобщалась выписка из протокола ЦРС, из которой было видно отправлено дело на рассмотрение в чрезвычайную сессию или по нему принято иное решение.

Наблюдательные производства отличались по объему. Они содержали от 2 до 200 листов. Объем зависел от длительности дознания и следствия, количества проходящих по делу обвиняемых, характера инкриминируемых им статей УК и множества других факторов. Например, производство № 7 /реестр № 3 за 1923-1924гг./ по наблюдению за делом о должностных преступлениях бывших сотрудников Белоцерковской уездной ЧК велось больше года и включало 190 листов.¹⁸⁸ Наблюдательные производства заканчивались быстро, если дела, по которым они были заведены, передавались в Особую комиссию по административной высылке¹⁸⁹ или переадресовывались по подследственности.¹⁹⁰ В таких производствах содержались только материалы, свидетельствующие о начале дела и его дальнейшем направлении.

Органами прокурорского надзора на местах также велись наблюдательные производства. Так, в Киевской губернской прокуратуре они стали заводиться на все возникающие в губотделе ГПУ дела начиная с октября 1922 г. В этом месяце наблюдением было охвачено 87 дел, из которых 28 числились за контрразведывательным отделением губотдела, 13 - за секретным и 46 - за отделением по борьбе с бандитизмом.¹⁹¹ В ноябре было заведено 52

производства, в декабре - 62. За три месяца закончено соответственно 37, 46 и 44 производства.¹⁹²

В течение 1923 года начальник административного отделения Киевской губернской прокуратуры Зорин А.М. ежемесячно представлял доклады губпрокурору Михайлику М.В. о проделанной работе в области надзора за ГПУ. Тексты докладов были стандартные, менялись только цифры. В частности, сообщалось, сколько наблюдательных производства заведено, окончено и осталось на следующий месяц.¹⁹³ В отчете за полгода приводится следующая таблица движения производств по наблюдению за делами губотдела ГПУ:¹⁹⁴

Месяц	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Числилось на 1-ое число месяца	28	35	42	48	81	94
Поступило	46	37	112	96	22	27
Закончено	39	30	106	63	9	3

Сведения о наблюдательных производствах должны были обязательно содержаться в статистических ведомостях /форма № 16/, прилагаемых к годовым отчетам губернских прокуроров.¹⁹⁵ Согласно такой ведомости, в Киевской губпрокуратуре с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. было заведено 589 производств. Из них в отчетном периоде окончено 379, осталось 210.¹⁹⁶ Донецкой губпрокуратурой за это же время по делам губотдела ГПУ было заведено 454, окончено 399 и осталось на 1 октября 1923 г. 55 производств. Статистические ведомости составляли также помощники губпрокуроров в округах. Так, по данным окружных прокуроров Киевской губернии, в 1922/23 операционном году наблюдательных производств велось: по делам Киевского окротделения ГПУ - 15, Белоцерковского - 35, Шевченковского - 226, Черкасского - 101 и Уманского - 60. Было окончено соответственно 4, 11, 165, 67 и 48 производств.¹⁹⁸ Нередко статистика давалась не по органам, а по делам. И только по характеру этих дел можно догадываться,

какие из них находились в ГПУ, а какие в других органах дознания и следствия. Например, прокурор Криворожского округа Тынок докладывает Екатеринославскому губпрокурору Славину, что во 2-м квартале 1923 г. окрпрокуратурой было заведено 299 наблюдательных производств по делам: о контрреволюции - 5, о должностных преступлениях - 85, о преступлениях против порядка управления - 27 и т.д.¹⁹⁹ Иногда просто давалось общее число производств.²⁰⁰

Статистические данные по наблюдательным производствам сверялись с фактическим наличием дел в органах, расследующих преступления. К примеру, помощник прокурора республики Попов М.Е., ознакомившись с докладом Харьковского губпрокурора о деятельности органов дознания и следствия с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г., установил, что не все дела охватываются наблюдением прокуратуры. Общее число дел, возникающих в Харьковской губернии за год составляло 16000, а наблюдательных производств было заведено около 14000.²⁰¹ В заключении Попова по годовому докладу Полтавского губпрокурора отмечается: "Сведения о количестве наблюдательных производств не соответствуют сведениям о количестве дел, находящихся в производстве ГПУ".²⁰² Губпрокурорам было предложено принять меры, чтобы ни одно дело не ускользало от наблюдения.²⁰³

В циркуляре № 2 за 1923 г. Полтавский губпрокурор Сметанич предъявляет к своим помощникам на местах требование "вести записи в настольном реестре и заводить наблюдательные производства с такой полнотой и точностью, чтобы сведения в отчетных ведомостях вполне совпадали с этими записями и с наличием наблюдательных производств". Кроме того, он разъясняет, что при возвращении дознания для дополнения или направления его для проведения предварительного следствия, нужно завести наблюдательное производство и занести его в реестр. Если же дознание поступает в порядке п.1 ст. 107 УПК на прекращение и прекращается

помощником прокурора, то производства по наблюдению не следует заводить, "т.к. это было бы бесцельной канцелярщиной не имеющей за собой никакого содержания".²⁰⁴ Подобные требования содержались в циркулярах других губернских прокуроров.²⁰⁵

В результате проделанной работы в конце 1924 года почти 100% дел ГПУ были охвачены наблюдательными производствами.²⁰⁶ На 1 октября 1924 г. в органах прокуратуры было в наличии 1322 производства по наблюдению за ГПУ, а в течение последующих 12 месяцев заведено еще 2320. Из них к 1 октября 1925 г. было окончено 2530 и осталось 1112.²⁰⁷

По наблюдательным производствам можно судить не только о состоянии прокурорского надзора, но и о направлениях деятельности органов ГПУ. Например, из 115 сохранившихся в архиве производств по делам ГПУ УССР видно, что 1923-1924 гг. Госполитуправление чаще всего заводило дела по ст. 66 и 98 УК /шпионаж и нелегальный переход границы/. На 2-ом и 3-ем местах стоят дела о различных контрреволюционных и должностных преступлениях.²⁰⁸ Изюмская окружная прокуратура в 1927г. наблюдала за находящимися в окротеделе ГПУ делами: об убийстве "куркулями" секретаря сельсовета, о нападении крестьян хутора Максимовка на коммуны, о злостном повышении цен и т.д.²⁰⁹ Таким образом, наблюдательные производства косвенно отражают характер проводимого в стране экономического и политического курса.

3.2 Доклады следователей и уполномоченных ГПУ о ходе расследования по делам, затребование отдельных дел для личного обозрения, посещение органов ГПУ, дача письменных и устных указаний

Надзирающие за ГПУ прокуроры не ограничивались ведением наблюдательных производств. Периодически они вызвали в прокуратуру следователей и уполномоченных ГПУ для доклада о ходе имеющихся у них дел. Вызов, как правило, осуществлялся телефонограммой в орган ГПУ, в которой

указывалось в какой день и час следует явиться. Копия телефонограммы с пометкой о явке уполномоченного ГПУ приобщалась к наблюдательному производству.²¹⁰ Заслушав доклад работника ГПУ, прокурор давал разъяснения и предложения в устной и письменной /в виде предписания/ форме.

Со слов заведующего 4-м подотделом прокуратуры УССР Янского С.А., в начале 1924 года он заслушивал в день от 3 до 5 докладов уполномоченных ГПУ и по каждому давал указания.²¹¹ Кроме того, Янский затребовал из ГПУ УССР отдельные дела и после ознакомления с ними посылал в Госполитуправление конкретные письменные указания. Например, просмотрев материалы дела по обвинению Лебедева В.И. в шпионаже, 13 января 1923 г. он отправил следователю ГПУ Дзеркало следующие предложения: 1/ допросить жену гр. Лебедева; 2/ проверить вновь материал, полученный из Чугуева; 3/ получить показания заместителя начальника СОЧ ГПУ т. Ромейко о секретном использовании гр. Лебедева; 4/ допросить гр. Лебедева по поводу его секретных сообщений; 5/ закончить следствие до 1 января и доложить. В посланиях от 18 января и 10 февраля были даны новые предложения и установлены сроки их выполнения.²¹²

Часто указания давались в постановлениях прокурора о дополнении или прекращении дознания /следствия/. Например, в течение февраля 1923 г. уполномоченный по зрелищам Политконтроля СОЧ ГПУ УССР Пелекайс проводил дознание по делу Громова и Милича. Артистам театра "Аттракцион" вменялось исполнение со сцены "нецензурированных реприз", в которых они высмеивали финансовое положение в СССР и злобно издевались над образованием в советских школах. 22 февраля Янский ознакомился с материалами законченного дознания и вынес постановление, в котором потребовал: 1/ изъять из производства заключение уполномоченного, как несоответствующее УПК, поскольку в нем имеются элементы приговора; 2/ провести дополнительное дознание; 3/ по его окончанию составить

заключительное постановление по существу расследования, которое направить в порядке ст. 107 УПК в 4-й подотдел прокуратуры республики и 4/ заменить меру пресечения в виде содержания под стражей подпиской о явке.²¹³

3 апреля Янский рассмотрел материалы вновь проведенного дознания и вынес постановление о прекращении производством дела Громова и Милича по обвинению их в ст. 73 и 74 УК. Заведующий подотдела прокуратуры по надзору за ГПУ мотивировал свое решение тем, "что в деле нет никаких указаний на возможность квалификации поступков данных граждан по указанным статьям, предусматривающим дискредитирование власти и нарушение общественного порядка... Что разговор о финансовом положении Советских Республик, имевший место со сцены театра "Аттракцион" не носит характера "злобного" и преследующего контрреволюционные цели. Что нарушения Положения о цензуре гр.гр. Грозовым и Миличем не было, т.к. указанные разговоры о финансовом положении Республик специально запрещению цензуры не подвергались, а своевременно не были пропущены через цензуру не по вине Громова и Милича, а согласно установленному внутреннему распорядку театра "Аттракцион".²¹⁴

Другой пример. 10 июля 1923 г. помощник прокурора республики Фалькевич ознакомился с делом № 2316 по обвинению гр. Фридмана в совершении незаконных валютных операций /ст. 136 и 138 УК/ и дал уполномоченному экономического отдела ГПУ УССР подробные /7 пунктов/ по нему указания. 18 января 1924 г. врид. прокурора при НКЮ Поляков, рассмотрев законченный следственный материал, обнаружил, что дело выяснено в недостаточной степени, в частности по причине невыполнения предложений Фалькевича. Дело было возвращено в ЭКО ГПУ УССР для доработки с новыми указаниями. 27 июля 1924 г. прокуратура его прекратила.²¹⁵ Не известно как бы сложилась судьба Фридмана, Громова, Милича и многих других при отсутствии прокурорского надзора за ГПУ.

В течение 1923/24 операционного года прокурорами было заслушано 500 устных докладов, дано свыше 300 письменных указаний о порядке производства дел, сделано 768 заключений по дознаниям ГПУ.²¹⁶

Кроме предложений по отдельным делам, ГПУ УССР направлялись письменные указания общего характера. Так, в отношении от 10 декабря 1923 г. за № 2442 4-й подотдел прокуратуры республики указывает Госполитуправлению, что подведомственные ему местные органы направляют в центр дела вместе с арестованными, которые по территориальному и персональному признакам и по своей политической важности должны и могут быть закончены по месту совершения преступления и возникновения дела. Зачастую основанием присылки дел являлись: 1/ запросы ГПУ УССР о положении деле; 2/ выбытие из пределов губернии лица, привлеченного по делу; 3/ то обстоятельство, что среди обвиняемых находятся сотрудники ГПУ. Подотдел предложил ГПУ УССР отдать распоряжение местным органам о соблюдении ст. 126 УПК и присылки лишь дел, имеющих общегосударственное значение, особую политическую важность и охватывающих несколько губерний.²¹⁷

В конце 1923 г. заведующий 4-м подотделом прокуратуры Янский, просмотрев полученные из ГПУ УССР дела, обнаружил, что некоторые начальники отделов Госполитуправления, "не соглашаясь с заключительными постановлениями уполномоченных, ограничиваются наложением резолюции на этих же постановлениях о несогласии с таковыми и в таком виде направляют в прокуратуру республики". Янский послал председателю ГПУ УССР отношение с просьбой разъяснить начальникам отделов и уполномоченным, что в подобных случаях надлежит изымать первоначальное заключение и составлять новое в соответствии с мнением начальника.²¹⁸

Органы прокурорского надзора на местах также заслушивали доклады уполномоченных ГПУ, затребовали для обозрения отдельные дела и давали

указания. Если указания и разъяснения носили "принципиальный характер", то их копии в соответствии с циркуляром НКЮ УССР № 62 от 12 июня 1923г. препровождались в отдел прокуратуры.²¹⁹ Это делалось, во-первых, в целях установления единообразия при проведении надзора за органами ГПУ и, во-вторых, для контроля деятельности местных прокуратур в этой области.

В обязанности прокуроров входило периодически посещать органы ГПУ и на месте просматривать имеющиеся там дела. По результатам обследований составлялись акты, в которых отмечались недостатки в работе ГПУ и предложения прокурора по их устранению. Во время посещений прокуроры разъясняли сотрудникам ГПУ требования законодательства, а в беседах с их начальниками преодолевали возникающие на практике недоразумения. Так, в 1926/27 отчетном году Изюмская окрпрокуратура провела 5 обследований транспортных постов ГПУ, расположенных на территории округа. Были составлены акты, копии которых отправлены начальником ТО ГПУ.²²⁰ Изюмский окружной отдел ГПУ начиная с середины 1925 года посещался не менее двух раз в месяц.²²¹

В 1926 году при посещениях работниками Харьковской окрпрокуратуры поднадзорных органов ГПУ и проверке дознаний был выявлен ряд недостатков. Часто из материалов дознаний трудно было установить место совершения преступления, а по хозяйственным делам не ясно о каком учреждении идет речь, каковы его функции и в чем заключаются права и обязанности подозреваемого сотрудника. Были случаи, когда производство дознаний начиналось при явном отсутствии признаков состава преступления или когда имелось только приготовление к преступлению. Отмечалось незнание статей УК УССР и некоторая "беззаботность" по части собирания доказательств. Органам ГПУ были даны указания в устной и письменной форме об устранении этих недостатков в работе.²²²

Хорошее представление о формах надзора за законностью в деятельности органов Госполитуправления дают календарные планы прокуратур. К примеру, в плане работы Харьковской окружной прокуратуры на 1928/29 год были определены следующие мероприятия в области наблюдения за ГПУ:

"76. Периодические обследования поднадзорных органов относительно их работы по проведению дознаний и следствий, составление актов.

77. Письменный инструктаж поднадзорных органов через начальников относительно исправления замеченных в процессе надзора тех или иных ошибок в проведении дознания и следствия.

78. Участие в работах по борьбе с бандитизмом.

79. Надзор за работой чрезвычайной сессии Харьковского окрсуда и анализ ее работы.

80. Наладить учет работы в самой прокуратуре по надзору за органами ГПУ.

81. Систематическое посещение поднадзорных органов ГПУ с фиксацией в письменном виде указаний прокурора по делам.

82. Обследование органов ГПУ с составлением актов 1 раз в 3 месяца /тех, что находятся в г. Харькове/ и 1 раз в 4 месяца /тех, что находятся на периферии/.

83. Письменный инструктаж органов ГПУ каждые 3 месяца".²²³

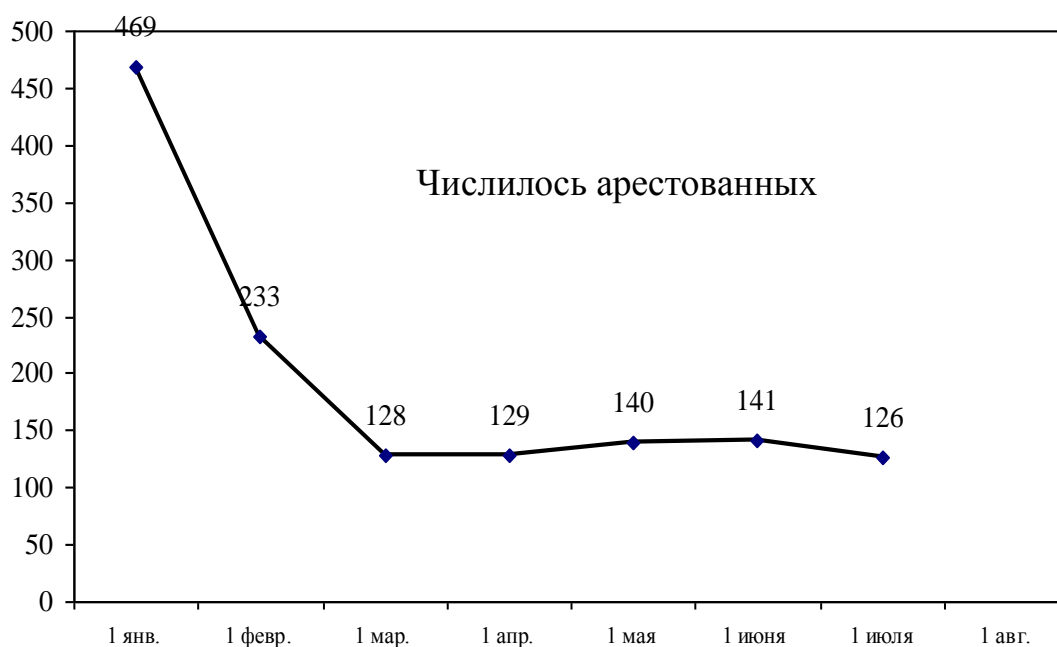
3.3 Контроль за движением арестованных, посещение мест предварительного заключения и опрос находящихся под стражей, рассмотрение жалоб и заявлений

Одной из форм надзора являлся контроль за движением арестованных, числящихся за ГПУ. Сведения о таком движении поступали в виде донесений начальников мест предварительного заключения в соответствующую

прокуратуру и там заносились в реестр подследственных арестантов. Форма реестра была определена в § 36 инструкции прокуратуре.²²⁴ Сведения о движении арестованных, проходящих по делам ГПУ УССР, ежедневно отправлялись начальниками допров в 4-й подотдел Отдела Прокуратуры НКЮ УССР. Для учета этих сведений в подотделе с 15 декабря 1923 г. была заведена специальная контрольная книга, которая имела следующую форму: а/ № по порядку, б/ фамилия, имя, отчество арестованного, в/ откуда прибыл, г/ когда прибыл, д/ за каким органом ГПУ числится, е/ дальнейшее направление: за кем перечислен, куда направлен, когда убыл и ж/ основание приема, отправки.²²⁵

Донесения начальников мест заключения сверялись с наблюдательными производствами. Если, например, выяснялось, что в отношении какого-либо арестованного изменена мера пресечения, а копия соответствующего постановления в прокуратуру не поступила, то прокурор по надзору за ГПУ требовал объяснений и т.п. Именно таким способом Черниговский губпрокурор в течение 1923 г. выявил много случаев, когда арестованные содержались под стражей долгое время вообще без какого-либо постановления. В органы ГПУ и начальникам допров Черниговщины были направлены циркуляры с требованием прекратить подобную практику.²²⁶

Поступающие из ГПУ и мест предварительного заключения данные обобщались и в виде статистических таблиц, ведомостей и сводок приобщались к годовым и периодическим отчетам прокуратур.²²⁷ В докладе начальника административного отделения Киевской губернской прокуратуры Зорина А.М. о работе за 1-е полугодие 1923 г. сведения о количестве арестованных, числящихся за губотделом ГПУ, представлены графически:

По графику видно, что кривая арестованных прогрессивно падает, приобретая в марте и апреле определенную устойчивость. Дальнейшие ее колебания явно незначительны. Зорин связывает их с естественным повышением или уменьшением количества ведущихся Киевским губотделом ГПУ следствий. Число арестованных на 1 июля в сравнении с 1 января уменьшилось приблизительно в 4 раза. И наоборот, число производств по наблюдению за делами губотдела, согласно доклада, увеличилось в 4 раза. Опираясь на эти цифры, Зорин делает вывод, что одним из положительных результатов работы

административного отделения явилось сведение до минимальных размеров содержания под стражей лиц, проходящих по делам Киевского губотдела ГПУ. Чаще стали применяться иные меры пресечения.²²⁸

Особо тщательно прокуроры следили за тем, чтобы органы ГПУ придерживались установленных законом сроков. В частности своевременно извещали прокуратуру обо всех арестах. В Одесской губернии процедура подтверждения арестов была упрощена циркуляром губпрокуратуры № 22 за 1923 г. В нем говорилось: "На уведомления об аресте губпрокуратура будет отвечать лишь в случае неутверждения такового... если в течение 48 часов с момента аресте ответа... не последует, то этим самым арест должен считаться подтвержденным."²²⁹ С другой стороны, Одесская губпрокуратура требовала от органов ГПУ, чтобы сообщения о задержании граждан были максимально полными. В циркуляре № 32, направленном в губернский отдел ГПУ 4 октября 1923 г., отмечается, что уполномоченные ГПУ ограничиваются в сообщениях указанием статьи уголовного кодекса, предписываемой тому или иному лицу. Для подтверждения ареста этих данных явно недостаточно. "Кроме них, - подчеркивается в циркуляре, - необходимо располагать также сведениями о важности преступления и силе имеющихся улик, вероятности уклонения от следствия и суда или препятствовании раскрытию истины и проч. /ст.160 и 161 УПК/. Неполучение этих сведений лицами, подтверждающими аресты, ставит последних в крайне затруднительное положение и неизбежно влечет за собою нежелательные последствия, или механическое подтверждение, или отказ от такового".²³⁰

Осуществляя надзор за ГПУ, прокуроры не ограничивались информацией из вторых рук. Периодически они посещали места предварительного заключения, лично проверяя законность содержания под стражей лиц, числящихся за Госполитуправлением. Во время таких посещений они опрашивали арестованных, принимали жалобы и заявления. Выявленные

нарушения устранялись. Например, когда Одесский губпрокурор летом 1923 г. обнаружил, что 55 человек незаконно содержатся под стражей, он отдал распоряжение ГПУ о немедленном их освобождении.²³¹ Тогда же в округа Одесской губернии был разослан циркуляр № 25, предписывающий окрпрокурорам в квартальных отчетах указывать: 1/ сколько произведено посещений мест заключения и каковы результаты этих посещений; 2/ сколько было обнаружено случаев незаконного ареста и какие меры были приняты в связи с этим; 3/ сколько и какого характера поступило жалоб, какие из них удовлетворены, в каких было отказано и почему.²³²

12 февраля 1923 г. прокурор УССР лично посетил дома принудительных работ, расположенные в г. Харькове. В допре № 1 ему было подано 18 заявлений в письменной форме от находящихся под стражей Якубовского, Ульченко, Голуба, Мозалевского, Мильштейна, Виноградова, Милича и других лиц, числящихся за ГПУ. Основная просьба - ускорить производство по их делам. Заявления были переданы прокурору при НКЮ Янскому, который приобщил их к имеющимся уже наблюдательным производствам. 14 февраля он запросил ГПУ о положении дел всех заявителей. По получении ответа заключенным через начальника допра было сообщено в какой стадии находятся их дела. После знакомства со следственными материалами, вызова уполномоченных и т.п. часть дел была Янским прекращена, часть переправлена прокурору Украинского военного округа, а остальные переданы в чрезвычайную сессию Харьковского губсуда.²³³

Приведенные выше примеры не являются единичными. Даже при беглом просмотре архивных материалов можно найти достаточно случаев, когда прокуроры освобождали незаконно арестованных лиц, содействовали ускорению хода дел и т.д. Не меньше можно найти и негативных примеров. Многое зависело от личности конкретного прокурора, удаленности от центра и других факторов. Поэтому прокуратура УССР стремилась выработать

единообразные формы надзора и отчетности. Так, посещение мест предварительного заключения для проверки законности содержания под стражей являлось обязательным направлением в деятельности любой прокуратуры. О результатах работы в этом направлении необходимо было регулярно докладывать в вышестоящий прокурорский орган.

Для улучшения качества надзора циркуляром НКЮ №70 от 23 июня 1923 г. было предписано установить в местах лишения свободы ящики, куда бы заключенные могли опускать свои жалобы. Ящики должны были запираяться и иметь сургучную печать. Ключи хранились у губпрокуроров, а в округах - у их помощников. Выемка производилась местным прокурором или по его поручению уполномоченным на то лицом. Результаты рассмотрения жалоб обязательно должны были объявляться жалобщикам. О всех установленных по проверке из заявлений нарушениях следовало делать отметку в специальной книге жалоб, хранящейся у начальника места лишения свободы. Если жалоба подавалась на имя ВУЦИК, СНК или прокурора республики, то ее нужно было направлять через губпрокурора или его помощника непосредственно по адресу.

234

Поступающие в прокуратуру УССР жалобы от арестованных и их родственников на незаконные действия уполномоченных ГПУ передавались 4-му подотделу. Подотдел вел по жалобам расследования как самостоятельно, так и через губпрокуратуры. Всего в 1923 году было рассмотрено 680 жалоб на незаконные действия уполномоченных ГПУ, народных и старших следователей, следователей по важнейшим делам. Сколько из них касалось ГПУ установить невозможно, поскольку все они регистрировались по одному реестру. Его форма была следующей: а/ №№ по порядку, б/ №№ регистрационной карточки центральной регистратуры НКЮ, в/ от кого жалоба, г/ о чем, д/ движение и е/ окончание.²³⁵

Из отчетов губпрокуроров и их помощников по административному

надзору усматривается, что в 1923 г. больше всего жалоб поступало именно на органы ГПУ. Например, из 231 жалобы и заявления, поступивших в Волынскую губпрокуратуру с 1 января по 1 июня, 100 касалось дознаний ГПУ, 20 - губрозыска, 25 - нарсуда, 10 - следователей, 5 - губсуда, 40 - по вопросам амнистии, 31 заявление указывало на совершение преступлений.²³⁶

Обследовавшие с 10 декабря 1923 г. по 25 января 1924 г. Наркомюст ревизоры НК РКИ отмечают такое ненормальное явление, когда граждане подают жалобы непосредственно в отдел прокуратуры, минуя губпрокуратуры. Причем нередко они лично привозят жалобы из отдельных губерний Украины. Это явление, по мнению ревизоров, свидетельствует о недостаточном авторитете местных прокуратур, т.к. "граждане боятся подавать жалобы в губпрокуратуры, считая, что их права не будут восстановлены и обращаются непосредственно в высшую инстанцию".²³⁷

Согласно отчета прокуратуры УССР в 1924 г. от арестованных в органы прокурорского надзора поступило более 900 заявлений и жалоб на действия ГПУ. Прокурорами было дано 350 указаний органам Госполитуправления и 920 справок по жалобам, письменных ответов и телефонограмм заключенным по поступившим от них заявлениям.

Общее число содержащихся под стражей по делам ГПУ в 1924 г. по сравнению с 1923 г. уменьшилось на 8500 /30%/.²³⁸

Эти цифры, а также переписка между 4-м подотделом прокуратуры УССР и Госполитуправлением²³⁹ указывают на активность /по крайней мере бумажную/ органов прокуратуры при рассмотрении жалоб и заявлений. В ряде случаев видны и реальные положительные результаты. Так, 62-летний тяжелобольной Чернин З.М. после вмешательства прокуратуры республики и затем распоряжения Екатеринославского губпрокурора органами ГПУ был освобожден. Основанием его ареста являлся простой гражданский спор.²⁴⁰ Полтора года содержался под стражей при Киевском губотделе ГПУ Лука

Лукиянец лишь потому, что во время производства дознания перед ним были раскрыты сведения о существовании Петлюровской организации. Губотдел ГПУ не хотел его выпускать до окончания разработки и следствия по делу этой организации. И только жалоба в прокуратуру помогла прекратить этот произвол.²⁴¹ Летом 1925 г. по настоянию Харьковского окружного прокурора после 5-месячного пребывания под стражей были освобождены 7 человек в виду совершенной недостаточности улик.²⁴² Подобных примеров можно привести достаточно много.

Таким образом, в период нэпа прокуратура освоила достаточно эффективные формы надзора за органами ГПУ. Сегодня, конечно, они кажутся тривиальными. Но для тех лет, когда еще сильна была инерция красного террора, когда на сельском сходе, прилюдно, можно было для "вразумления" крестьян запросто порубить шашками "кулаков" или "подозрительных" и бросить трупы у дороги, утверждение указанных форм надзора за ГПУ было настоящей революцией в правовом режиме. К сожалению, прокурорский надзор за органами безопасности всецело зависел от колебаний проводимого в стране политического и экономического курса. С отходом от нэпа и усилением репрессивно-карательной функции государства он стал терять свое значение.

Выводы

1. Проведение новой экономической политики вызвало объективную потребность в установлении действительных начал законности и правопорядка, усиления контрольно-надзорной функции государства. Организация эффективного государственного надзора нуждалась в концентрации его в едином органе. Таким органом стала советская прокуратура, призванная

осуществлять надзор за всеми органами власти и управления, в том числе и за созданным на базе ВУЧК Госполитуправлением УССР.

2. Прокурорский надзор за ГПУ был сосредоточен в 4-ом подотделе прокуратуры УССР, а на местах проводился губернскими /окружными/ прокурорами и их помощниками по административным делам. Он был тесно связан с партийным контролем и всецело зависел от колебаний политического курса. Пока компартия проводила курс новой экономической политики, возрастала и роль прокуратуры. Ее авторитет значительно окреп. При опоре на партийные органы она довольно успешно осуществляла надзор за ГПУ. Сложнее этот процесс проходил на периферии, где наблюдалось сильное сопротивление ГПУ в подчинении надзору, острее ощущалась нехватка квалифицированных кадров и несовершенство нормативной базы. Но и здесь при поддержке центра были наработаны реальные формы надзора за ГПУ.

3. С отходом от принципов нэпа стали меняться и задачи прокуратуры. Теперь партийные органы ориентировали ее не столько на надзор за деятельностью Госполитуправления, сколько на помощь ему. Возрастала роль прокуратуры в организации и проведении показательных политических процессов /"Шахтинское дело", дело "Спільки визволення України" и др./, которые в большинстве своем были сфабрикованы. При этом партия не полагалась полностью на прокуратуру, постоянно дублируя ее действия. Нередко прокурорский надзор прямо подменялся партийным контролем

Заключение

Органы безопасности являются необходимым атрибутом любого государства, стремящегося проводить самостоятельную политику и отстаивать свои национальные интересы. При этом "спецслужбы" не могут не нести на себе печать той власти, которая их создает. Советская власть по своей природе не могла не быть террористической, как всякая эгалитаристская система, рассчитанная на "экспроприацию" /об этом предупреждали очень многие от К.Маркса до И. Франко и И. Ильина/. Она неизбежно должна была

трансформироваться в сословно-аристократическую систему, где новую коммунистическую аристократию охраняли новые органы госбезопасности в лице ЧК-ГПУ.

Еще до создания прокуратуры коммунистическая партия предприняла ряд попыток установить контроль за деятельностью своих чрезвычайных комиссий. ВУЧК была подотчетна и подконтрольна ВУЦИК и Совнаркому УССР. Контрольные полномочия в отношении ЧК получили также народные комиссариаты Внутренних дел, Госконтроля, Социалистической советской инспекции, Административная инспекция РКИ, революционные военные советы и трибуналы. Центральное место среди государственных органов в этом вопросе занимал Народный комиссариат юстиции, который осуществлял надзор за ЧК через свои контрольно-следственный и тюремно-карательный отделы, отдел Верховного судебного контроля и юридические отделы исполкомов.

Контроль за ЧК, конечно, не мог быть эффективнее всего того государственного контроля, который создавала новая власть. Его слабое место заключалось в изначальной заряженности "классовой" доктриной. При таком контроле мог быть "поставлен к стенке" проворовавшийся чекист и, одновременно, допущены расстрелы тысяч невинных заложников и пленных.

Мощное влияние нового, рыночного, хозяйственного порядка, пришедшего с началом нэпа, не могло не сказаться как на характере и масштабах деятельности органов государственной безопасности, так и на характере контроля. В короткий "медовый месяц" нэпа, в условиях кодификации права, контроль за органами ГПУ должен был найти новые, более строгие формы. Так появляются надзорные функции прокуратуры в отношении Госполитуправления. Как это видно из архивных материалов, новое надзорное учреждение с энтузиазмом принялось за дело. Во многом тому способствовало то обстоятельство, что во главе Отдела прокуратуры и

всего Наркомюста УССР стоял известный тогда государственный деятель Н.А. Скрыпник, отличавшийся самостоятельным взглядом на все политические проблемы и имевший достаточно высокий ранг среди партийной элиты. Росту авторитета и роли прокуратуры способствовала деятельность С.А. Янского, А.М. Зорина, Я.А. Ольгина и других первых энтузиастов прокурорского надзора.

В период новой экономической политики прокурорский надзор за ГПУ был сосредоточен в 4-ом подотделе Отдела прокуратуры НКЮ УССР, который возглавлял С.А. Янский. Под его руководством подотдел непосредственно надзирал за Госполитуправлением УССР и руководил деятельностью губернских /окружных/ прокуратур по надзору за местными органами ГПУ. В короткий срок были выработаны единые для всей Украины формы надзора. Основной формой прокурорской работы в области надзора за ГПУ являлось ведение наблюдательных производств. Кроме того, прокурорские работники давали письменные указания и разъяснения по находившимся в производстве ГПУ делам, заслушивали устные доклады следователей и уполномоченных ГПУ по конкретным делам, требовали от них письменных меморандумов. Они могли также затребовать для просмотра дела в любой стадии производства. Лица прокурорского надзора посещали органы ГПУ и просматривали находящиеся там дела, проверяя выполнение требований УПК УССР. Они регулярно обследовали места заключения и проводили опрос заключенных, числящихся за ГПУ, вели контрольные книги, в которых отражалось движение арестованных и т.д.

Дальнейшая судьба прокурорского надзора и его подопечных зависела от той хозяйственной стратегии, которую должна была избрать власть. Эту высшую стратегию задавала никем не контролируемая политическая сила - партийная элита, ставшая главным, подлинным и единственным органом в

стране. Само ее существование было несовместимо с принципами нэпа. Рыночное хозяйство не нуждалось в партийном диктате и громоздком государственном аппарате, для самого же аппарата новый хозяйственный порядок был смертелен. Конфликт между нэпом и "советской" системой стал неизбежным. Обескровленное войной, разрухой и репрессиями общество уже не могло противостоять напору новой бюрократии, опирающейся на карательные органы. Нэп стал уступать место новому варианту военного коммунизма со всеми вытекающими из этого последствиями. Надвигалось "наступление социализма по всему фронту", сплошная коллективизация сельского хозяйства, т.е. экспроприация и закрепощение миллионов крестьян, установление казарменного режима для миллионов рабочих. Да и в самом государственном аппарате необходимо было поддерживать превентивную атмосферу страха, без которого тоталитарный режим вообще не может существовать. Эти "грандиозные" задачи не могли, конечно, не захватить органы госбезопасности и послушную политической власти прокуратуру. Сворачивание нэпа сопровождалось расширением компетенции органов ГПУ, деятельность которых приобретала всепроникающий и явно репрессивный характер. Параллельно менялись приоритеты в прокурорской работе. Центр тяжести переместился на поддержание обвинения в показательных политических процессах, а надзор за Госполитуправлением стал подменяться содействием ему. Надзорная функция прокуратуры обратилась в собственную противоположность. Прокуратура должна была обеспечивать "чистые" улики, и под ее надзором эти "улики" добывались с помощью санкционированных политической властью пыток и истязаний.

Для сегодняшнего выбора социальной стратегии важно определить, что в нашем прошлом детерминировалось доктринами коммунизма, что

предопределялось историческим опытом России и Украины, фактором длительной мировой войны, а что было привнесено личностным фактором. Известно, что не личность создает ситуацию, напротив, - ситуация ищет и находит подходящих "исполнителей", которые всегда имеются в запасниках истории. Пытаться объяснить нашу недавнюю историю "жидо-масонским" заговором, происками германского Генштаба, "купившего" Ленина, или иезуитством "агента охраны" Сталина и т.п., значит уйти от всякого объяснения генезиса тоталитаризма в его советском варианте. По сути такой подход есть косвенное оправдание прошлой доктрины /была хороша, да испортили Ленин и Сталин!/

Прошлое невозможно ни замолчать, ни обойти, ни просто отбросить. Его необходимо понять, а для этого требуется тщательное изучение. При изучении и оценке ЧК-ГПУ, как и вообще всех институтов и учреждений в революции, необходимо учитывать фактор их эволюции, смены поколений, изменения в психологии. Характерный элемент революций и кризисов - политическая мимикрия. Робеспьер и Баррас, Ленин и Сталин, Раковский и Каганович, Дзержинский и Ежов, Лацис и Берия - это не просто разные политические фигуры и личности - это разные этапы эволюции системы. Неслучайно Г.В. Плеханов писал, что для класса, завоевавшего свое господство, идти дальше - значит опускаться вниз.

Мы знаем чекистов, которые безоружные шли в лесные банды и выводили крестьян к мирной жизни в "медовые месяцы" нэпа. Мы знаем также "чекистов", которые "шили дела", чтобы сделать карьеру или завладеть квартирой расстрелянной семьи. Для каждого из них суд истории должен быть индивидуален и справедлив.

Глубоко ошибается тот, кто думает, что подобная социальная мимикрия была присуща лишь жестокому нашему прошлому, что она исключается самим механизмом "демократии". Институты и ритуалы демократии в этом плане

ничуть не добродетельнее институтов диктатуры, и поэтому контрольно-очистительные задачи здесь очень сходны. Конечно, коррумпированные парламентарии и чиновники не могут сегодня непосредственно приказать расстрелять заложников, но они способны вызвать отвращение к демократии, вымостить дорогу к диктатуре, способны, манипулируя за кулисами, спровоцировать не одно кровавое побоище с многочисленными невинными и неоправданными жертвами.

В условиях когда ошибочной или преступной становится общая стратегия, никакой даже очень хорошо поставленный отдельный государственный институт не может спасти положение. Он неумолимо будет захвачен общим направлением политики и превратится в ее послушный исполнительный инструмент. Во все времена истории и во всех ситуациях, при любых системах специального контроля, его эффективность будет зависеть, в конечном счете, от того, будет ли присутствовать в обществе главный контроль - контроль народа над своей властью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Источники.

а/ Неопубликованные:

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины /ЦГАВО Украины/

1. Фонд 1 - Всеукраинский Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов /ВУЦИК/.

- Опись 1. - Дела 16, 88, 92, 93, 114, 140-148, 200, 368.
- Опись 2.- Дела 145, 314, 315, 332, 353, 397, 419-421, 423, 644, 732, 995, 999, 1327, 1417, 1542, 1687, 2755, 3815.
- Опись 2 /доп./ - Дела 31, 36, 40, 47, 58.
- Опись 3. - Дела 176, 332, 1769, 1785.
- 2. Фонд 2 - Совет Народных Комиссаров Украинской ССР
/Совнарком УССР/.
- Опись 1. - Дела 11, 13, 24, 25, 30, 33, 43, 44, 58, 274, 446, 843, 844, 847.
- Опись 2. - Дела 375, 446, 466, 942, 971.
- Опись 3. - Дела 345, 362.
- 3. Фонд 5 - Народный комиссариат внутренних дел Украинской ССР
/НКВД УССР/.
- Опись 1. -Дела 115, 166, 354, 360-375, 667-697, 923, 924, 1403-1406, 2157, 2303-2305, 2310-2312, 2315-2371, 2397, 2398.
- 4. Фонд 8 - Народный комиссариат юстиции Украинской ССР
/Наркомюст УССР/.
- Опись 1. - Дела 3, 23, 25, 26, 28, 34, 38, 40, 42, 45, 53, 65-69, 74, 76, 88, 98, 102, 108, 139, 147, 156, 161, 187, 189, 193, 198, 201, 202, 283, 287, 303, 365, 366, 543, 546-548, 552, 555, 557, 564, 569, 573, 574, 578-601, 614, 724, 748, 754, 776, 777, 780, 850, 851, 861-864, 868, 869, 871, 872, 875, 877, 909, 929, 932-938, 957, 988, 990, 994, 1001, 1008-1011, 1013, 1056-1071, 1073-1075, 1176, 1181, 1192, 1249, 1252, 1254, 1255, 1258, 1269, 1315, 1348, 1352, 1355-1470, 1473, 1474, 1478-1482, 1484-1497, 1507-1530, 1533, 1545, 1554, 1556, 1845, 1936, 1938.
- Опись 2. - Дела 2, 54, 455, 472, 478, 661а, 662, 683, 685, 687, 691, 1229, 1367, 1687, 1725, 1727, 1728.
- Опись 9. - Дело 1427.
- 5. Фонд 30 - Народный комиссариат финансов Украинской ССР
/Наркомфин УССР/.
- Опись 1. - Дело 6105.
- 6. Фонд 34 - Высший совет народного хозяйства Украинской ССР
/ВСНХ УССР/.
- Опись 10. -Дело 719.
- 7. Фонд 182.- Агитационно-инструкторские поезда им. В.И. Ленина, им. И.В. Сталина, им. III Интернационала, "Червона Україна" при ВУЦИК и Реввоенсовете Юго-Западного фронта.
- Опись 1. - Дело 3.

8. Фонд 539 - Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Украинской ССР /НК РКИ УССР/.
- Опись 1. - Дела 1, 2, 53, 222, 223.
 - Опись 2. - Дело 241.
9. Фонд 1738 - Бюро Печати Украины при ВУЦИК /БУП/.
- Опись 1. - Дело 3.
10. Фонд 3204 - Постоянное Совещание по борьбе с бандитизмом при Совнарком УССР.
- Опись 1. - Дело 70.
- Центральный государственный архив общественных организаций Украины /ЦГАОО Украины/
11. Фонд 1 -Центральный Комитет коммунистической партии Украины /ЦК КП/б/У/.
- Опись 6. -Дела 1, 7, 13, 29, 30, 40, 48, 49, 58, 59, 85, 86, 121, 122, 142,143.
 - Опись 7. -Дела 1, 5, 10, 17, 20, 28, 31, 37, 40, 47, 50, 57, 59, 60, 61.
 - Опись 20. -Дела 404, 884, 1303, 1908, 2100, 2217.
- Государственный архив Харьковской области /ГАХО/
12. Фонд п-1 - Харьковский губернский комитет КП/б/У.
- Опись 1. -Дела 221, 549, 911.
13. Фонд р-203 - Харьковский губисполком.
- Опись 1. - Дела 564, 608, 1708, 2322.
14. Фонд р-845 -Харьковский окрисполком.
- Опись 2. -Дела 233, 312, 341, 365.
 - Опись 3. - Дела 265, 2399, 2723.
15. Фонд р-1639 -Изюмский окрисполком.
- Опись 1. - Дела 75, 344, 345, 420, 491.

Диссертации

16. Власенко С.И. Правоохранительные органы Украинской ССР в период восстановления народного хозяйства /1921-1925 гг./: Дис. ... канд.юрид. наук. - Харьков,1987.
17. Голиченко В.Д. Коммунистическая партия - организатор и руководитель ВУЧК /1918-1922. гг./: Дис. ... канд.юрид.наук. -Киев,1962.
18. Долженко А.Н. Народный комиссариат юстиции в первые годы Советской власти /1917-1920/: Дис. ... канд.юрид.наук. -Харьков,1986.
19. Маймескулов Л.Н. Создание рабоче-крестьянской инспекции Украины

/1918-1920 гг./: Дис. ... канд.юрид.наук. -Харьков,1963.

20. Розумный В.Г. Исправительно-трудовое право Украинской ССР в 1917-1925 гг.: Дис. ... канд.юрид.наук. -Харьков,1970.

21. Рогожин А.И. Украинское советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны /конец 1918-1920 гг./: Дис. ... д-ра юрид.наук. -Харьков,1967.

22. Яковенко Д.Т. Учреждение прокуратуры УССР, ее организация и деятельность в 1922-1925 гг.: Дис. ... канд.юрид.наук. -Киев,1956.

б/ Опубликованные:

Нормативные, акты, сборники документов и материалов

23. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине /февраль 1917 - апрель 1918 гг./: Сб.документов и материалов: В 3 т. -Киев: Госполитиздат Украины,1952.

24. ВЧК-ГПУ: Документы и материалы /Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. -М.: Изд-во гуманит.лит.,1995.

25. 1925 - Два года деятельности прокуратуры УССР. Отчетный доклад прокурора Республики на IV-ой сессии ВУЦИКа VIII созыва. -Харьков: Изд-во НКЮ УССР,1925.

26. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии /1917-1922 гг./: Сб.документов. -М.: Госполитиздат,1958.

27. Инструкция для губернской чрезвычайной комиссии. -Киев, 1919.

28. Инструкция агентам ТООГПУ по производству следствий и дознаний. /Дорожный Транспортный Отдел Объединенного Государственного Политического Управления Екатерин. жел. дор./ -Екатеринослав, 1924.

29. История советской прокуратуры в важнейших документах /1922-1952 гг./ -М.: Госюриздат,1952.

30. Красная книга ВЧК: Сборник: В 2 т. -2-е изд.,уточн. -М. : Политиздат, 1990.

31. Ленин В.И. и ВЧК: Сб.документов /1917-1922 гг./ -2-е изд. -М.: Изд-во полит. лит.,1987.

32. Ленинский сборник XXXIV -М.: Госполитиздат,1942.

33. Материалы Народного комиссариата юстиции УССР. -Вып. 1. -Киев: Изд. контрольно-следственного отдела НКЮ УССР,1919.

34. Материалы 1-й партийной конференции пограничных войск ГПУ Украинского округа /22-23 августа 1923 г./: Сборник. -Харьков,1923.

35. На защите революции. Из истории Всеукраинской чрезвычайной

комиссии 1917-1922 гг.: Сб. документов и материалов. -Киев: Изд-во полит. лит. Украины,1971.

36. Обзор деятельности прокуратуры РСФСР за первое полугодие 1925 года. -М.: Юриздат,1926.

37. Образование Союза Советских Социалистических республик: Сб. документов. -М.: Наука,1972.

38. Отчет Цупрчрезкома за 1920 г. -Харьков, 1920.

39. Пограничные войска СССР. 1918-1928: Сб. документов и материалов. -М.: Наука,1973.

40. Положение о прокурорском надзоре и инструкция прокуратуре. -Харьков: Изд. НКЮ УССР,1922.

41. Резолюции II-го Всеукраинского съезда работников советской юстиции. 26 февраля - 3 марта 1924 г. -Харьков,1925.

42. Сборник НКЮ УССР по статистическому отделу за 1921 г. -Вып. 1. -Харьков: Изд. НКЮ УССР,1922.

43. Сборник постановлений ВУЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. -Вып.2. -Харьков,1921.

44. Сборник постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. -М.,1923.

45. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик /СЗ СССР/. -М.,1924-1928.

46. Собрание узаконений и распоряжений Всеукраинского революционного комитета. -Харьков: Изд. НКЮ УССР,1920.

47. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР /СУ РСФСР/. -М.,1917-1928.

48. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины /СУ УССР/. -К.; Х,1918-1928.

49. Советская прокуратура в важнейших документах: Сборник. -М., Госюриздат,1956.

50. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран /Под ред. З.М.Черниловского. -М.: Юрид.лит.,1984.

Периодические издания

51. Бюллетень ЦИК, СНК и СТО СССР. -1923. -№ 8. -Ст.225.

52. Бюллетень НКВД РСФСР. -1922. -№14. -Ст.104.

53. Бюллетень НКВД РСФСР. -1927. -№29. -Ст.372.

54. Вестник Украинской Народной Республики. -1918. -№ 5.
55. Ежедневник советской юстиции. -1922. -№ 1-5.
56. Ежедневник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. -М.,1918. -№1-4.
57. Известия ВУЦИК. -1919-1922.
58. Известия ВЦИК. -1918-1919.
59. Исторический архив. -М.,1958. -№1.

II. Специальная литература:

60. Авербух К.К. Одесская "чрезвычайка": Большевицкий застенки. -Ч.1. - Кишинев,1920.
61. Агабеков Г.С. ГПУ: Записки чекиста. -Берлин,1930.-247с.
62. Агабеков Г.С. ЧК за работой. -Берлин,1931. -334с.
63. Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. -М.: Современник,1996. -447с.
64. Агелов Е. Колчак или Ленин? К вам, солдаты, крестьяне и рабочие! - Ростов н/Д: Народная польза,1919. -12с.
65. Андреев Ю. Кому послужит КГБ: - от ведомства госбезопасности - к системе национальной безопасности //Новое время. -М.,1990. -№15. -С.32-33.
66. Аронсон Г. На заре красного террора. -Берлин,1929.-240с.
67. Бабій Б.М. З історії органів ВУНК-ДПУ УРСР /1918-1926рр./ //Проблеми правознавства: Міжвід.наук.зб. -Вип.5. -1926.-С.34-47.
68. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. -Можайск: СП "СОФИТА", Информационно-рекламный центр "ИНФОДИЗАЙН",1990. -319с.
69. Бачинський П.П. Органи ВУНК в захисті Радянської влади на Україні. /1918-1922/. //Укр.іст.журнал. -1969. -№1. -С.57-63.
70. Безпалов Н. Исповедь агента Г.П.У. -Прага,1925. -200с.
71. Бенько О.П. Державно-правові аспекти політичного терору в Україні /1917-1953 рр./: Автореф.дис. ... канд.юрид.наук. -Київ,1994. -28с.
72. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. -М.: Наука,1990. -224с.
73. Беседовский Г.З. На путях к термидору. -М.:Современник,1997. -461с.
74. Брагинский М. Первые шаги прокуратуры //Соц. законность. -1947. №5. -С.38-40.
75. Бруслокхарт Р.Г. Мемуары британского агента: Рассказ о молодых годах автора, проведенных в различных странах и о поездке его в Москву в 1918г. с поручением от английского правительства. -Лондон; Нью-Йорк,1932. -286с.

76. Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ!. -Париж: Изд. "Общего дела", 1932. -47с.
77. Бычков Л. ВЧК в годы гражданской войны. -М.:Воениздат, 1940. -77с.
78. Велидов А. С. На страже завоеваний Октября //История СССР. -1970. -№1. -С.3-26.
79. Велидов А. С. Коммунистическая партия -организатор и руководитель ВЧК /1917-1920 гг./ -М., 1967. -307с.
80. Военные контрразведчики: Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет: Сб. очерков. -М.: Воениздат, 1978. -422с.
81. Волжан Л., Звоницкий Е. Четверо з губчека: Оповіді про перших харківських чекістів //Прапор. -1967. -№7. -С. 94-107.
82. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 кн. -Кн. 1. -М.: Политиздат, 1980. -335с.
83. Голиченко В.Д. Вартові революції: Короткий нарис з історії чекістських органів України від часу їх утворення до 1922р. -Київ: Політвидав, 1966. -162с.
84. Голиченко В.Д. Всеукраїнська надзвичайна комісія в боротьбі з контрреволюцією /1918-1922 рр./ //Укр.іст.журнал. -1962. -№ 4. -С.52-61.
- 85.Голиченко В.Д. Партійне керівництво органами державної безпеки. На матеріалах України. -Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1968. -180с.
86. Голиченко В.Д. На Украине по заданию Ильича //Коммунист Сов. Латвии. -1970. -№12. -С.71 -74.
87. Гуль Р. Дзержинский. Менжинский. Петерс. Лацис. Ягода. -Париж, 1935. -180с.
88. Дантон Ж.-Ж. Избранные речи. -Харьков: Госиздат Украины,1924. -112с.
89. 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. -М.: Госполитиздат,1938. -64с.
90. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. -М.: Наука,1991. -519с.
91. Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.: Автобиографии и биографии. -М.: Книга,1989. -304с.
92. До двадцятиріччя ВНК-ОДПУ-НКВС. -Київ: Партвидав ЦК ВК/б/У, 1938. -32с.
93. Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. -М.: Воениздат,1981. -200с.
94. Долой чрезвычайки. -Б.м.,1921. -19с.
95. Дорошенко И.А. Создание и деятельность ВЧК в первые годы Советской власти //Тр.высш.шк.МВД СССР. -Вып.2. -М.,1957.
96. Дукельский С.С. ЧК-ГПУ. -Харьков,1923.
97. Дукельский С.С. ЧК на Украине. -Chalidze Publications and Canadian Institute of Ukranian Studes,1989. -143с.

98. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. -Симферополь: Таврия,1997. -351 с.
99. Захарин И. Четверо суток в Лубяном каземате ВЧК. -Б.м.1918. -34с.
100. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. -М.,1994. -318с.
101. Ильин И.А. О частной собственности //Русская философия собственности / XVIII-XX вв./ -С.-Петербург: СП "Ганза", 1993. -С.120-132.
102. Ильин И.А. Собр.соч.: В 10 т. -Т.4 /Сост. и коммент. Ю. Т.Лисицы. -М.: Русская книга,1994. -624с.
103. Историческое и логическое в познании государства и права. -Л.: Изд-во ЛГУ,1988. -160с.
104. Карательные органы современного империалистического государства. - М.: Наука,1968. -442с.
105. Касьянов Г.В., Даниленко В.М. Сталинизм и украинская интеллигенция /20-30-е годы/. -К.: Наук.думка,1991. -96с.
106. К двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД. -М.: Партиздат ЦК ВКП/б/, 1937. -24с.
107. Ковалев М.А. Надзор за расследованием преступлений в первые годы Советской власти //Вести. МГУ.-Сер. 11: Право. -1977. -№ 5. -С.75-81.
108. Кожевников М.В. Органы, выполнявшие функции советской прокуратуры до ее учреждения /1917-1922 гг./. //Учен.зап.МГУ.-Вып. 144. -Кн.3. - 1949. -С.37-84.
109. Кожевников М.В. Учреждение советской прокуратуры, ее организация и деятельность в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства //Учен.зап.МГУ. -Вып.145. -Кн. 4. -1949. -С.3-50.
110. Кремль за решеткой: Подпольная Россия. -Берлин,1922. -220с.
111. Кульчицкий С. Комунизм в Україні: перше десятиріччя /1919-1928/. - К.: Основи,1996. -396с.
112. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. -2-е изд., доп. -М.: Госюриздат,1958. -330с.
113. Лацис М.Я. /Судрабс/ Два года борьбы на внутреннем фронте: Попул. обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. -М.: ГИЗ, 1920. - 81 с.
114. Лацис М.Я. /Судрабс/ Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. -М.: ГИЗ, 1920. -88с.
115. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться //Полн. собр. соч., -Т.34. -С. 151-199.

116. Ленин В.И. IX Всероссийский съезд Советов 23-28 декабря. О внутренней и внешней политике республики: Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. // Полн. собр. соч. -Т. 44. -С. 291-329.
117. Ленин В.И. Доклад об объединительном съезде РСДРП /Письмо к петербургским рабочим/. // Полн. собр. соч. -Т.13. -С. 1-66.
118. Ленин В.И. О "двойном" подчинении и законности // Полн. собр. соч. -Т.45. -С.197-201.
119. Ленин В.И. Переход контрреволюции в наступление // Полн. собр. соч. -Т.32. -С.215-217.
120. Ленин В.И. Речь на VI конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. -Т.40. -С. 113-121.
121. Литвин А.Л. ВЧК в советской исторической литературе: Обзор // Вопр. истории. -1986. -№ 5. -С.96-103.
122. Маймескулов Л.Н. ГПУ и Прокуратура УССР. Становление надзора // Актуальные проблемы формирования правового государства: Краткие тез. докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф. 24-26 октября 1990 г. -Харьков: Юрид. ин-т, 1990. -С. 57-59.
123. Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия /1918-1922/. -Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1971. -249с.
124. Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия /1918-1922/. -Харьков: Основа, 1990. -345с.
125. Мала енциклопедія етнодержавознавства. -К.: Довіра: Генеза, 1996. -942с.
126. Малицкий А. Чека и ГПУ. -Харьков: Путь просвещения, 1923. -50с.
127. Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. -2-е изд. -Т.12. -С.692-701.
128. Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918-1923. -М.: СП "РИУСО", 1990. -253с.
129. Михайленко П.П. К вопросу об организации Всеукраинской чрезвычайной комиссии // Учен. зап. Львовск. у-та. -Вып.3. -Т.38. -1956. -С. 72-83.
130. На страже завоеваний социализма. -Сталинград: Облкнигоиздат, 1938. -68с.
131. Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками: Воспоминания. -Париж, 1931. -227с.
132. Олень. Ужасы чрезвычайки: Большевицкий застенки в Харькове и Царицыне. -Ростов н/Д, 1919. -32с.

133. Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. -Симферополь: Таврия,1987. -191 с.
134. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России. -Б.м.,1919. -19с.
135. Остряков С.З. Военные чекисты. -М.: Воениздат,1979. -320с.
136. Портнов В.П. ВЧК, 1917-1922 гг. -М.: Юрид. лит.,1987. -207с.
137. Правдин И. Слои революционных убийц //За русское дело. С.-Петербург,1995. -№ 8/31/.
138. Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924-1934. -К.: Україна,1996. -335с.
139. Провинциальная чека: Сборник ст. и материалов: Спец-выпуск журнала "Клио". -Харьков,1994. -120с.
140. Прокурорский надзор за следствием в органах КГБ //Организация и методика повышения квалификации работников органов прокуратуры. -М.,1969. -С.88.
141. Рассказов Л.П. Роль карательно-репрессивных органов в становлении административно-командной системы в первые годы советской власти. -Уфа,1992. -134с.
142. Рассказов Л.П. Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового политического курса большевиков /1921-1927 гг./: Учеб.пособие. -Уфа,1993. -145с.
143. Ратибор В. КГБ и перестройка. Б.м., б.г. -16с.
144. Рогожин А.И., Маймескулов Л.Н. Всеукраинская ЧК в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: Конспект лекций. -Харьков,1964. -70с.
145. Рогожин А. И. Організація нагляду за законністю в Українській РСР в період проведення Великої Жовтневої соціалістичної революції і період іноземної воєнної інтервенції та громадянської війни //Наук.зап. АН УРСР. -№1. -Київ,1952. -С.70-90.
146. Розенберг. Прокуратура //Основы и практика советского права: Сб. ст. -Петроград,1923. -С.91-100.
147. Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. -2-е изд. -М.: Просвет,1991. -548с.
148. Рыбаков А.М. Проблемы насилия и террора в октябрьской революции и гражданской войне: Левоэсеровская альтернатива: Автореф.дис. ... канд.ист.наук. -М.,1993. -23с.
149. Сенюшкин В.В. Руководство коммунистической партией органами ЧК

в период гражданской войны и иностранной интервенции. /По материалам Юга Украины. Январь 1918 - февраль 1922 гг./: Автореф.дис. ... канд.юрид.наук. - Одесса,1967. -22с.

150. Сергеев П. Когда открываются тайны: Дзержинцы. -Херсон ,1963.

151. Скрипник М.О. Вибрані твори. –К.: Україна,1991. -617с.

152. Софинов П. Карающая рука советского народа. К 25-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1917-1942. -М.: Госполитиздат,1942. -44с.

153. Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии /1917-1922 гг./ -М.: Госполитиздат,1960. -248с.

154. Сталин И.В. Беседа с иностранными рабочими делегациями. 5/XI-27г. - М.,Л.: Госуд.изд-во "Красный пролетарий",1927. -48с.

155. Стерник И. Б. Революционная законность и органы надзора за законностью в первые годы советской власти //Учен.зап.Москов.юрид.ин-та. - Вып. IV. -1948. -С.123-138.

156. Сусло Д.С. Организация и деятельность суда и прокуратуры Украинской ССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства /1921-1925 гг./: Автореф.дис. ... канд.юрид.наук. -Киев,1964. -18с.

157. Тамм А. Відстоюючи права України /сторінки біографії наркома юстиції М.О. Скрипника/ //Правова держава Україна: Проблеми, перспективи розвитку: Короткі тези доповідей та наук. повідомлень Республіканської наук.-практичної конференції 9-11 листопаду 1995 р. -Харків,1995. –С.66-88.

158. Татаркин Д., Палкин К. Первые шаги //Соц. законность. -1962. -№ 5. - С.35-41.

159. Титов Ю.П. ВЧК в первые годы Советской власти //Вестн. МГУ. –Сер. 10: Право. -1963. -№1. -С.49-58.

160. Титов Ю.П. Правовые формы организации и деятельности революционных трибуналов РСФСР //Вопр. права и законности в первые годы сов. власти: Сб.науч.тр. -М.: ВЮЗИ,1984. -С.17-81.

161. Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. -М.: ВЮЗИ,1987. -72с.

162. Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов как органов борьбы с наиболее опасными преступлениями //Вопр.истории уголовного права и уголовной политики: Сб.науч.тр. -М.:ВЮЗИ,1986. -С. 74-146.

163. Титов Ю.П. Система советских революционных трибуналов в первые годы нэпа //Вопр.истории органов борьбы с преступностью. -М.: ВЮЗИ,1987. - С.70-134.

164. Титов Ю.П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность: Учеб.пособие. -М.:ВЮЗИ,1981. -61 с.
165. Тишков А. В. Щит и меч революции: Из истории ВЧК. -М.: Политиздат,1979. -72с.
166. III Международная конференция. КГБ: вчера, сегодня, завтра. -М., 1994. -260с.
167. Українська державність у ХХ столітті: історико-політологічний аналіз. -К.: Політична думка, 1996. -448с.
168. Усенко И.Б. Внесудебная репрессия. Как это начиналось //Ком-мунист Украины. -1990. -№2. -С.43-53.
169. Усенко И. Б. Первая кодификация законодательства Украинской ССР. - Киев: Наукова думка,1989. -120с.
170. Усенко И. Б. Противоречия и тенденции развития законодательства об органах государственной безопасности /опыт истории и современность/. //Актуальные проблемы формирования правового государства: Краткие тез.докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф. 24-26 октября 1990 г. -Харьков: Юрид. ин-т,1990.- С. 55-57.
171. Усенко И.Б. Україна в роки непу: доля курсу на революційну законність. -Харків: Ун-т вн. справ,1995. -74с.
172. Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным: Комент. к воспоминаниям А.М. Лариной "Незабываемое" с прил. -Нью-Йорк: Телекс,1991. -145с.
173. Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста, -2-е изд., испр. и доп. -М.: Госполитиздат,1962. -205с.
174. Фукс С. Л. Советское право в период от перехода к новой экономической политике до начала наступления социализма по всему фронту /1921-1929 гг./: Конспект лекций. -Харьков,1965. -62с.
175. Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. -Берлин: Изд. Центр.Бюро партии соц.-рев.,1922. -225с.
176. Черниченко С.А. Прокурорский надзор за работой судебно-следственных органов и ГПУ в годы нэпа /1922-1928 гг./. //Проблеми законності: Респ.міжвідом.наук.зб., -Харків: Нац. юрид.акад. України,1997, -152с.
177. Чернова-Колбасина О.Е. Воспоминания о советских тюрьмах. -Берлин: Изд. Парижской Группы Содействия партии соц.-рев.,1921. -33с.
178. Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: Сторінки ненаписаної історії. -К.: Наук.думка,1993. -351 с.
179. Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. -К.: Абрис,1997. -608с.

180. Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. -Берлин,1923.